

МОРФЫ

К началу событий Ольга — амбициозная, уверенная в себе и своем будущем девушка, которая намерена использовать новые знания о сновидениях для себя. В сновидения Ольга попадает сначала в качестве волонтера для массовки в снах, а затем становится студенткой университета морфов, выпускающего сноходцев и снотоков — тех, кто создает большую часть снов, которые видят все люди. Но учеба в университете снов заставляет её иначе взглянуть на окружающую действительность, она встречается с самыми потаенными страхами, первой любовью и настоящей дружбой. Ей приходится пересмотреть свои взгляды на людей и на себя самому, да и что там скрывать, не единожды умереть. Сможет ли она справиться с коварным недоброжелателем и страхами, своими и чужими?..

Тонуть в трясине было, как бы это правильнее сказать? — Скучно. Страшно, конечно, и даже немного больно — ноги попали в густую, липкую грязь и их словно сковало в испанском сапоге. Но в первую очередь скучно. Уж слишком неприятно так умирать, когда каждое твое трепыхание лишь ускорит конец, и приходится стоять столбом.

Я уже плохо чувствовала пальцы ног и лишь повыше подняла руки, словно до сих пор надеясь спастись. Глупо, конечно. Уцепиться на этом болоте было совершенно не за что, а попытки подтянуться с помощью чахлах мшистых кустиков, лишь приводили к тому, что те вырывались с корнем, а за ними и гнилостные пузыри болотного газа. Дышать уже через несколько таких попыток стало совершенно нечем. Проще было нырнуть с головой, чтобы не мучить себя еще сильнее, но этого я себе позволить не могла — ужасно хотелось жить.

Дышать хотя бы этим вонючим воздухом, слушать истошные вопли отчаявшегося Андрея, который пытался подобраться поближе и вытащить меня. По сравнению с ним я была просто эталоном спокойствия, а ведь именно мне предстояло погибнуть в этой трясине. Что за незадача.

— Я тебя вытащу, Ольга! — вопил этот несчастный, волоча к болоту какую-то корягу. Отрицая все законы физики, коряга затонула быстрее, чем топор. Который, кстати, Андрей до этого утопил здесь же. Не очень удачный ход, с учетом того, что в болото нас загнала стая змеехвостых диких собак.

— Держись, Ольга! — снова разнеслось над болотом. Мне хотелось огрызнуться, что я бы держалась, если бы было за что, но нельзя. Вместо этого пришлось горестно всхлипнуть, размазывая вонючую грязь пополам со слезами по лицу. — Ольга!

Просто любопытно, хоть перед смертью мне предстоит услышать свое имя, не исковерканное таким грубым звучанием? Наверное, нет. Впрочем, как Андрей ни в какую не желал называть меня Ольгой, так и я отказывалась сокращать его имя до более привычного ему Яндра. Мне всё время казалось, что в таком виде имя звучит как-то по-девчоночьи, что ли.

А ведь это мысль.

Я еще раз попыталась поднять ногу, но лишь провалилась глубже. Теперь я в липкой грязи была по пояс и ощущения, словно я влезла в мокрые джинсы на два размера меньше никак меня теперь не покидали. И да, гипотетическая примерочная была не иначе как в вокзальном туалете — лопнувший прямо передо мной грязевой пузырь только усугубил впечатление. Я прокашлялась — в горло попала грязь, и когда только успела? — и позвала чуть дрожащим голосом:

— Яндра!

Андрей выронил очередную корягу, которая тотчас пошла ко дну болота, прямо как по заказу. И где он их только находит, интересно?

— Ольга, — всхлипнул он и потянул ко мне руки.

Даже постараться не может, что за человек!

Разозлиться как следует я даже не успела — лицо Андрея исказилось ужасом, смотрел он при этом не на мою измазанную грязью физиономию, так что нетрудно было догадаться, что утонуть в болоте мне на этот раз не грозит. Позади раздался чмокающий звук. Но не то

сочное чмоканье, которое порой сопровождает чересчур пылких влюбленных и их мокрые поцелуи, нет. Это было такое чмоканье, которое вы никогда не захотите услышать в непосредственной близости от своего местонахождения. И я тут не была исключением, но, так как изменить место своего пребывания не могла по ряду причин, действовала по обстоятельствам. То есть, оглянулась.

За мной из болота поднималась жаба. О, что это была за жаба! Просто чемпион среди самых огромных и уродливых жаб. Даже высунувшись из грязи едва ли до середины белого скользкого брюха, она уже была выше меня, а её бородавки могли взять первое место на любом конкурсе гибельных кожных образований, если бы такие конкурсы существовали. Маленькие — едва ли с мой кулак, глазки смотрели равнодушно, но я не обманывалась — уйти от такой не удастся. Вообще, можно по этой бравате подумать, что мне такая жабка нипочем, но вся правда в том, что все эти мысли о том, как выглядит кубок победителя среди бородавок, и прочий бред лез в мою голову от страха. Да, умирать очень страшно, а что эта жаба собирается избавить меня от смерти в болоте именно таким негуманным способом, сомнений не было.

Она открыла пасть — вместо острых зубов лишь твердые полукруглые пластины. Значит, будет особенно больно.

— Ольга! — истошно завопил Андрей, пытаясь полезть в болото за мной. Ну что за дурачок. Последняя мысль была почти нежной.

А потом пришла боль. Жаба не желала избавить меня от мучений, попросту откусив голову. Нет, она начала с рук.

Вообще-то принято бояться острых зубов. В три ряда, скажем, откусывает конечность подчистую, кровь хлещет фонтаном — всё как надо. Так вот. Когда эту же самую руку мочалют беззубыми, но мощными как трактор челюстями, это куда хуже. К сожалению, у меня было с чем сравнивать. Рука противно сплющилась и хрустнула, пока жаба с флегматичным спокойствием пыталась её распробовать на вкус и проглотить — так и тянула, выворачивая суставы. Просто слышно, как рвется суставная сумка и связки.

Ругаться хочется — сил никаких нет, но вместо этого я пристально уставилась на Андрея, который уже успел допрыгать по жалким кочкам вплотную к нам с жабой. И тут, по самому действенному закону вселенной, то бишь, закону подлости, он наконец попал в трясины и начинал тонуть. Досмотреть это печальное зрелище я не успевала жаба всё-таки выплюнула мою измочаленную вконец руку и раззявила пасть, накрывая голову и меня в целом по плечи. Склизкая и удушающая темнота — что за глупая смерть в самом деле.

И нет ничего удивительного, что, очутившись снова в классе, я как зомби тянула трясущиеся руки перед собой и открывала рот как рыба. Нет, как жаба!

Джейн как всегда отреагировала первая — словно фокусник вытащила из воздуха стакан с водой и протянула мне. Все в группе смотрели на меня с плохо скрытой жалостью, но ничего не спрашивали. В отличие от мистера Совершенство, разумеется.

— Ольга, это был спонтанный сон, я правильно понимаю? — спросил он негромко, стоило мне допить воду. Хоть дождался ради приличия, молодец какой. Честно говоря, после трясины и жабы я меньше всего хотела бы очутиться на его уроке, это как вылезти из лужи и сразу забраться на розовый пушистый плед — оставшиеся следы не доставят удовольствия ни мне, ни пледу. Но мистер Совершенство только выглядит так, мы все уже давно не обманываемся его белозубой голливудской улыбкой «в тридцать три зуба» и идеальной прической. Преподаватель он ничуть не добрее Черного рыцаря или Гиены

Огненной.

— Да. Мастер, — ответила я сквозь зубы. Как будто это и без так непонятно.

— Категория? — мистер Совершенство и бровью не повел. Ему, похоже, плевать на мое самочувствие и желание разговаривать. Точнее, нежелание.

Справедливости ради я напоминаю себе, что это совсем не так. Просто я зла и устала, и вопросы совсем не повышают настроение.

— Кошмар, целевая концентрация. Повторяющийся, — наверное, Джейн что-то добавила в воду, потому что постепенно я чувствовала, что успокаиваюсь. В самом деле, не я первая и не я последняя. Мортимер как-то говорил, что такое встречается постоянно — привязался парень ко мне и теперь постоянно из сна в сон таскает. Ничего страшного. Вот таблеточки попьет, проблемы в реальности решит, и кто знает, может, буду ему сниться в снах поприятнее. Поскорее бы, а то я по кошмарам так могу и Кошмарыча догнать.

Я со скорбной миной смотрела, как в журнале в руках мистера Совершенство против моего имени появляется черный зонтик с заливчатской ручкой — ровно шея «двойки», и печально вздохнула. Не пронесло. А ведь мог и забыть об этом.

— Ольга, жду вас на третьем уровне, — раздался в кабинете механический голос. Накаркала, называется. Помяни Черного рыцаря, он тебя тут же и призовет.

Но делать нечего. Наморщила лоб, сосредотачиваясь на третьем уровне. Что у нас там? Да, скелет около шкафа, а на нем — цилиндр.

— Ольга, — Черный рыцарь кивнул на кресло перед огромным блестящим столом. Ни соринки, ни бумажки на нем. Словно он не работает за ним, а только меня ждет. Впрочем, сейчас меня не это должно волновать.

— Мастер, — голос противный, это я так ныть начинаю. Рыцарь этого обычно долго выдержать не может. Его бледное лицо начинает дергаться, словно он силится проснуться. Пару раз даже и впрямь помогало. Правда, выбираться потом из пустого кабинета — хорошего мало. Но и слушать, как тебя распекают за то, в чем ты не виновата, тоже не хочется. — Я тут не причем. Это опять Андрей.

Черный рыцарь русоволос и сероглаз. Наверное, он мог бы сойти за моего брата или отца. Но его лицо напоминает гипсовую маску и все мысли о том, что он как любой живой человек может иметь родственников или интересы в реальном мире, тают как масло на сковородке. Черный — это не цвет волос или кожи, и даже не любимый оттенок в одежде, хотя тут нас рыцарь не подводит — не видела его ни разу в чем-то другом. Кроме праздников, пожалуй. Но это другая история и закончилась она тоже кошмаром. Дело не в его одежде, а в его плаще, плотно залепленном круглыми блестящими черными значками. Знаками кошмаров, которые создал или провел Черный рыцарь. Плащ от этого был тяжелым и практически несгибаемым. И ни одного пестрого пятна на нем не было. Вообще ни одного.

— Ольга, — повторил Черный рыцарь. Его лицо чуть дернулось от противного звука моего голоса, но куда меньше, чем обычно — похоже, он был к этому готов. Эх, старею что ли? — Я же объяснял. Дело не в том, виновата ты или нет. Просто пострадать в случае чего предстоит именно тебе. Если ты окончательно умрешь в снах Яндры, ты точно не сможешь закончить Университет. А решать, умерла ты или нет — ему, а не тебе.

— О. - это всё, что я могла сказать, когда мне так прямо дали понять, что я могу умереть по-настоящему. И до чего же символично, что такой информацией каждый раз со мной делился Кошмар Кошмарович. Кому как не ему разбивать надежды студентов и пугать до полусмерти.

Черный рыцарь смотрел словно сквозь меня. Интересно, сколько ему лет и как его зовут домашние? Неужели Костей? Странная мысль захватила меня полностью, отвлекая от новости о возможной страшной участи, но лицо при этом совсем не поддается коррекции, и Рыцарь читает его на раз.

— В реальном мире ты не умрешь, Ольга, — поспешил поправиться он. Видимо, опасаясь моей истерики, не иначе. — Но умерев во сне человека, который привяжется к тебе настолько, что поверит в это, ты навсегда пропадешь из мира снов. И дело не в том, что ты не закончишь учебу и не сможешь быть даже простым волонтером. У тебя больше никогда не будет снов.

Ох, я так и думала, что про смерть Черный рыцарь преувеличил. Но вот о лишении снов меня и впрямь предупреждали. Вообще много о чем предупреждали. Хотя и не с самого начала, конечно. Сначала завлекли бедную наивную меня, а потом уже наразвешивали табличек «Опасно» и «Не влезать». Но если вспомнить сейчас это начало — и не стоило тогда ни о чем таком рассказывать.

Я вдруг словно вернулась обратно, почти на год назад, в теплый летний день сразу после школьных экзаменов.

Впереди было целое лето, которое стоило потратить себе на пользу — следующее было распланировано вперед, предстояли вступительные экзамены, а уж потом... Я рисовала себе красочные картины самых занятых в мире каникул. В конце концов, собиралась поступать я на факультет журналистики, а туда не только большой конкурс, но даже просто попасть с высокими оценками нечего было и думать. Писать иногда небольшие заметки в популярную только среди пенсионеров местечковую газету было мало, нужно было что-то еще.

Большинство моих друзей и хороших знакомых, по крайней мере, из той рассудительной части оных, что уже сейчас думали о ВУЗе, считали отличным вариантом поучаствовать в какой-нибудь волонтерской программе. Всем известно, это не только престижно и значимо, но и является приятным бонусом при поступлении. Давно прошли времена, когда в волонтеры шли сплошь только люди не от мира сего.

Один минус всё же был — мои родители не принимали никаких логичных доводов, считая, что негоже их «маленькой девочке» заниматься тяжелыми вещами вроде помощи больным в хосписе. Что ближайший хоспис находится за много километров от нашего дома, да и не взяли бы меня туда хотя бы из-за возраста, а волонтерская служба не всегда требует именно тяжелой медсестринской работы, убедить их так и не удалось. Кстати говоря, это было особенно обидно. С моей точки зрения, настоящий журналист должен владеть словом так, чтобы обыватели внимали беспрекословно. А с этой точки зрения, увы, мои родители были именно такими обывателями.

Поэтому этим теплым днем я просматривала все возможные вакансии как волонтерской службы, так и просто общественно-полезного труд. Чем черт не шутит, лучше, чем ничего, особое внимание уделяя тем вариантам, которые звучали бы солидно для моих родителей или, на что я слабо надеялась, не требовали письменного разрешения для несовершеннолетних.

Занималась я этим не первый день и уже потеряла всякую надежду, пообещав себе ответить согласием на работу со школьным летним лагерем. Там даже если и требовалась подпись родителей, получить её не составляло никакого труда. Начальником летнего лагеря была завуч младших классов, и её мои родители безмерно уважали. Хотя, что скрывать,

возиться с второклашками и первоклашками мне хотелось куда меньше, чем героически приносить пользу на невидимом фронте какого-нибудь известного благотворительного центра. Тщеславие, да, не спору.

И вот уже собираясь плюнуть на все свои мечты, я, разумеется, тут же наткнулась на это объявление. Оно мало отличалось от обычных, которых я прочла уже столько, что в глазах рябило, но взгляд уцепился за приписку: «Опыт и документы не требуются. Возраст и пол значения не имеют. Требуется прохождение психологического теста». Ну и адрес.

У меня нюх на такие штуки — это выглядело невероятно подозрительно и оттого мне нравилось еще больше. Мысленно я уже внедрялась в опасную контору. Ибо, уж поверьте знающему человеку, в наше время документы и опыт одновременно не требуются только в очень нехороших местах. Как известно, «без бумажки ты букашка». Или, скажем, живой контейнер для переноса ценных органов. Цинично, зато правда.

Конечно, стоило задуматься о том, что для меня может это плохо кончиться, но где вы видели успешного и известного журналиста, который бы бежал от опасного, но интересного дела? Вот и я с презрением отнеслась к тому, что могла и не вернуться из подобного места, окажись оно тем, что я подозревала.

Но в тот день я думала о другом. Новые босоножки, легкий сарафан по щиколотку, простая коса и минимум косметики — хороший разведчик производит впечатление простака, это я уже уяснила из многочисленных фильмов. Найти нужный адрес было непросто, я чуть не прошла мимо тупичка, в который следовало свернуть. Всё это лишь подтверждало мои самые смелые ожидания и опасения. А вот потом начались странности.

В чистенькой комнатке стояло несколько столов и толпились желающие побыть волонтерами. Удивительно, сколько всё-таки людей мечтает позаниматься непонятно чем и совершенно безвозмездно при этом. И ладно бы мои ровесники, там были и вполне солидные люди, и даже одна старушка, которая почему-то пришла с фикусом в авоське. Seriously, вот вы когда последний раз видели авоську не на картинках в старых книгах?!

Вот и я вживую их не видела лет пять, не меньше. Впрочем, старушка почти сразу пропала с моих глаз — может, поняла, что это совсем не её? Или она просто ошиблась дверью? Такое часто бывает.

«Второе лето сюда прихожу, очень здорово!», — послышалось от окна, и я окончательно упала духом. Жизнерадостный мужик с румянцем в пол лица никак не походил на жертву черных хирургов или наркодилеров, так что не видать мне своей сенсации. Впрочем, плакаты на стенах зазывали и обещали совершенно законную расписку о прохождении волонтерской службы в одной из больниц города, и я успокоилась. Взяла со стола психолога лист с вопросами и притулилась рядом с тем словоохотливым мужичком на подоконнике — мест за столами всё равно не хватало.

Вопросы были странными. Вроде «снятся ли вам сны» или «ведете ли вы личный дневник». Но психологи — это особый народ. Честно говоря, я даже подумывала стать психологом до того, как твердо решила стать журналистом. И то потому, что не смогла решить, кем лучше стать — психологом, психотерапевтом или психиатром. Мне нравились те, кто мог сунуть странный тест или пятна на листе бумаги, а потом составить на этом мнение о человеке. Или там «нарисуйте дом». В общем-то утрирую, конечно, но доля правды в этом есть. Вот и сейчас я чувствовала себя именно как такой подопытный кролик, отвечая на странные вопросы вроде любимого цвета и бывает ли у меня бессонница.

Заполнив весь лист, я протянула его психологу и вежливо спросила, когда будет

известен результат. Готова поклясться, что она в лучшем случае просмотрела каждый пятый ответ, а затем подняла на меня утомленный взгляд и ткнула моим же тестом в сторону неприметной двери.

— Вы можете приступить к работе.

— Прямо сейчас? — зачем-то уточнила я.

Но она не удивилась. Наверное, такие тупицы к ней пачками ежедневно приходят.

— Да, сейчас, — кивнула она. — На входе вам наденут браслет, и с его помощью будут отмечаться дни, которые вы работали в нашем... волонтерском центре. Для отчетности. Вам ведь нужен документ по окончанию работы?

Я только молча кивнула, и направилась к двери. Тут лучше не выпендриваться со своими «а вы как думаете», понятно же, что никак она не думает, просто работа у неё такая.

За дверью оказался плохо освещенный короткий коридорчик, в котором мутного вида высокий парень нацепил мне легкий пластиковый браслет и указал на следующую дверь. И всё это молча. Впрочем, выглядел он так, что я и сама бы предпочла с ним не разговаривать.

Я открыла дверь и шагнула внутрь быстрее, чем сообразила, что оказалась на улице. Сначала я собиралась возмутиться. Потом испугалась — потому как позади меня двери не оказалось. И всего напоминаний было о том, что я куда-то ходила — пластиковый браслет, да чернильное пятно на пальце. И только успокоив себя парой глубоких вздохов, я поняла самое главное — это был не мой город!

Да-да, можно с кислым видом говорить о том, что никто не знает всех улиц своего города, и в больших городах есть такие места, которые словно сошли с фотографий о дальних странах. Всё выдуманное выдумали уже не раз, вот и с домами всё так. Но дело было в другом, как не странно это прозвучит — воздух был другим. А еще деревья. Вовсю цвели яблони, а ведь я вошла в то проклятущее здание в конце июня!

Позади открылась дверь — прямо в воздухе, и я приготовилась поделиться наработанными за эти несколько минут мыслями с еще одним пострадавшим. Но вместо него я увидела того самого мутного парня, что надел мне браслет.

— Вы молодец, Ольга, — произнес он спокойным и таким искренним голосом, что я смутилась. Не очень понятно, за что хвалят, но приятно же! И вовсе он не мутный. Так, не слишком симпатичный, да пара прыщей всё портит и легкая небритость. Блондинам вообще ужасно не идет небритость. А вот глаза у него были хорошие. Живые и умные.

— Мы где? — надо же, стоит меня похвалить, так и язык не заплетается и вместо вялого блеяния выдает вопросы, да еще и неплохие. Хоть и короткие.

Но парень не оценил всё равно.

— Ольга, это неважно, — мягко произнес он. — Вы быстро разберетесь. Но пока я буду вашим куратором. Идите за мной и ничему не удивляйтесь.

И просто пошел по улице вперед, даже не оглядываясь — иду ли я. Мне собственно ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Потому что как бы я не храбрилась, но оказаться в чужом городе с одной крошечной сумочкой — это не моя мечта. Да, обычно я хожу с объемным рюкзаком, где есть бутылка воды, кошелек, паспорт, косметичка с цветными карандашами и ручкой, электронная книга... В общем, проще сказать, чего там не было. Но ведь надо было мне пойти в новом сарафане! А с ним рюкзак совершенно не смотрелся.

— Кстати да, — я даже испугалась, когда мой провожатый заговорил, но он, похоже, тоже время не тратил, и о чем-то думал. И высказался вслух к своим мыслям, а не моим, как

мне сдуру сначала показалось. — Ваш вид, Ольга, немного не соответствует реальности.

Он провел рукой, и мой сарафан стал белым и совершенно другого фасона, да еще и едва прикрывающим колени. И босоножки сменились туфельками, а сумка превратилась во что-то невообразимое.

Я прикусила язык, чтобы не сказать какую-нибудь глупость. Это в книжках хорошо томно махнуть ресницами и заявить что-то вроде «если так хотели увидеть мои ножки, могли просто сказать». А когда в реальности вот такая чепуха происходит, лучше промолчать. К тому же я не видела у моего проводника палочку, посох или чем там еще пользуются всякие маги. На мага он походил мало, но я предпочитала доверять своим глазам. Если я, конечно, не лежу где-то, облепленная трубками и иглами и не вижу свой последний сон, пока из меня вырезают всякие важные и для меня тоже органы. Нет уж, я лучше буду считать этого типа волшебником, для меня это как-то приятнее.

— Идемте, Ольга, — снова повторил этот чудик, но тут я уже не сдержалась.

— Куратор, — голос-то у меня до чего противный, когда я нервничаю! — А мне вас так и звать куратором, или у вас имя есть?

— О, — он даже остановился и покраснел. Ушами только, но выглядело всё равно забавно. — Прошу прощения, меня зовут Паша. Пойдемте скорее, Ольга.

Вот тут я уже пошла куда бодрее. Потому что может это несусветная глупость, но никак у меня всякие жуткости с именем «Паша» не ассоциировались.

Пока я себя успокаивала, мы вышли на более оживленную улицу, где было множество так же как я одетых девушек, а еще нарядных старушек и детей. На лицо было некоторое изнеможение многих из них, но я решила не лезть со своими наблюдениями. По крайней мере, все чему-то радовались. Паша же сунул мне в руки цветы. Не красиво оформленный букет, нет. Просто охапку цветов.

— Смотри на дорогу, кидай цветы в идущих по ней, особенно постарайся кидать, когда увидишь светящегося как лампочка человека, — указал Паша и собирался отойти куда-то в сторону, еле успела ухватить его за рукав. Серьезно, ну кто так объясняет?!

— А если не докину? — спрашиваю. Терпеть не могу расплывчатые инструкции.

— Куда не докинешь? — он, похоже, всерьез удивился. Затем его лицо озарилось пониманием. — А! Ну это неважно. Ты просто кидай и радуйся. Это же просто.

Замечательная инструкция. Мысленно я уже смирилась с тем, что сегодняшней день мне не зачтут. Но улыбалась, махала руками и бросала цветы. В конце концов, не мешки таскать. И хуже бывает работа.

А перед нами тем временем и впрямь шло шествие. Я чуть искренне не расчувствовалась. Шли солдаты. Прямо как на дне победы, только сапоги у них не блестели, да и форма не выглядела как с иголки. Но это опять моя привычка замечать мелочи. А в остальном — и музыка играла, и цветы, и флаги. Хорошо хоть я не за деньги работать шла, а то стыдно было бы за такое зарплату получать. Парень со светящимся лицом шел в третьем ряду. Кинула в него цветы, всё, что к тому времени осталось. Но он меня не заметил даже — махал какой-то девушке, что стояла в нескольких шагах от меня. А у той и цветов не было — прижала руки к груди и стоит, только слезы текут, и при этом улыбается.

— Отлично, — отвлек меня от разглядывания этих двоих деловой голос Паши. — Переходим в другую локацию.

Перед глазами всё поплыло, словно я всё-таки прослезилась от трогательной сцены. А когда я проморгалась, мы стояли у подножья высотки. Все вокруг смотрели наверх, ну и я

тоже голову задрала.

На надцатом этаже — лучше посчитать не удавалось, стояла маленькая фигурка. Даже отсюда было видно, что собирается прыгать.

— Что делать? — негромко спросила я.

— Смотреть, — голос Паши был также деловит. — Ольга, просто смотрите. Можете пальцем потыкать, но это уж как вам больше нравится.

Приятно, конечно, когда вот так вежливо и на «вы», но тут его ударить захотелось. И пока я боролась с нахлынувшим желанием, человек спрыгнул. Я ахнула — и вся толпа тоже. Но не долетев буквально пару метров, человек исчез. Я только успела разглядеть, что он весь светился.

— Дальше идем, Ольга.

Перед глазами снова померкло.

Паша был прав. Втянулась я быстро. Даже перекусила в очередной «локации», и голая светящаяся женщина аппетита мне не испортила. Вообще работа только на первый взгляд была необычной, через несколько часов я поняла, что нет ничего более монотонного и нудного, чем раз за разом в толпе других зевак наблюдать за падениями с крыш, выступлениями актеров и тонущими людьми.

Надо же, а я всегда удивлялась, как журналисты и спасатели живут с этим ежедневно. Теперь мне стало интересно, как они борются с этой скукой и рутинной. Удивительно, и впрямь, человек ко всему привыкает. Хотя я, конечно же, не обманывалась кажущейся простотой. Понятно дело, что если бы после падения я видела тело несчастного, то так просто не могла бы пройти мимо. Но мне везло. Светящиеся мученики исчезали, не долетая до асфальта и не успевая выпустить последний пузырек воздуха. Даже эксгибиционисты и те исчезали раньше, чем кто-то успевал принести плед или плащ.

— Неплохо держишься, — заметил Паша, пододвигая к себе блюдо с бутербродами. Я даже расстроилась. Ведь мы только что были в другом кафе, и я едва успела пару раз откусить от совершенно невероятного идеального эклера, а сейчас передо мной кучка подсохших бутербродов с рыбой. И ёлка в углу выглядит потрепанной, словно после празднования прошло пару дней.

— А чего, по-другому бывает? — вяло спросила я, беря бутерброд. Можно выпендриваться, а можно поесть. Надо просто успеть до того, как светящийся мужик заберется на стол и сделает какую-то глупость. Например, уронит ёлку.

— Слишком часто, — пожаловался Паша, наливая себе морс. — Большинство начинает спрашивать, истерить, просит остановиться. Честно говоря, обычно первый день не вмещает больше пяти-шести локаций, но мне стало интересно, сколько ты продержишься.

— Гад, — я не злилась. Сама бы сделала также. Да и вообще — разве это не признание того, что я классная? В школе иногда делали также, задавая всё больше и больше, уже не принимая сочинения меньше шести страниц, придираясь к любой ошибке. Это и значит, что тебя заметили. Хотя от этого мутного типа я не ожидала такого, но почему бы и нет.

— Ты даже не спрашиваешь, что происходит, — мне послышалось, или в его голосе прозвучало не только восхищение, но и легкая зависть? Странно.

— Логично же, что или ты и так расскажешь, или просто нельзя, — пожалала я плечами. Да, логика не очень, но для себя я еще после первого «летуна» решила — пока никто не погибает у меня на глазах, буду молчать. Я ведь не простушка какая-то, видела шоу со скрытой камерой с разными фокусами. Нет уж, не дам такой возможности над собой посмеяться. Если бы так не подумала, то давно бы сдалась. Но упрямства мне не занимать, и вредности тоже. На них и продержалась.

— Ты права, — нехотя согласился Паша. — А давай так, мы еще немного попрыгаем, а я в процессе тебе расскажу, что происходит? Уйдем на задний план, там можно хоть разговаривать, хоть спать стоя.

Конечно, я согласилась. А кто бы нет?

Вот так я и узнала, что «прыгать» — это значит переходить из сна в сон. Да-да, я сама обалдела, когда поняла, что это вовсе не шутки. Типы со светящимися фигурами — главные

в сюжете. Собственно те, кому этот сон снится. Но нельзя построить весь сон на пустом месте. Это как кино снимать. Спецэффекты на зеленый экран наклеить можно, но вот люди должны играть живые и настоящие. И, по возможности, не слишком повторяться. Мало ли за кого у несчастного сновидца зацепится взгляд, когда он будет падать с крыши или выступать на сцене. И если это какой-то совершенно картонный тип окажется — будет неприятно. Для этого-то и нужны мы, волонтеры, которые в качестве безликой массовки как хорошая молния, дважды к одному и тому же сновидцу в сон не попадают.

Вот тут я и столкнулась со всего маху с жестокой реальностью. Я не избранная какая-нибудь, а одна из сотен, нет, тысяч и тысяч людей, которые со всего мира участвуют в таких вот сновидческих массовках. Потому что куда меньше шансов попасть в поле зрения знакомого в чужом сне, если хозяин этого сна проживает на другом конце света.

И никто не знает об этом не потому, что это удел избранных. Просто многие всего пару раз попадают в такие массовки и остаются при твердом убеждении, что это им самим приснилось. А вот летом куда больше людей спит на отдыхе, в отпусках, в санаториях, и набор в волонтеры идет в реальности — ведь даже днем кто-то спит и нуждается в зрителях своего сна.

Ну и тот психологический тест, к которому я с таким пренебрежением отнеслась в самом начале. Вопросы и впрямь не имели большого значения. Кроме парочки. Но об этом позже. Нет, важное было другое — вода ручкой по бумаге, я сама связывала свой язык и память так, чтобы не проговориться даже случайно. Сноходцы тщательно берегут свои тайны. Конечно, массовка во снах — это еще не все. Странно было бы, если бы это было самым главным.

Паша, не боясь — теперь я это прекрасно понимала! — что я проговорюсь, с удовольствием приоткрывал мне дверь в этот мир. Но всем своим видом давал понять, что мне максимум светит жалко постоять на пороге, завидуя жгучей завистью тем, другим. Тем, кто создавал эти сны, управлял ими.

— Вообще некоторые так легко и много играют во снах, что их начинают приглашать на более серьезные роли, — пояснил Паша, когда мы ехали на велосипедах мимо очередного светящегося мужчины. — Например, вот мы сейчас проедем спокойно, а за нами поедет Ника, и вот её этот сновидец зарубит.

— Чего? — я чуть было не упала с велосипеда и оглянулась на этого типа. Выглядел он совершенно безобидно. Таких тысячи по городу ходят.

— На дорогу смотри, — прошипел Паша, но выглядел довольным. Наверное, рад был, что я хоть как-то эмоции проявила. Знаю я таких, не замечаешь их фокусы, так их кожи вон лезут, чтобы это изменить. У меня так одноклассник из окна стол выкинул — классную хотел поразить. — Он может и в жизни мухи не обидит, а в снах мы за себя не отвечаем.

Хотела возразить, но вовремя прикусила язык. Вспомнила, что совсем недавно перед экзаменами на почве стресса и недосыпания видела сон, где садовой лопаткой закапываю живьем небольшой отряд вражеской армии.

— Вот именно, — похоже, мои мысли не были для Паши секретом. Или он и сам имел рыльце в пуху. — Вот сны про космос, приключения с инопланетными чудовищами, или необходимость изображать кого-то из хороших знакомых человека, но с незнакомыми повадками — такое уже на ненаученного человека не сбросишь.

— Ты еще скажи, что есть школа специальная для таких сноходцев. — я скосила взгляд — обидно, между прочим, торчат в толпе на вершине Эйфелевой башни и не имеют

возможность подойти ближе. Но светящаяся девушка заняла самое удобное место и теперь с восторженным попискиванием любовалась кольцом, подаренным ей коленопреклоненным теперь уже женихом.

— Если есть чему учиться, то есть и где, — туманно ответил Паша. — Но нет смысла просто так обсуждать то, что не удастся даже увидеть.

Я лично считаю, что именно с этого всё и началось.

Если бы он рассказал мне о Университете так же, как до этого рассказывал о всем прочем, я повздыхала бы, помучилась черной завистью, ну и забыла бы потом. Много, знаете ли, не позавидуешь, иначе всё время на это уйдет. Я многое не умею. Танцевать как балерина, стрелять как снайпер и петь. Но это не повод сидеть и истекать завистью. Вот и этот университет я бы восприняла как еще одно прекрасное место, куда мне не суждено попасть просто потому что мои мечты лежат в другой плоскости. Я легко сумела бы себя уговорить, что нельзя быть одновременно журналистов и сноходцем, а быть журналистом я хотела куда дальше. Да и убеждать себя умела с самого детства похлеще, чем Йода: «это дорогущее платье не хочешь ты».

Но Паша просто замолчал с таким таинственным видом, что во мне поднялась злость, и я пообещала себе обязательно узнать об этом Университете и при первой возможности попасть в него. Чего бы то мне ни стоило. Я человек азартный, и при этом стараюсь слов на ветер не бросать. Так что меня ждало непростое приключение.

Разумеется, ничего этого своему куратору я говорить не собиралась. В конце-концов, у меня было полно времени.

Мы попрощались после импровизированного ужина в очередном сне, где даже потолок, казалось, давил на всех присутствующих. Если я правильно поняла аналогию, тот сон снился какому-то моему соотечественнику, заснувшему в самое нежелательное время для этого — на закате. Сны в это время снились тяжелые и муторные, смысла в них особого не было, но почти всегда было чем перекусить.

Рассказывать что-то о своих планах я не стала. Во-первых, вообще не люблю рассказывать о том, что еще не сделано — считайте меня суеверной, но дело обстоит именно так. Во-вторых, я слишком мало знаю о возможностях кураторов, и не хотела давать ему лишний шанс помешать мне. Сначала я хотела убедиться, что смогу увидеть его во сне, когда сама этого захочу.

Честно говоря, сомневалась, что получится хоть что-то — проведя весь день в чужих снах, я вроде бы и устала, и в то же время чувствовала себя совершенно выспавшийся. Но попытка не пытка — и я легла в постель, плотно сжала веки и попыталась представить перед собой куратора. Вместо Паши перед глазами вставала пустая комната, словно этот зловредный тип не желал появляться. Впрочем, не удивлюсь, если так оно и было.

Я открыла глаза и пошлепала на кухню попить. Казалось, я даже не засыпала еще, но за окном было темно, и только редкие оранжевые фонари озаряли эту чернильную муть.

«Ну погоди, — я неожиданно разозлилась. — Ты ведь не единственный куратор, верно? Вот и поглядим, кто мне сможет рассказать больше!»

Я снова легла и закрыла глаза. Но теперь пытаюсь представить куратора для волонтерской службы. Мне же нужно пройти её идеально. Разве нет? Хорошие характеристики еще никому не помешали.

Та же комната больше не была пустой. Сначала в ней появился манекен в одежде вроде той, что была на Паше. Я даже подошла и потрогала руку — пластик. Холодный и

неестественно бледный. Но стоило мне снова отойти, как манекен словно начал обрастать жизнью. Нет-нет, я в курсе, что так не говорят, но как иначе назвать то, что пластик пошел рябью становясь кожей, причем даже мельчайшие родинки принадлежали конкретному человеку, незнакомцу. Которого я еще никогда не видела. Впрочем, вскоре рубашка округлилась на груди, а черные вьющиеся волосы спустились ниже плеч, и я решила, что всё-таки не незнакомец, а незнакомка.

Девушка открыла выпуклые бледно-голубые глаза и восхищенно завертела головой.

— Импровизированный призыв, — оценила она. — Круто. Ты какой курс закончила?

— Никакой. — я насладилась её удивлением, затем добавила прежде, чем она встала, чтобы перепрыгнуть в другую локацию. — Я волонтер. На лето.

— Ого, — она сразу расслабилась и поудобнее растеклась по креслу, сложив ноги на подлокотник. — И кто твой куратор?

— Он назвался Пашей, — осторожно произнесла я, не уверенная, что правильно делаю, что сдаю куратора. Может, сейчас ему сообщат о моей самостоятельности, а вдруг так делать нельзя? И всё, плакала моя волонтерская служба.

— Ну всё. Он допрыгался! — похоже, я была права. — Этот фокус нельзя показывать чужим.

— Вообще-то он мне ничего не показывал, — гостья перестала мне нравиться. Да и вот это пренебрежительное «чужим» тоже совсем не понравилось. Надо же, какие они все снобы. Сами небось недавно такими же были. — Он вообще ничего мне толком не рассказывал, так, таскал из сна в сон до вечера, вот я и захотела узнать поподробнее обо всем. А он не явился.

— Конечно, он небось пульт управления кураторский отключает, — машинально кивнула незнакомка. — Пользуется тем, что во время практики можно вторую смену проводить в библиотеке.

Я подумала, что Паша не похож на человека, который любит сидеть в библиотеке, не спорить не стала. Меня это не касалось. А незнакомка вдруг улыбнулась, да так, что я тотчас простила ей высокомерие.

— Неважно, — произнесла она, окидывая меня неожиданно цепким взглядом. — Морфей с ним, с этим лентяем. Мы ведь даже не познакомились.

Она протянула мне руку для рукопожатия, чем окончательно покорила. Обычно так делали парни, и вот этой маленькой глупости я завидовала люто.

— Ольга, — представилась я, сжимая холодную ладонь.

— Рыба, — представилась она и добавила, помявшись. — Из-за глаз и холодных рук.

Ну не прелесть разве?!

— Ты можешь мне рассказать об Университете? — застенчиво спросила я, садясь в соседнее кресло.

— Что угодно, — уверила меня Рыба. — Только давай постепенно решать вопросы. Скажи, сколько локаций вы прошли в первый день? Ведь я правильно понимаю, что это был первый день?

Я кивнула и напрягла память.

— Двадцать три или двадцать четыре, — наконец посчитала я.

Глаза Рыбы заблестели.

— Вот это да! — выдохнула она. — Ольга, ты чудо. Это, как бы тебе объяснить... как если бы ты пробежала марафон без подготовки. Но это в целом возможно. Важно другое —

после такого ты должна была дня три не видеть снов совсем, а ты видишь. Повезло тебе, что твой куратор тебя совсем не загнал. Так можно потерять свою реальность за один раз — и всё. Никаких больше чужих снов, пока не восстановишься.

Вот теперь я смотрела на шутку Паши совсем иначе. Оказывается, я могла немало потерять из-за его поведения! Наверное, можно было попросить Рыбу передать кому-то, кто стоит над кураторами, мою жалобу, но я решила не спешить. Пока я ничего не знаю здесь, не стоит плевать в колодец.

Рыба молча ждала, когда я успокоюсь, а затем предложила:

— Хочешь, я расскажу о том, что происходит, но с нашей стороны?

Разумеется, я хотела.

Из рассказа Рыбы я узнала многое.

Как я уже знала, существует специальный Университет сноходцев и снотоков. На нем два отделения — практиков и теоретиков. Практики ходят по снам и занимаются напрямую созданием их содержимого — живого и прочего. Теоретики изучают историю снов и хождения по ним, пополняют библиотеку и тщательно разрабатывают способы обойти многочисленные ловушки человеческого разума. Они же проектируют сны, которые потом применяют практики.

Чтобы стать рядовым специалистом, необходимо проучиться пять лет. На третьем курсе летом практика — работа куратором. Теоретики свою практику проходят иначе, как — Рыба не знала. На четвертом курсе куратором в свободное время работали все. На пятом же снова переставали, готовя дипломную работу по своему направлению.

Рыба как раз перешла на четвертый, как и Паша, с которым они были в разных группах, но несколько раз сновиделись во время переходов.

Что такое «переходы» я уточнить не успела.

— Слушай, а давай ты ко мне перейдешь? — неожиданно предложила Рыба. — Хорошие волонтеры — это ужасно здорово! И я тебе смогу интересные штуки показывать совершенно свободно, а?

— М-м... — я замаялась. С одной стороны, звучало страшно привлекательно. Но с другой — я привыкла, что никто ничего не предлагает просто так. Я не знаю еще толком эту Рыбу. Может, она использует меня для каких-то своих военных действий против Паши? Или еще что-то такое... не слишком хорошее.

— Зря переживаешь, — прервала мои мысленные мучения Рыба. — Паше за потерю тебя ничего не будет. Вот если бы ты совсем слетела — это пошло бы ему в минус. Ну и если он работает с минимумом волонтеров, придется нового брать. К тебе у него никаких претензий не будет — я с ним сама поговорю.

— А тебе какая с этого радость? — не удержалась я. И загадала — если начнет плести альтруистически восторженный бред — откажусь. Лучше еще раз попытаюсь. Вообще напрягусь и вызову какого-нибудь учителя Университета!

— Так я же говорю, — удивилась она. — Сильные волонтеры, которые не слетели до конца срока — это круто. Плюсик к практике. А ты видно же, что сильная и не слетишь. И потом, мы сегодня с группой откатываем общий сон для зимней сессии, на тебе бы его проверили. Знаешь, как тестер компьютерной игры — баги поискать.

Поискать ошибки в сне — это мне понятно. Я согласно кивнула. Правда, не стала упоминать, что я недостаточно хорошо разбираюсь в снах, чтобы знать, что в них должно быть, а что нет. Но это я всегда успею сказать.

Конечно, немного смущало, что чуть раньше Рыба говорила не ходить временно по чужим снам, но, с другой стороны, это же почти мой сон, разве нет?

Рыба просияла и потащила меня знакомить со своей группой. Ребят кроме неё было семь. Они все они были старше меня на несколько лет, а так разве что один высоченный темнокожий парень привлекал внимание. Серьезно, в нем было больше двух метров, я была уверена!

Конструирование сна тоже было интересно посмотреть. Вообще-то, как пояснила словоохотливая Рыба — вот тут прозвище подходило не очень! — каждый должен уметь с нуля создать работоспособный сон, но куда важнее умение работать в команде. И вот такой командный сон-монстр мне и предстояло увидеть.

Две девушки быстро тасовали какие-то колоды, а потом вытаскивали по одной и направляли то в один, то в другой угол того пространства, где мы находились. Угол — это я загнула, конечно. Когда мы тут появились, тут было просто ничто. Белое как бумага и совершенно пустое. Рыба предложила мне пока не думать об этом, и я с благодарностью уцепилась за эту возможность. Но те две картежницы работали быстро, и вот под ногами уже появился песок, вверху — синие небо и солнце. Такое же небо, но более синее, расположилось и за границами песка. А рядом с нами выросли две пальмы.

— Тени от пальм нет, — шепнула я Рыбе.

— О! — она моргнула. — Ольга, ты умница. Девочки, тени же!

Картежницы переглянулись.

— Ясно, карты надо отдать теоретикам на доработку, а то те тоже не сдадут, — вздохнула Рыба и махнула рукой. — Дальше давайте.

Молчаливый японец вытащил какой-то странный инструмент, напоминающий два таза, соединенных вместе, и начал то ли водить над ними руками, но вместо мелодии я услышала шорох пальм на ветру, грохот волн. Самое интересное, что ветра и моря как раз и не было! Хотя насчет моря я поторопилась — еще один парень, но совершенно заурядной наружности, только с именем запоминающимся — Вест, опустил руки в синее полотно за песком, и оно потекло, прозрачными волнами расходясь от него, темнее к глубине и украшаясь разводами пушистой пены.

Запахло соленым мо... соленой карамелью. И почему-то клубникой.

— Тина, ну съешь ты уже что-нибудь! — всплеснула руками Рыба. От движения её рук воздух ожил, легкий ветер стал колыхать огромные широкие листья пальм, японец тем временем внес крики каких-то птиц и хруст песка под ногами — просто невыносимо захотелось снять обувь и пройтись босиком.

— Не сдерживай себя, — шепнула Рыба, большими шагами преодолевая расстояние о расстроенной толстушки Тины. — Девочки, надо свои слабые стороны превращать в сильные. Давайте, поройтесь в карманах. Если никто не найдет, сделаем сами. Не только теоретики могут собирать реальность.

Я легла на появившийся шезлонг и расслабилась. На море я не была больше года — экзамены после девятого класса выжали все соки из меня и моих родственников. Так что вместо моря мы поехали в автобусный тур, что было познавательно, да и только. Я даже купальник толком поносить не успела.

Кстати, здесь реально было жарко. И мои джинсы и футболка перестали меня устраивать. А ведь сначала приснить себя в них казалось хорошей идеей.

— Представь себе любимую пляжную одежду на себе и сосредоточься на ней, — рядом

прямо на песок сел Вест. — Тут мир пластичен, даже такая зеленая как ты сможешь.

Воспользоваться советом хотелось очень, но я пока не доверяла тут ником кроме Рыбы. А уж получить такой совет от мальчика...

— Ольга, я уже на четвертом курсе, — похоже, мои мысли были тут для всех как на ладони. Неприятное чувство, если честно. — Как считаешь, сколько раз я бывал в снах вроде «я иду по улице, забыв надеть одежду»?

Становилось просто невыносимо жарко, а море манило прохладой, так что я решила позволить ему себя уговорить. Купальник, конечно, представила спортивный — закрытый со всех сторон, но Вест даже насмеяться не стал.

— Вот и молодец, — и ушел.

А я плюнула на всё и пошла купаться. В конце концов, это сон или нет? И я должна проверить, хорошая ли вода, есть ли рыбки, глубоко ли тут...

Вода была теплая и чистая, дно песчаным и пологим, а рыбки приятно щекотали кожу. Интересно, если попросить Рыбу, она позволит мне еще бывать тут? Из воды я видела, как японец с непроницаемым именем продолжал пытаться свой музыкальный инструмент, отчего звук вокруг становился богаче и глубже. Отличник, сразу видно. А вот девушки и Вест по руководством Рыбы соорудили что-то вроде небольшого пляжного бара. Конечно, странно просто пустой бар на безлюдном пляже, но это же сон, так?

Когда я к ним подошла, они как раз закончили. И по тростниковой крышей была не только тень и прохлада, но и запотевшие бокалы с ледяным коктейлем. Один был клубничным, а другой полит соленой карамелью и посыпан орешками. Теперь я поняла про «слабые стороны в сильные» и восхитилась Рыбой. Ну и поздравила себя, разумеется. С таким куратором не пропадешь.

Впрочем, долго понаслаждаться мне не удалось. Я едва успела отпить глоток клубничного, как песок позади меня захрустел и меня буквально накрыло зловонным дыханием, да таким, что я и не подумала на Тину — такое ей было просто не под силу.

Я оглянулась и встретилась нос к носу с медведем, да таким, каких даже в зоопарках не видела, а в зоопарках бывали неплохие экземпляры, между прочим. Этот даже стоя на четырех лапах в холке был почти мне по переносицу, его маленькие глубоко посаженные глазки злобно сверкали, а густая шерсть была серовато-черной. Когти же длиной больше моих пальцев, не меньше точно.

Если кто-то вообразил, что всё это я успела разглядеть на месте, то хочу разочаровать — все подробности мне были прекрасно различимы и с пальмы, на которую я забралась с такой скоростью, словно занималась этим с утра до вечера.

Медведь поднялся на задние лапы и зарычал. К счастью, даже так он не доставал до верхушки пальмы, так что я расслабилась и принялась оглядываться в поисках Рыбы и остальных. В конце концов, это их сон, они и за это чудовище в ответе.

Сначала мне показалось, что на чудесном острове мы с медведем остались вдвоем, и уже собралась было вспоминать, как я переходила из сна в сон с куратором Пашей, как команда Рыбы материализовалась на берегу прямо рядом со зверем.

— Вот! — возмущенно трясла поднятым кулаком Рыба. — Видите?! Если бы мы это сдавали в Университете, что нам поставили бы?

— Это ты про медведя? — поинтересовалась я сверху.

Рыба задрала голову и покачала головой. Руку она положила на холку страшилища, который немедленно превратился в сидящего на корточках того самого темнокожего парня.

И я вспомнила, как мне его представили Гризли. Я тогда еще подумала, что вся группа Рыбы — сплошной зоопарк, но у остальных были более-менее нормальные имена.

— Нет, Ольга, медведь — это наша фишка. Превращение такого уровня — это выпускной экзамен, а что Гризли может превратиться только в медведя — никого не должно волновать. В некотором роде это элемент неожиданности: в таком местечке если и ждешь нападения, то акул или стаи крабов, а не медведя, верно?

— Снова слабые стороны в сильные, — сообразила я. — А что тогда не так?

— Ольга, — вкрадчиво поинтересовался до этого момента молчавший Гризли. У него оказался приятный рокочущий голос. — А вы ничего странного не замечаете в том, как вы забрались на пальму?

Я хотела было признаться, что страх еще и не такое позволит сделать, но затем посмотрела себе под ноги и промолчала. Как оказалось, я просто вбежала на пальму, не пользуясь руками, и теперь стояла на её стволе параллельно песчаному острову и не испытывала никаких неудобств.

Чуть позже, когда мы снова расположились на песке, и Рыба углубилась в внесение правок в тетрадь, я смогла узнать, что такие ошибки — обычное дело в работе со снами. И порой такой брак достается обычным людям. Конечно, никто и не думает удивляться таким вещам во сне, но это не приветствуется. Настоящие мастера делают такие сны, что закачаешься. Только и будешь вспоминать этот сон долго после пробуждения, да ждать, что он приснится снова. И такое тоже не редкость — ведь хорошие качественные сны сохраняют в библиотеку снов и прокручивают заново. Но это уже работа теоретиков — практики занимаются только живым взаимодействием.

— И много вас? — я решила спросить Тину, она мне показалась самой дружелюбной из группы. — Ну таких... из Университета.

— Морфов? — уточнила та. Я не была уверена, что это слово, прочно ассоциировавшееся с созвучным наименованием синих гномов, то, что надо, но всё равно кивнула. — Конечно, много. Кто-то же должен делать так, чтобы люди видели сны. И всегда так было, с древних времен. До появления морфов людям толком ничего не снилось!

Тут я позволила себе скептически поднять бровь. Нет, серьезно, давно доказано, что даже собакам сны снятся. Что, и этим морфы помогают?

— Я точно не помню, — стусевалась по моим взглядом Тина. — Я теоретические дисциплины не очень хорошо знаю.

Пожалуй, это стало второй причиной моего упрямства по достижению цели, каковой стало поступление в Университет. Меня прямо раздражала эта милая тихоня Тина. Как, вот как, спрашивается, можно поступить в волшебную школу или академию, институт или еще что — и учиться едва-едва? Меня это всегда поражало, когда я читала книги, и вот сейчас это прямо давило на любимую мозоль.

Лицо у меня, по-видимому, было совсем зверским, потому что Тина поспешила пересесть к японцу. Но расстроиться я не успела — пора было просыпаться.

Напоследок Рыба убедила меня, что всё будет отлично, и когда я приду в волонтерский центр, она меня там уже встретит. Не то, чтобы я как-то боялась пересечься с Пашей, но и без этой встречи мне было бы приятнее. Так что я с радостью согласилась.

Утро наступило внезапно, словно кто-то щелкнул переключателем. Но вот что приятно — спать совсем не хотелось. Я чувствовала себя невероятно бодро.

Плотно позавтракав — непонятно, когда и где удастся пообедать! — я направилась по знакомому уже адресу. И вот тут меня не подвела моя привычка выходить заранее. Я всегда так делаю. Ммало ли что может случиться по дороге. Опять же, погода прекрасная, свежее утро — гуляй и дыши воздухом. Так что у меня было в запасе минут сорок, которые я намеревалась провести в парке, через который шел мой путь. Утки или голуби, я пока не знаю, но кого-то наверняка найдет моя булка, припасенная в рюкзаке.

Получилось всё иначе. В парке меня окликнула женщина. Я даже не сразу остановилась, погруженная в свои мысли, но потом обернулась. В глаза сразу бросилось, что она одна сидит на скамейке, а рядом стоит пустое инвалидное кресло. Я почему-то подумала о том, куда делся инвалид, и мысленно сама себе дала подзатыльник. А еще собиралась работать с больными, стыдоба! Ясно дело, кто-то помог женщине пересесть на кресло погреться на солнышке, и сейчас она не может вернуться обратно без чужой помощи. А ведь солнце, несмотря на раннее утро, уже припекало.

Когда я подошла, так всё и оказалось.

— Сынок пошел купить воды, забыл из дома взять, — делилась словоохотливая женщина, пока я помогала ей перебираться в кресло. Ох, и тяжелая она! И неудобно помогать, то кресло на ногу наедет, хотя вроде на тормозе стоит, то сама женщина своими мелкими кудряшками в нос ткнется. Я еле справилась. — Но ходит долго, то ли встретил кого, то ли магазины еще все закрыты.

— Наверное, второе, — успешное завершение непростого, но доброго дела подняло мне настроение. — Если хотите, у меня есть вода.

Я достала из рюкзака бутылочку с водой и сунула женщине, предварительно открутив крышку, чтобы было удобнее. Кажется, она благодарила меня даже после того, как я помахала рукой и ускорила шаг — времени у меня теперь было впритык, и булка осталась в рюкзаке нетронутой, но зато я не опоздала и подошла к центру тютельку-в-тютельку. Словно так задумано!

Там я с трудом пробилась через плотную толпу желающих поучаствовать в волонтерской работе — и откуда, интересно, в нашем городе столько альтруистов? — и наконец увидела Рыбу. Только сейчас я поняла, что джинсы и рубашка ночью на ней — это была дань тому, какой её увидела я. Потому что в темном костюме — пиджак и юбка-карандаш, с убранными в пучок волосами и узкими очками-хамелеонами — Рыба была прекрасна и невероятна.

Толпа рядом с ней словно расступалась, и она сидела на столе с суровым видом учительницы в классе, полном первоклашек. Если бы учителя сидели на столах, разумеется. Впрочем, примерно так оно и было, волонтеры в сравнении с ней даже не первоклашки. Так, дошколята. Вот она строго посмотрела на одного типа, попытавшегося присесть со своей анкетой рядом с ней, и тип немедленно растворился в толпе. Но тут она увидела меня, и её лицо озарила душевная улыбка.

— Ольга, — она прыгнула со стола, словно и не была в узкой неудобной юбке. — Ты

вовремя. Пойдем. Я со всеми договорилась.

И день начался так же, как и предыдущий. С одной только разницей — Рыба учила меня. Меня и еще одну светленькую девочку Леру. Зеленых волонтеров у Рыбы было двое днем и трое ночью. Кроме зеленых были еще «бывалые». Эти в снах действовали без непосредственных указаний куратора, получив список участков на утренней — или, в случае ночных снов, на вечерней встрече.

— Прыгать они самостоятельно не могут, — с некоторой грустью в голосе поведала Рыба. — Но я их прыгаю, когда сон завершается. Вот так.

И она вытащила прямо из воздуха руль, на котором некоторые кнопки горели ровным светом, а другие мигали красным. Она быстро нажала на все красные, и они тотчас сменились другими с ровным белым сиянием.

— А вот мы, — указала она на одну кнопку, которая медленно розовела и стало пунцовой, когда святящаяся сновидица сбросилась с крыши. — Прыгаем.

Я внимательно следила за тем, как она нажала на кнопку и шагнула вперед. Мы с Лерой просто повторили это движение.

— А у Паши я не видела такого руля! — пытаюсь перекричать музыку, сообщила я Рыбе. Та пожала плечами, умудряясь одновременно прыгать в такт движениям остального людского месива.

— Может, он просто его не показывал, чтобы чувствовать себя особенным! — также громко ответила она. — Ведь тут нет ничего сложного!

Я бы с ней не согласилась, но на деле Рыба была права. Она вообще чаще всего оказывалась права. Так что и я довольно быстро разобралась в выглядевшей хитрой механике управления рулем, и другие мелочи уже выполнялись на автомате. Сложнее всего было прыгать в другой сон, но и тут помогла Рыба. По её словам, все сами для себя решают, как это будет происходить — откроется ли невидимая дверь или окно, а может, люк под ногами. Или же скользнет под ноги пол лифта или ступень эскалатора — просто представь это движение, а за ним сон, в который тебе надо попасть — и всё.

Я пробовала возражать, что снов про падение с высоты сотни каждую ночь, но всё оказалось проще — на каждого волонтера специалисты-теоретики выписывали маршрут на всю ночь вперед — слетит раньше, заменят, невелика беда. Но промахнуться мимо маршрута нельзя. По сути, нас за веревочку тянули через череду локаций, и осознать это было ой как неприятно.

Пашу мы нигде не встретили, и вскоре я совсем успокоилась. Работа казалось довольно простой, хоть и нудноватой, и я никак не могла взять в толк, что сложного для той же Леры в наших прыжках.

Да и Рыба скоро утомилась рассказывать мне небольшие секреты своей летней отработки. По сути, ничего трудного в ней не было. Уже через пару дней я спокойно прыгала в следующую локацию едва только огонек на руле кураторши начинал мигать тревожным красным. Можно было спокойно думать о своем и действовать на автомате — массовка всё равно не слишком интересовала настоящих сноходцев, даже моего куратора. Хотя вот насчет Рыбы я поспешила с выводами. Как оказалось, она не пропускала ни единой мелочи.

Утро третьего дня началось для меня с того, что куратор торжественно вручила мне новый браслет, состоящий из плотно подогнанных друг к другу круглых белых бусин. Все они словно изнутри горели мерным матовым светом.

— Сегодня сама пойдешь, — весело заявила Рыба. — Перевожу тебя в бывалые. Если не

боишься, Ольга.

Боюсь? Если бы она знала, как мечтала я выделиться среди безликой, хоть и полной самых разных лиц толпы волонтеров, чтобы попасть в Университет, то не задавала бы глупых вопросов. Насколько я поняла, этот браслет работал как личный маршрут именно для меня — каждая бусина «перегорала», как только сон заканчивался.

— Тебе не обязательно проходить их все, — добавила Рыба, указывая на то, что я заметила и сама — бусин было не меньше дюжины.

Не нужно и говорить о том, что я прошла браслет полностью.

Вечером — и когда успело потемнеть, лето же, темнеет совсем поздно! — Рыба встретила меня у выхода из волонтерского центра.

— Это всё равно что гвозди забивать микроскопом, — заявила она. — Переходи работать в ночную смену, а?

Как оказалось, тем, кто работает в ночную смену, не нужно было ходить в центр волонтерской службы, они засыпали дома, а в остальном все проходило точно также. Конечно же я согласилась.

— Ночью интереснее, — убеждала меня Рыба, как будто до сих пор не верила, что я согласна. — Ночью спит больше людей, сны у них разнообразнее, можно и в какой-то необычный попасть. А то и лицом поработать.

Звучало это не очень, но я уже от неё же и знала, что значит «работать лицом» — это быть тем человеком из массовки, что запомнится сновидцу. Или, по крайней мере, может запомниться. Вроде девочки, что ехала на велосипеде за нами с Пашей и стала жертвой кровожадного сна нашего тогдашнего героя.

Конечно, сыграть «роль со словами» хотелось. Это ведь тоже приближало меня к Университету. Чем больше я буду уметь, тем дальше пройду. А ведь еще бывают сны о других планетах, мирах, сказочные сны и самые вкусные — детские. В детских снах даже массовка была только из бывалых — там всё было настолько живо и наполнено красками, запахами, звуками и светом, что новичок мог заплутать и испугаться.

Все это мне рассказывала Рыба в предыдущие дни, так что я уже предвкушала новые возможности, и уговаривать меня было не нужно. А она все рассказывала и рассказывала, словно не могла остановиться. Здорово, когда человек так очарован своей работой, я так же могла часами говорить о своей мечте — журналистике, так что Рыбу не прерывала, пока мы не дошли до моего дома.

— То есть, я просто ложусь спать и представляю себе центр? — уточнила я у подъезда.

Рыба яростно закивала.

— Я буду обновлять твой браслет вечером и после окончания смены, — она тактично обошла тему того, когда я должна завершать работу. Но я собиралась обязательно проходить весь браслет. Это же всё равно сны, хоть и не мои — делать толком ничего не надо.

Рыба снова оказалась права — ночью было веселее. Я переставляла себе эскалатор как в метро и прыгала из сна в сон, иногда замечая, как тенями рядом проносятся другие массовщики. Мне даже показалось, что пару раз я видела знакомые лица. В одном сне я встретила Веста. Однотруппник Рыбы под радостные вопли толпы свалился с механического быка, уступив свое место светящемуся сновидцу.

— Одна прыгаешь? — спросил он, садясь на высокий барный стул рядом со мной.

— Ага, — с удовольствием подтвердила я свой особый статус, побренчав перед ним браслетом, где половина бусин уже была темно-красной и потухшей. — А ты разве не

курируешь никого?

— Курирую, — Вест прищурился, словно думал, говорить мне или нет что-то важное. И было непонятно, какое решение он принял. — Днем. У меня там два серьезных дядьки, я почти уверен, что не перегорят и не слетят до конца месяца, а то и до середины августа протянут. А большего и не нужно.

— А что в августе? — заинтересовалась я. Сама я собиралась поехать в гости к родственникам, но сомневалась, что это помешает мне волонтерствовать дальше.

Он собирался ответить, но тут мир замерцал — сон прерывался по независящим от нас причинам — сновидец просыпался, и нужно было убраться отсюда как можно скорее.

Я уже сталкивалась с таким на третий день своей работы. Тогда Рыба едва успела нас с Лерой вытянуть. Говорят, иногда сновидец возвращается в тот же сон, если большинство не успело уйти, но чувство, словно тебя растрясло в набитом автобусе по горной дороге никуда уже не девалось. А если человеку начинало сниться что-то другое, то реальность плыла и выбираться из неё было не проще, чем из полного манной кашей бассейна. Несмертельно, но неприятно.

Так что я не стала дожидаться ответа Веста, кивнула на прощание и прыгнула.

Я не сразу поняла, что меня задело. Что-то было в его взгляде такое... Каюсь, не раз мысленно анализировала самые крошечные поступки людей, и не всегда правильно. Но сейчас что-то не давало покоя. Я продолжала думать об этом и когда вернула Рыбе браслет и машинально попрощалась до следующего вечера, не тратя по обыкновению полчаса на болтовню. Если это и обеспокоило моего куратора, то она ничего не сказала.

Зато оказалось, что мне еще доступны маленькие радости дневного бодрствования. Отличная погода, прогулка по парку и кормление лебедей булкой — чудесно проведенный за безделием день. Спать ложиться после такого дня не хотелось.

Но тогда я всё ещё ни о чем не догадывалась, понимание свалилось на меня в ночь с субботы на воскресенье.

Началось всё также, как обычно — я взяла браслет и, уже привычно различая тени движущихся параллельными и пересекающимися курсами морфов и волонтеров, приготовилась прыгать. Но что-то меня остановило. Я поняла, что не получаю никакого удовольствия от этого. Не это ли было первым признаком перегорания? Они и те же сны — я ли была той самой Ольгой, которая мысленно укоряла Тину за плохую учебу? Да я сама не хотела уже ничего знать об этих снах, которые так однообразны у всех, кто мне попадался.

Конечно, умом я понимала, что в действительно интересных снах человек либо обходится без толпы, либо участниками сна становятся знакомые и близкие или такие далекие, но притягательные звезды киноиндустрии. А на это уже учатся в Университете. Получался какой-то замкнутый круг.

Заминка была крошечной — и пары секунд не прошло, но Рыба её заметила, разумеется. Она нагнала меня в первом же сне. Лера дремала рядом с ней, и я не знаю, что восхищало меня больше — умение спать стоя, а еще на концерте, или что она спала в чужом сне. Это просто уникальная девушка какая-то! Впрочем, с учетом того, с каким кислым лицом Рыба окинула свою подопечную, так считала только я.

— Спекается, — с жалостью пояснила она мне. — Всего-то неделю осталось для положительной оценки, но, боюсь, не выдержит.

— А что происходит с теми, кто... ну... — я не уверена была, что мне нравится любой из терминов — хоть слетает, хоть спекается. Но Рыба поняла.

— Ничего особенного, — она пожалала плечами. — Кратковременно перестают видеть даже свои сны, потом забывают всё, что видели. Очень редко правда, но случается наоборот, теряются в реальном мире и постоянно чувствуют беспричинную тоску и скатываются в депрессию. Лечатся медикаментозно, но и это не приносит полного излечение — тоска остается. Вот эти перестают видеть сны навсегда. Но такое не очень часто происходит, и их кураторам приходится несладко.

Почему-то мне показалось, что она лжет. Но вот о чем — непонятно. То ли о том, что кураторам попадает за невнимание к деталям, то ли о том, что такое происходит редко.

— Давай о тебе поговорим, — поспешно сменила тему Рыба, я согласно кивнула. Обо мне и самой интереснее. — Заскучала? Тут появилась вакансия, ты просто идеально подходишь, хочешь попробовать?

И снова она спрашивает, что за дурацкая привычка! Да я уже от этих концертов, да толп на улицах скоро сама зевать начну как Лера и на стенку полезу! До чего вовремя эта возможность поработать лицом — прямо спасение какое-то.

Чудеса — обычное дело в сновидениях, видимо, пора к этому привыкать. Так что я немедленно согласилась, чуть больше, чем нужно, радуясь тому, что можно избавиться от браслета с бусинами.

Новая локация на первый взгляд выглядела как обычная улица большого города. Я пригляделась и поняла, что ошиблась — постоянный просмотр в свободное время сериалов и шоу позволил мне узнать Тайм-сквер, одна из популярнейших улиц Нью-Йорка и по совместительству — четвертое по популярности место для проходных снов. И не только для американцев.

Об этом мне успела нашептать Рыба, когда вела меня к группе мрачных и серьезных типов, стоящих у здания издательства собственно Нью-Йорк Таймс. Но даже среди этих суровых морфов, а я теперь видела разницу между волонтерами, студентами и реальными специалистами, выделялся один — он был в черных доспехах, которые странно смотрелись на современной улице. Но еще страннее было то, что даже плащ его словно был собран из черной драконьей чешуи. И лишь подойдя вплотную, я поняла, что это не чешуя, а обычные значки, которые выглядели как круг открытого черного зонтика.

— Кошмар Кошмарович лично, — сдавленно прошептала Рыба.

Словно услышав её, черный обернулся и смерил нас подозрительным взглядом.

— Константин Константинович, — пролепетала Рыба каким-то необычным, совсем не своим уверенным голосом. — Я вам героя нашла.

Героем считаться мне почему-то захотелось еще меньше, чем лицом, но деваться было некуда. Немного грела мысль, что я нахожусь во сне, и значит, плохого ничего лично со мной случиться не может. Хотя уверенности в том, что это относится и к тем несчастным, с кем случается вот этот Кошмарович, у меня почему-то совсем не было.

— Хорошо, — неожиданно разлепил губы этот жуткий тип. — Вот и проверим, прав я или нет. Девушка, сарафан и кокошник носила когда-нибудь?

— Кокошник только на детском утреннике, — брякнула я и неожиданно разобиделась. — А сарафаны и так ношу.

Мои обиды черному были до лампочки.

— Коса своя или наведенная? — деловито спросил он.

И это я до этого момента думала, что обиделась!

— Своя, — пробурчала себе под нос скорее, чем черному. Нет, понятно, что он тут

главный, но чего ведет себя как на базаре? Еще бы зубы посмотрел как лошади!

Черный неожиданно улыбнулся. Лишь краем своего плотно сжатого тонкогубого рта, едва заметно, но мне всё равно хватило, чтобы оторопеть и дальнейшие указания слушать вполуха.

Всё равно я понимала далеко не всё, но что разобрала, так противодействие между Кошмаровичем и его коллегами по созданию страшного сна для какого-то мальчишки из маленького городка на юге Америки. Те, другие, считали, что волонтер на главную роль не подойдет, ведь с каждым шагом нагнетание ужаса на сновидца должно сопровождаться трансформацией лица героини в жутковатую маску. Волонтеру такое не потянуть. А вот Кошмарыч был уверен, что действовать нужно тоньше. Всё упиралось в меня. Точнее в то, смогу ли я напугать сновидца достаточно, чтобы он проснулся или побежал дальше по улице. Там его ждал музей Тюссо и уникальная группа сноходцев, специализирующаяся именно на кошмарах восковых фигур.

— Ну, Ольга, — Кошмар Кошмарович оглядел меня, и его рот снова дрогнул в этой недоулыбке. Силен мужик — я сама едва не в истерике каталась, когда себя в зеркале увидела. Мне даже остро начало не хватать медведя с балалайкой, так я антуражно смотрелась в красном сарафане, кокошнике и сапожках. — Запомните, вы смотрите сквозь сновидца и медленно к нему приближаетесь. Сновидцев от прочих людей отличаете?

Я снова оскорбилась. Вот что за человек такой?

— Не морщитесь, Ольга, — Кошмарович покачал головой. — Любая мелочь может оказаться важной. Вот посмотрите на меня с презрением и в то же время словно сквозь меня.

Это я запросто!

Он кивнул.

— Почти, — авансом похвалил он. — Только чуть больше равнодушной скуки. Вроде как я слишком мелок для вашей ненависти. Как таракан.

Это он зря сказал — насекомых я с детства не переношу. Его рот снова чуть заметно дрогнул.

— Хорошо, не таракан. Просто что-то незначительное. Не будем искать подходящую аналогию. Просто я буду следовать за вами, Ольга, а вы слушайте мой голос и делайте, как скажу.

Я кивнула. А что было делать — видно же, что он тут главный. Но свой дебют я представляла иначе. Уж точно не так, что меня словно марионетку протащат через весь сон. Ну да поздно возмущаться, сон уже начался.

Детские сны совершенно особенные — тут Рыба была полностью права. Как я поняла, мой сновидец никогда не был на Тайм-сквер, выезжая из своего городишки только в соседний, и «русскую красавицу» — приятно, кстати, тоже боялся совершенно необъяснимо. Боялся и всё. Может, потому что не видел ни разу. Сны такая штука — люди не могут контролировать в них ни страх, ни другие чувства, именно поэтому создавать их так непросто. А в детском сне нет еще дополнительной фальши — если сам ребенок не захочет сломать пространство, то оно будет точь-в-точь таким как в реальности. И в море он искупается в самом настоящем, пусть даже в жизни лучше затхлого пруда не видел.

Поэтому и на роль лица им понадобилась настоящая русская девочка, а что и не страшная совсем, так тут мальчишка сам справится.

Сновидец появился передо мной неожиданно. Он просто возник посреди улицы в

дюжине шагах от меня и завертел кучерявой головой. Пока его отвлекали яркие краски улицы, но вот они поблекли, словно кто-то приглушил свет. Хотя что я несу — именно это и сделали, конечно. Движение на улице замерло.

Мальчишка медленно повернулся ко мне, но я успела сделать шаг первой, и оттого выглядело так, словно я уже шла. Все прочие статисты стояли словно статуи, и по-своему это было жутко. Я же просто пыталась смотреть с презрением сквозь сновидца, да только получалось плохо. Этот смуглый малыш так испуганно хлопал огромными глазами, что пугать его мне совершенно не хотелось.

«Медленнее иди, каждый шаг со значением должен быть» — раздалось в голове. Словно у меня был специальный наушник. Но ничего такого не было.

Мальчик был напуган, но бежать не собирался, как и просыпаться. Зато вполне мог разреветься — его полная нижняя губа уже тряслась. Вообще-то я не слишком люблю детей, но управляться с ними умею, да и надо было видеть этого темноглазого ангелочка! Так что я наплевала на шипение в голове Кошмарыча и протянула руки к малышу, намереваясь погладить по голове, может взять на руки — как всегда делала с такими мелкими, если они рыдали над своими крошечными печальями рядом со мной. Честно, иногда проще пару минут подержать на руках чужого плаксу, чем слушать его всхлипы над разбитой коленкой!

Я тут вспомнила, что успела напугать его своим холодным видом, и поэтому как можно добрее и очаровательнее улыбнулась и немного наклонилась, продолжая тянуться к нему с утешающими объятиями. Что-то из этого оказалось перебором — ангелочек отчаянно заверещал — и исчез.

Мир тут же помутнел, но прыгать мне не пришлось — меня перенесли вместе с еще несколькими бывальыми прямо под очи Кошмарыча.

— Довела до пробуждения, неплохо, — кивнул он мне и повернулся к следующему, а меня за руку утянула Рыба.

— Вот это да! — возбужденно зашептала она мне на ухо. — Ольга, обалдеть! Я тоже поучаствовала в сне, а у меня как раз нехватка кошмаров для зачета у Кошмара Кошмаровича! Ты просто счастливый билет, ей-богу!

— А он не разозлился на то, что я по-своему сделала? — вот теперь я испугалась. И пусть злым этот черный тип не выглядел, но люди часто скрывали истинные чувства.

— Не, — отмахнулась Рыба. — У нас импровизацию любят. Особенно успешную. Да только не все к ней способны. В любом случае, он бы сразу отругал, если не понравилось бы. Он никого не щадит.

— А что сон короткий, это ничего? — снова спросила я. Вообще это оказалось таким местом, что чем больше знаешь, тем больше вопросов появлялось.

— Главное, сколько в нем заложено эмоций, — пожалала плечами Рыба. — В этом они просто через край хлестали. Хотя я уже начала бояться, что ничего не выйдет. Но ты справилась.

Слышать это было приятно, но я снова спохватилась.

— А почему мальчик спит днем? Или как там время идет, в его городе. Ведь иначе?

— Сны живут по иному времени, ты ведь не думаешь, что все эти сны снятся именно этой ночью? — снисходительно спросила Рыба.

Признаться, именно так я и думала.

К сожалению, как бы моя куратор не пыжилась, объяснить этот временной парадокс не могла. То ли не хотела, то ли — и, подозреваю, тут я попала в точку, просто сама не

понимала.

— У нас зачет есть, например, по теории времени, — наконец заявила она. — Теоретики этот предмет серьезно учат, ну, а мы просто должны приснить Менделееву его таблицу. Это непросто, поэтому на пятом курсе снят, не раньше.

— Да ладно, — не поверила я. — Вот прямо каждый это делает? Менделеев уже с ума сойти должен был.

— А ты небось думала, ему один раз приснилась таблица, и он прямо проснулся и давай зарисовывать? — ехидно уточнила Рыба. — Ну понятное дело, что каждый по несколько секунд спит, а и память у всех разная, поди целиком таблицу присни. Есть и другие варианты сдачи, но те же стихи поэтам сложнее снаить. Менделеев — это так, едва на зачет. Хотя есть умники, которые и тут промахивались. Один вон таблицу его дочери приснил.

— Любовь Дмитриевна, наверное, очень удивилась, — машинально ответила я. — Что так смотришь? Она жена Блока, а мне при поступлении сочинение или анализ текста сдавать. Вот и знаю.

— Вот тогда дивный скандал был, — перестала на меня изумленно таращиться Рыба. — Так что время — это вопрос к теоретикам. Мне достаточно знать, что только часть снов идет этой же ночью и у тех же, кто именно сейчас спит. Меньше знаешь, крепче спишь, — скаламбурила она.

Я с ней согласна не была, но и спорить не стала.

Как оказалось, как «лицо сна», я могу отдыхать в эту ночь, чем я и воспользовалась. Мне, правда, ничего не приснилось. Наверное, устала.

Я и не заметила, как пролетела еще неделя. Теперь меня это радовало. Ведь на плохой работе время тянется медленно, а на хорошей — наоборот. Может, и получится у меня всё так, как хочется, поступлю в этот Университет, закончу его и не буду связана этой тайной, которая сейчас заставляет неметь язык и пальцы, не давая даже родителям и близким друзьям намекнуть, где и чем я занимаюсь. Конечно, они скорее всего попросту не поверят, но для журналистского расследования я подготовлюсь получше. Если я смогу назвать сны тех людей, что мне их не рассказывали — чем не доказательство? Я и сама понимала, что этого недостаточно, но мысль о собственном расследовании так грела мне душу, что я не спешила от неё отказываться всего лишь из-за недостатка доказательств. Я просто еще толком ничего не знала, а значит, нужно сначала увидеть. Может, там и факты появятся. Обо всем надо думать постепенно, ставить сначала одну цель, а потом следующую. Именно так меня учили планировать время, и это делало меня хорошей ученицей, дочерью и... наверное, не очень хорошим другом. По крайней мере я точно знала, что ни у одного человека не была в списке «позвонить хоть в три часа ночи». Нет, даже общение с друзьями прекрасно подавалось планированию. И тот факт, что наши сны тоже четко расписаны и запланированы порадовал меня неимоверно.

Забавно, но последние несколько лет именно вопрос снов ставил меня в тупик. Всё остальное можно было как минимум прогнозировать. Вроде погоды или падения на голову кирпича, если идешь через стройку.

Да-да, знаю, таким впору занимать свою голову людям постарше, а то и вовсе брюзгливым старикам. Но нет, мне нравится быть именно такой, и планировщик на каждый день — подарок куда лучше коробки с конфетами.

Так что настроение у меня было приподнятое. Первый этап моего плана двигался в нужном направлении: я собиралась успешно пройти волонтерскую службу, попасть в Университет и проучиться там необходимые пять лет. К моему счастью, это даже не требовало занимать время моего дневного бодрствования. Просто идеально!

За этими мыслями я с новыми силами ринулась в чужие сны, заново сопереживая падающим во сне мученикам и тем, кто наконец-то попал на концерт любимой группы. Может, вторые были счастливыми и в реальности, а сны лишь подхватывали переживание, мне до этого дела никакого не было. Только вот однажды я заметила, что светился исполнитель на сцене — вот это был номер!

С небес на землю меня вернул следующий же прыжок. Я оказалась в залитом солнцем лиственном лесу. Мох под ногами слабо пружинил, пахло разнотравьем — прямо как в это время года у нас за городом! Где-то вдалеке весело журчал ручей, перекрикиваемый щебечущими птицами. Надо ли говорить, что я порядочно струхнула. Вокруг совсем не было людей, а я в последнее время привыкла, что вот такие мирные картинки только и созданы для того, чтобы какому-то жуткому чудовищу было сподручнее выскочить из-за угла и схомачить бедного сновидца по-быстрому. Ну и отсутствие привычной толпы беспокоило, конечно. Всё-таки я пока что птица не того полета, чтобы меня без предупреждения совали главным героем сна, а никого другого я пока что не видела.

Так что к моменту, как кусты зашуршали, я готова была снова повторить подвиг с

пальмой, но теперь только с березой. Однако вместо чудовища на полянку выбрался Вест.

— Я так рада тебя видеть, — выдохнула я и смутилась. Придумает себе сейчас еще что-нибудь! Мальчишки ведь такие. Да и я сама бы напридумывала. А ведь сама даже пару слов не могла сказать мальчику, который нравится. А вот этому, совсем чужому и довольно взрослому студенту радуюсь как родному.

Впрочем, Вест не выглядел как человек, что-то там себе придумавший. Наверное, он привык к более значимым выражениям симпатии. По крайней мере, он сухо кивнул мне и устоялся в упор, словно я ему денег должна.

— А это чей сон? — спросила я, чтобы просто не стоять молча.

— Твой, — ответил Вест без заминки.

Я придиричиво оглядела шумящий лес.

— Серьезно? — уточнила на всякий случай.

— А чего ты удивляешься, — протянул Вест. До чего он противный всё-таки! Даже противнее Паши. — Или тебе давно свои сны не снились?

Сначала я вопроса не поняла. Когда им снится, если я тут работаю с вечера до утра?! А потом я вспомнила и запоздало испугалась.

— Вот именно, — моя реакция не осталась незамеченной Вестом. — Совсем забыла, как перегорают? Перестают видеть свои сны и попросту теряются в чужих. И потом, мне казалось, что ты хочешь попасть в Университет. Показалось?

Я даже не нашла, что ответить. Как в двух словах и без лишних эмоций пересказать всё то, что я делаю для того, чтобы попасть в Университет, когда собеседник не уверен, хочу ли я туда вообще? Это вроде как ты гребешь руками и ногами, а кто-то говорит: «Никак не пойму — вы пытаетесь плыть или тонете?»

А вот следующая его фраза подействовала не хуже холодного душа. Я даже забыла все свои претензии к его способу вести разговор, лезть не в свое дело. Да ко всему.

— А ведь списки поступающих были окончательно утверждены неделю назад, — вот что он заявил.

— К-как? — я начала заикаться. — А... а я?

— А ты сможешь попытаться на следующий год, — он пожал плечами с деланным равнодушием. — Если не перегоришь, конечно. Ну и вообще, если это тебя успокоит, с первого года немногие попадают. Впрочем, есть и те, кто вообще в массовке не пробует, и сразу начинает учиться.

Он произнес это с таким видом, что сразу стало понятно, он сам относится именно к таким уникамам. Но мне было не до того, чтобы обращать внимание на его вид.

— И что, теперь уже никак? — проблеяла я как можно жалобнее, как будто была уверена, что Вест что-то знал. На самом деле просто от бессилия. Но оказалось, что не зря.

— Почему же никак, — Вест подошел ближе. — Есть один совершенно законный способ. Но для него у тебя просто духу не хватит.

— Это для чего? — я не собиралась кричать, что хватит и вообще я тут всех одной левой. Нет уж, если Вест ждал именно этого, то он сильно просчитался. Права, пареня разочарованным не выглядел.

— Я был там, — он мотнул головой куда-то в сторону. — Когда ты работала лицом. Дело в том, что Константин Константинович — руководитель моего научного проекта, и я стараюсь почаще бывать на его снах. И он один из тех преподавателей, кто ведет прием абитуриентов. Приснишься ему и можешь попросить допустить к экзаменам.

В чем-то здесь был подвох, но я пока не понимала, в чем. Да, черный не был мистер любезность, но и на злодея он не тянул. А во сне — ну не убьет же он меня. А откажет — это не самое страшное.

— Только если ты видела хоть одного другого преподавателя, хоть мельком — выбирай того, не ошибешься, — продолжал Вест. — Потому что мастер кошмаров — это не лучший вариант для знакомства с Университетом, и сдавать он заставит от и до.

— Других я не видела, — пришлось признать это вслух, уж очень выжидающе смотрел Вест, едва не обнюхивал. Неприятное ощущение. Вообще он производил очень двойственное впечатление, поэтому я рискнула поинтересоваться:

— А почему Рыба мне об этом не говорила?

— Рыба? — засмеялся Вест. — Она тебя использует для отличных оценок за практику, а ты и рада горбатиться за себя и того парня! Смотри, она еще скажет, что доверяет тебе и повесит на тебя эту Леру, а ты только и станешь попискивать от восторга, что тебе руль доверили! А что ты перегоришь, ей и дела нет. Ну пожалееет, если мало с тебя получить успела, не более того.

Я села на траву и уставилась на божью коровку, ползущую по светлому гладкому стволу березы. По всему выходило, что Вест не врет. Пусть он и неприятный какой-то, но почему-то не врет. Даже не приукрашивает.

— А тебе какое дело до того, что со мной станет? — немного грубо, но иначе сформулировать не получалось. А ведь правда, что он хотел от меня? Может, ему тоже что-то нужно? Или хочет переманить у Рыбы опять же... Чувствовать себя призом было одновременно и неприятно, и всё же чуть грело душу. Но Вест и тут всё испортил.

— До тебя мне и дела нет, — честно признался он. — А вот сделать пакость Рыбе давно пора. Уж больно она загордилась, строит из себя неизвестно что, всеми командует и перспективны морфов ради своих оценок под нож готова пустить. Щелчок по носу будет в самый раз, ничего серьезного я не планирую, так что если ты к ней побежишь рассказывать — мне это не помешает.

Так я узнала, что иногда хорошо или плохо тебе могут сделать не из-за тебя самой, а чтобы порадовать или досадить кому-то совершенно постороннему. Чувство странное, но анализировать мне его было некогда. Обычно я люблю спокойно сесть и свои разложить мысли по полочкам, но новость о том, что мой поезд ушел, да еще неделю назад, активировало совсем другие мои полезные свойства. Вроде упрямства. Я решила не ждать следующего года, а вот просто взять и попасть в Университет с абитуриентами этого года. Просто с кровати не встану, глаза открывать не буду, пока не попаду, и всё тут!

— Совсем другое дело, — засмеялся Вест и прищелкнул длинными пальцами. — А пока отдохни в своем сне, это полезно.

И исчез. Наконец-то. Всё-таки он ужасно раздражающий тип.

А я осталась бродить меж берез и осин и размышлять о своем задании. Присниться Кошмару Кошмаровичу — это тебе не баран чихнул. Мне нужно попасть в его сон, а что может сниться такому человеку? Кошмары или наоборот, в свободное от работы время он отвлекается разглядыванием миленьких котят? Если я ошибусь с первым вариантом, то напомню ему о работе, если со вторым — наверное, это будет куда хуже. И вообще, это еще в том случае, если я смогу попасть в его сон. Кто знает, когда он спит. И спит ли вообще — может, горит на работе, только не сгорает.

Вот на этой мысли меня и замкнуло. То ли я так серьезно обиделась на Рыбу, а как мне

не хотелось верить ей, вместо довольно неприятного Веста, я просто чувствовала, что он не врет, то ли я просто представила огонь и уже не смогла избавиться от этой иллюзии — непонятно. Но только ближе к утру я всё-таки сумела покинуть свою березовую рощу и явиться под очи черного, да еще и пылая как свечка.

Если быть точной, огонь стоял над моего головой, плечами и даже ладонями. Он полыхал как настоящий, но не вредил. Я бы даже загордилась, если бы не знала точно, что понятия не имею, как это сделала и смогу ли повторить это снова. Но выглядело это эффектно — я успела удостовериться в этом, разглядев себя в глади реки, до которой несколько раз сбегала, пытаясь покинуть проклятый сон. Ох и разозлилась я, когда поняла, что с первого раза у меня уйти не получилось! Привыкнув прыгать из чужих, я и впрямь забыла, что такое самый обычный сон.

Но ближе к утру, по крайней мере, я ощущала это именно так, я наконец-то выскользнула словно горошина из стручка и с примерно такой же скоростью влетела в не очень-то ждущую меня другую нереальность. К этому моменту я уже решила, что Кошмарыч, являясь преподавателем Университета, если Вест не врет, должен так или иначе быть где-то в кабинете и сидеть с бумагами. У него же там в разгаре самая горячая пора — набор новых студентов. А во сне это происходит или нет, это меня уже волновало меньше. Я даже была согласна, чтобы он мне приснился, а не наоборот — до того меня эти березы и травы-муравы утомили.

Так что я вовсе не удивилась, когда обнаружила черного рыцаря, сидящего в такой же черной комнате, за черным столом и листающего какой-то черный журнал. Своего тяжелого чешуйчатого облачения он не снимал даже в кабинете.

Мне он не удивился. Даже думать не хочу, что у него тут обычно происходит, если полыхающая огнями девушка не производит никакого впечатления.

— Ольга, — поприветствовал он меня своим вкрадчивым голосом, пробирающим до пяток. У меня даже пара огоньков побоязливей погасли от его тона. — Я вас ждал. Вест говорил, что вы можете попытаться появиться.

Вот как после этого относиться к паршивцу? Ведь предупредил преподавателя, побеспокоился...

— Вообще неплохо, — продолжил Кошмарыч тем же тоном. — Классика, конечно, но она никогда не устаревает. Черный человек в черной комнате — любите фольклор?

Ответа он не ждал, продолжая говорить, так что мне оставалось только кивнуть.

— Только мелочи не продуманы, — он потряс журналом, который зашелестел черными листами. — Читать это просто невозможно. Но для начинающего очень неплохо.

— Вы меня берете в Университет? — обрадовалась я, и даже забыла о своей робости. Впрочем, такое со мной случалось как раз от нервов. В результате меня напрасно считали бойкой и общительной. Просто язык молот вперед мыслей, и испугаться времени не было.

— В Университет? — очень натурально удивился черный. — Я даже не уверен, что беру вас в абитуриенты, Ольга. Всё-таки для всего есть определенное время, и сроки прошли неделю назад.

Я молчала. Просто не могла придумать ни одной причины, по которой он должен захотеть это сделать. В голову как назло не лезло ни одной мысли. Поразительная пустота.

— Вот теперь вы снова похожи на себя, Ольга, — заметил Кошмарыч. — А то заявились, пылая праведным гневом в прямом смысле. Слишком вычурно на мой вкус. И глаза утомляются. Видите ли, сложность не в том, что мне жаль времени или места. Вы и

сами могли бы заметить, что мы довольно вольно обращаемся и с тем, и с другим, чтобы теперь делать из этого проблему. Но вы слишком увлеклись внешней стороной создания снов и вряд ли всерьез заинтересуетесь внутренней. А выпустить еще одного недоучку после третьего курса — невелика радость.

— А разве не обязательно проучиться пять лет? — вот тут я удивилась. Даже перестала дуться, что демонстративно делала с момента, как Кошмарыч разрушил мои мечты.

— Чтобы стать специалистом — обязательно, — согласился черный. — А чтобы стать магистром — нужно учиться семь лет. А мастеру необходимо еще создать нечто уникальное. Но если студент не сдает вовремя какие-то дисциплины, мы можем отчислить его дважды — после первого курса или в течение одного — тогда его память просто теряет все полученные знания, а через какое-то время он снова обретает возможность видеть свои собственные сны. И всё. Ну и после третьего — тут под нож идут все, кто не прикладывает усердия хотя бы в изучении самых важных дисциплин. И это вовсе не из-за того, что нам так хочется. Просто большинство этих нерадивых студентов остается в мире сновидений, а здесь у нас за пределами Университета процветает анархия: нельзя просто взять и упорядочить нематериальное, и поэтому эти бывшие студенты творят сновидения по своему разумению. Вот и требуется, чтобы они покинули Университет до того, как начнут серьезно проходить Время. Потому что нет ничего ужасного в том, что вам, Ольга, приснится ваша бабушка с ветвистыми оленьими рогами, поливающая из шланга автобус, набитый жирафами, а вот этот же сон, приснившийся Исааку Ньютону — это уже проблема. Я понятно изъясняюсь?

Я машинально кивнула, слишком очарованная представшей моему внутреннему взору картиной, чтобы отвечать.

— Вот если бы за вас мог кто-то поручиться, пообещать, что вы доучитесь до пятого курса, я уж не загадываю большего, тогда другое дело, — продолжал черный. — Вы еще так молоды, Ольга, даже школу не закончили. Неизвестно, какие интересы у вас появятся дальше. Влюбитесь и начнете возлюбленному сны про розовых единорогов крутить.

— А что, такие на самом деле бывают? — очнувшись я от своих мыслей и, видя непонимание на лице Кошмарыча, пояснила. — Сны про розовых единорогов. Я думала, такое только в мультфильмах бывает.

— Всё, что бывает в мультфильмах, фильмах, в жизни — всё может быть во снах, — ответил черный рыцарь с ноткой осуждения. Он явно не оценил моего недоверия к любимому делу. — Я скажу больше — всё, что не бывает ни в книгах, ни в жизни, ни в фильмах — всё равно может быть во снах.

Я же тем временем судорожно перебирала своих сновидческих знакомых. Эти закончились быстро — Паша, Рыба и Вест, не считая прочей группы Рыбы, которых я едва помнила. Никому из них я не доверяла настолько, чтобы попросить за меня вступить. Да и не знали они меня совсем. В любом случае, давать малознакомым людям сделать меня должной за такую услугу не хотелось.

Может, попросить кого-то из реальности? Вот мама, я уверена, даже во сне отстоит тот факт, что я никогда ничего не бросаю и довожу до конца. Разве что кроме той спортивной секции в третьем классе... и юннатского кружка в четвертом. Нет, маму никак нельзя, она может такого наговорить, что никто и не посмотрит, что с тех пор я и впрямь ничего не бросала.

Тем временем Кошмар Кошмарович всё-таки замолчал и с любопытством уставился на стоящую перед столом меня.

Внутренний голос шептал, что я делаю огромную глупость, но я же упертая. Я не могу просто отступить, и шепот голоса — и откуда он взялся? — не слушала, даже когда он перешел на крик.

— А вот вы, Константин Константинович, могли бы за меня поручиться? — спросила я.

И просто физически, спинным мозгом, не иначе, почувствовала, как захлопнулась за мной дверца мышеловки. Оставалось только уповать на то, что меня ловили не для того, чтобы съесть. А что? И такие сны тоже не редкость.

Экзаменационные задания мне выдали всё в том же волонтерском центре. Пришлось идти ножками в реальном мире. Может и хорошо, я хоть успела как следует себя отругать, простить и пожалеть. Редкая возможность, если вдуматься.

Каждое задание занимало страничку машинописного текста. Точнее, само задание было всего в одно предложение, но вот подробности по его выполнению, нюансы всякие — вот это занимало всё остальное место. Всего заданий было семь.

Первым и, пожалуй, самым простым заданием было вспомнить и как можно подробнее описать самый запомнившийся сон. Вроде как кто-то из экзаменаторов будет воспроизводить сон по описанию, и чем живее он выйдет, тем выше оценка. Почему-то описывающему, а не создающему.

Второе задание: вспомнить сон из своего детства, и чем более ранний, тем лучше. Как экзаменаторы будут определять, когда снился тот или иной сон — я понятия не имела, но спрашивать не собиралась.

Третье задание было схоже с двумя предыдущими: описать повторяющийся сон, если таковой имелся. В крайнем случае подходил и сон с продолжениями.

Четвертое было немного сложнее; следовало вспомнить или вещий сон или тот, что как-то пересекался бы с реальностью. Среди примеров на слабую, но проходную оценку был указан вариант, когда снится ледник, а в реальности оказывалась открыта форточка. Или заболел сначала во сне, а потом в реальности. Так что и с этим я вполне могла бы справиться.

А вот пятое просто поставило меня в тупик. Вспомнить самый незапомнившийся сон. Нет, оставшаяся страница была посвящена тому, что речь не идет о снах, которых совсем не помнишь. Только об оставшихся в памяти на момент пробуждения. Будь мне лет пять, я бы еще подумала, что это задание можно выполнить, но вот так... Это сбивало с мысли.

По сравнению с этим заданием, два последних — из теоретического блока, были не такими сложными на первый взгляд. В шестом нужно было найти в своих записях, если я когда-либо их вела, упоминание всех снов. Идеально, если был дневник снов. Что происходит с теми, кто совсем не записывает свою жизнь, я не нашла.

К счастью, это меня не касалось. Я до девятого класса вела дневник, в котором находилось место и снам. А вот в девятом мне подарили толстый тяжелый ежедневник в пухлой обложке, и в нем я вносила только самые важные события. Снам места не осталось.

Мой дед, вот он вел самый настоящий дневник снов. Я даже запоздало задумалась, а может, он был сноходцем? Сейчас уже не узнаешь.

Последнее задание было самым простым. Необходимо было назвать литературные произведения, в которых сны играют важную роль. Далее уточнялось, что все они хранятся в библиотеке, так что нет смысла перечислять всё, что придет в голову. Я так поняла, что это скорее психологический тест, который должен уточнить мою направленность. По крайней мере, именно на это я надеялась, собираясь делать упор на классиков вроде Андерсена и Шекспира.

Готовиться мне предстояло всего четыре дня, а ведь еще я не собиралась бросать свою волонтерскую службу с Рыбой. И дело не в том, что мне нужен был этот документ — его бы

мне дали так, я отработала достаточно. Пусть и Рыбу приятно было бы проучить, потому как чем больше я думала о словах Веста, тем больше убеждалась, что он не соврал. Да и незачем ему было.

Но причина была в том, что бросать что-то начатое я и впрямь не любила. Ну и была, конечно, еще подлая мыслишка, что это могут и проверить. В любом случае, бросать последние пару недель работы не стоило.

Рыба прямо просияла вся, когда меня увидела. Я успела уже решить, что она всё знает, но тут она скорчила суровую мину и говорит:

— А почему вчера пропустила? Я уж думала, что с тобой случилось, Ольга. Неужели слетела!

— Нет, — выдала я заранее заготовленный ответ. — Просто положенный выходной взяла на свои сны. И так я прошлые две недели не брала их, так и перегореть недолго.

Рыбе хватило совести покраснеть. Я предполагала, что она спросит, откуда я знаю, и уже приготовилась свалить всё на несчастного Пашу, но она не спросила. Сама, наверное, на него подумала.

— А я так переживала, — бодро продолжила она, словно и не прерывалась. — Ты же у меня самый лучший волонтер. Я даже подумываю пустить тебя старшей с Лерой — потренируешься быть ведущим сноходцем, как тебе идея? Я тебе доверяю!

Было бы забавно, не будь так обидно — и в этом Вест не ошибся. Но такой вариант был мне только на руку.

— Давай! — вроде бы довольно натурально обрадовалась я. Я ведь и впрямь была рада. Мало того, что попробую работать с серьезным гаджетом, так и Лере за день нужно посетить всего снов пять-шесть, и если Рыба думает, что после этого я продолжу прыгать одна, то она будет очень сильно разочарована.

Лера при виде меня оживилась. То ли успела соскучиться, то ли что — с ней не разберешь. Удивительное существо — скучать во снах!

— А ты не пробовала угадывать, в каком реальном городе находишься? — попыталась завести я с ней разговор, когда мы остались одни. Всё-таки еще никак не меньше недели вместе прыгать. Хоть до положительной оценки для куратора дотянули, уже неплохо.

— Ну какие еще города, — пожала плечами Лера. — Мы просто толчемся в толпе совершенно непонятных людей. То под музыку, то без неё.

Похоже, она совсем безнадежна.

Я же была как на иголках, дожидаясь конца прыжков, чтобы заняться своим экзаменом. Вообще, стоило мне пораскинуть мозгами, как я поняла, что вопросы довольно простые. Для этой реальности. Вроде умения писать, читать и считать для обычного мира. Вот тот же вопрос с дневником. Внимательное изучение описания задания показало, что как раз самого задания с первого раза я и не заметила. Так что в наказание себе я решила начать именно с него.

Убедилась, что моя подопечная после пятого сна послушно исчезла за дверями центра, откуда неопытные волонтеры попадали в собственные сны или просто продолжали спать без сновидений, я представила себе свой дневник. Хорошо представила. И ребристую светло-коричневую обложку «под кожу», но на самом деле обычный пластик, и слегка облезшую наклейку в верхнем правом углу.

Дневник появился у меня в руках. Теперь нужно было действовать осторожно.

Я подержала его на раскрытых ладонях, привыкая к ощущению. Конечно, можно было

найти дневник дома и пролистать, но именно этого катастрофически нельзя было делать. Я должна была «прочитать» интересующую меня информацию прямо во сне.

Наконец я решилась и открыла первую страницу. Какой круглый детский почерк! Я и забыла, что только в восьмом классе решила изменить это и начала мельчить. Даже интересно, что здесь. Кроме снов, конечно. Я рассчитывала, что за одну ночь пролистаю всю не такую уж толстую тетрадь — она всего-то склеена их двух общих, перепишу всё необходимое и весь фокус будет в том, чтобы сохранить эту информацию прямо во снах, не перенося в реальность. Не только записать прямо тут, но и сделать так, чтобы записи сохранились. Вообще-то справедливо — иначе как я буду учиться в Университете? Без конспектов.

Но память безжалостно швырнула меня в глубины дневника, и вроде бы прошло всего несколько лет, а я не могла оторваться от своих корявых строк, читая о том, как ходила в кино с друзьями. Прошло с тех пор всего четыре года, я даже школу еще не закончила, но ни с кем из них уже не общаюсь. Как брала в библиотеке книги — я правда читала всё это? Как злилась на маму из-за какой-то ерунды...

— Залипла, — констатировал Вест, появившийся рядом со мной словно из воздуха. Я скосила на него взгляд, и очарование старых записей исчезло. Я поспешно достала приготовленную записную книжку — точно такая же у меня была и в реальности, и принялась выписывать сон. Но разговор решила поддержать. Мало ли, уйдет сейчас, а я снова зачитаюсь.

— Ну и залипла, — начала я точно не с самой умной фразы. — Тебе-то какое дело? Как ты вообще в мой сон попал?

— Это не сон, так, заготовочка, — ничуть не обиделся Вест. На это, собственно, и была вся надежда. — А что я тут делаю, могла и сама сообразить. Догадалась же попросить моего научрука за тебя поручиться, так он ведь не сам будет следить за тем, чтобы ты точно поступила! Ох, и попала ты с ним, мать.

— Что значит, попала? — я заволновалась, но переписывать сон не перестала. Такую глупость, что мне тогда приснилась, нарочно не придумаешь и вряд ли потом вспомнишь. — Ты сам мне сказал обратиться к нему.

— Сказал, — согласился Вест. — Обратиться, Ольга! Я не говорил тебе просить о поручительстве мастера кошмаров! Он же теперь от тебя не отстанет просто так! Только если научишься работать с идеально проработанными добрыми снами, а это знаешь как непросто в плане эмоций?

Разумеется, я тут же решила, что раз это сложно, то именно это я сумею обязательно. Кровь из носу, а избавлюсь от пристального внимания Кошмарыча.

— И потом, — продолжал возмущаться Вест. — Всем известно, что не бывает женщин с мастерством в кошмарах. Это тупиковый путь.

И конечно же, я немедленно поняла, что мне ни жить ни быть, надо суметь стать мастером кошмаров. Чудесно, и как я собираюсь эту задачу сочетать с той, предыдущей? Ох уже эта поперечность, над которой всегда насмехался отец! Но мне прямо до зуда хотелось поступить так, как от меня не ждали. Теперь еще бы узнать, чего от меня ждут меньше...

Впрочем, пока мои мысли хаотически скакали как взбесившиеся белки, руки-умнички продолжали писать, и постепенно записная книжка заполнялась перечислением снов. Хоть одно из семи заданий я практически выполнила. Проблем еще не составляло задание с упоминаниями снов в литературе — всё-таки я планировала стать журналисткой, и делать

обзор литературы училась последние два года, а читала я очень много, буквально «глотаю» книги.

Вот со всем остальным было не так весело, но впереди у меня еще было три с половиной дня.

— Ольга, тебе нужна помощь? — утомленный своими же возмущенными воплями Вест некоторое время молчал, но собственная деятельная натура не давала отдыха и требовала еще что-то придумать. Вот и придумал, судя по всему.

— Насколько я помню, помогать абитуриентам нельзя, — заметила я, слушая его вполуха — мне оставалось записать еще два сна.

— Это да, — с готовностью согласился Вест. — Но ты можешь на мне потренироваться рассказывать, а если мое излишне выразительное лицо тебе само что-то подскажет, то тут мы ничего не сможем поделать.

Я внимательно изучило его сияющее готовностью лицо. Вообще-то раньше я упорно избегала его рассматривать. Ну не нравился он мне. Бывает такое ведь, чтобы просто не нравился?

Ничего особо отталкивающего я в его лице не увидела — лицо тонкое, слегка вытянутое — лошадиное. Но при этом довольно привлекательное. Глаза чуть раскосые, но с выразительные, глубокого темно-карего оттенка. И тонкие брови вразлет — просто на зависть девчонкам, которые такие силятся с помощью щипчиков соорудить. Он весь был тонким: тонкие губы, острый нос с узкими ноздрями, плотно прижатые уши. И это касалось не только лица — он был довольно высоким и худощавым, хоть предпочитал сутулиться, длинные руки естественным образом завершались узкими длиннопальными ладонями. Всё вместе это одновременно и выглядело довольно привлекательно и почему-то отталкивало.

— Налюбовалась? — Вест всё также сиял желанием помочь, но его чуть раскосые глаза смотрели насмешливо, а губы дернулись точь-в-точь как у его научрука.

Вот! Вот что мне не нравится! Все прочие встреченные мною тут люди были совершенно обычными — такими же как в реальности, эти же двое напоминали плохо загримированных темных магов из какой-то глупой сказки. Кошмарыч еще и в какой-то рыцарской броне и плаще с чешуей ходит, этот хоть одевается нормально. Но впечатление все равно производит не очень.

— Вполне, — лучше вернуться к своему блокноту, чем краснеть, разговаривая с Вестом. Всё-таки неудобно общаться с кем-то, кто тебя ненамного, но старше. Никакая эрудиция не поможет — в острословых пикировках у него обязательно окажется больше опыта. — Меня больше всего беспокоит вопрос про самый незапомнившийся сон.

— Это как самый скучный фильм, да, — Вест облокотился на воздух и мечтательно уставился в пустую даль. Только отвлекал меня своими гримасами, и я сама начинала замечать, что вокруг толком ничего нет. И впрямь — не сон, а заготовка. — Просто вспоминаешь все, какие были — так и до него дойдет. Я вот знаешь какой фильм однажды смотрел? Дважды порывался выключить. Едва не заснул на середине. А потом всё-таки заснул — и мне даже во сне продолжал видеться этот же фильм! Правда, там он был пободрее, но только за счет того, что вместо людей там были фиолетовые осьминоги в золотистую крапинку.

Честно говоря, его болтовня больше отвлекала, чем помогала, но против воли я все равно чувствовала благодарность. От его присутствия я собиралась и напоминала себе, зачем я всё это делаю. Хотя, что уж говорить, когда он наконец начал прощаться, я почувствовала

облегчение.

Неожиданно мой мозг был пронзен самой странной мыслью за последние недели. Я — как не странно, подумала о реальности. Сколько шансов, что мы с Вестом или Рыбой живем в одном городе? Да, Паша и Рыба забирали меня из волонтерского центра, но в последнее время я всерьез сомневалась в существовании самого в том виде, в каком я его привыкла видеть. И в том месте, если уж на то пошло. Я довольно много читала, чтобы вообразить себе массу вариантов вроде кабинета с дверями в сотню измерений.

Это меня сейчас волновало мало, даже странно, что мысль так вспыхнула.

— Да нисколько, — отозвался на мои мысли Вест и поднял руки в защитном жесте. — Я не виноват, что ты вслух это сказала!

М-да, а ведь могла и что похуже вслух сказать! Вроде своего нелицеприятного мнения о его разносторонней личности.

— Почему ты так уверен? — только и спросила, надеясь, что не покраснела. А то он точно заподозрит неладное.

— Мы из других городов, я так и вовсе из другой страны, — снисходительно пояснил Вест.

Я чуть было не начала пытаться вообразить эту загадочную страну, как меня словно молнией прошило — Рыба же ходила со мной по городу!

— Рыба меня как-то до дома провожала! — заявила я с претензиями на то, чтобы подловить Веста на вранье.

— Это не очень хорошо, кстати, — ничуть не смутившись, ответил он. — Лучше, чтобы никто не знал, где ты спишь. Просто тебе на будущее. Все люди разные. Нет-нет, Рыбы можешь не опасаться в этом плане. Она девчонка вредная, но не настолько.

— Ты тему не меняй, — я даже от своего блокнота оторвалась. — Была она ведь в городе, так?

— Мы о другом говорим, — мягко ответил Вест. — Мы обсуждаем, живет ли Рыба, или живу ли я в твоём городе. В крайнем случае, можешь ли ты с кем-то из нас в городе столкнуться. Ответ — нет. А вот прийти с тобой — это реально. Или в твоём сне о доме. Это вокруг да около встречается.

Вот. Вот еще одна причина, почему этот человек меня просто до мурашек бесит. Всё в свою правоту повернет!

Не дожидаясь, когда из меня посыпятся ругательства — не иначе как выглядела я и впрямь грозно, Вест исчез, напоследок оставив одну улыбку. То же мне, нашел кот чеширский!

Впрочем, поостыв, я поняла, что это можно расценивать как очень ненавязчивую подсказку. Ведь версия финала сказки про Алису в том, что это сон... А детская книга Беатрис Поттер... Похоже, я смогу не ограничиваться Шекспиром и иже с ним, да и наведенные Вестом варианты пусть кажутся более наивными, но тем самым они отдалают меня от участи стать ученицей Кошмарыча. Вряд ли настоящему мастеру кошмаров придет в голову сон про Ухти-тухти.

Кажется, вот так я выбрала свой путь — держаться подальше от черного мастера, пусть он и поручился за меня перед Советом.

И от того, что надо мной больше не висела тяжкая необходимость принять это решение, стало куда веселее. Я быстро закончила задание и проснулась. Погода на улице радовала, впереди еще было три дня подготовки, и я не без удовольствия выкинула из головы и

предупреждения Веста, и его самого вместе с научруком. А не стоило, ведь столкнуться с тем, о чем он мне говорил, предстояло куда быстрее, чем мы оба могли предполагать.

Вечером я с удовольствием упала на кровать, бесконечно довольная проведенным днем на свежем воздухе. За окном слабо моросил дождь, навевая долгожданную прохладу и сон, так что попасть в волонтерский центр труда не составило. Немного хмурая Рыба при виде меня изобразила радушную улыбку и сунула руль, тут же исчезая с глаз долой. Мне даже стало интересно, чем она занимается, избавившись от обузы в виде Леры, но лишь немного.

Тратить время на любопытство роскошь для тех, кому заняться нечем, а у меня были грандиозные планы на ночь. Нужно было только пройти пять снов с Лерой — и я была свободна для своих дел.

И вот на третьем сне произошло ЭТО.

Я сначала ничего не поняла. Только вдруг обнаружила, что кнопка на руле проваливается, словно туда запала. И не бледно-желтая или красная, а темная как черешня, которой я лакомилась днем.

И тревога такая словно в воздухе повисла, что живот скрутило — я даже согнулась от неожиданности, а когда разогнулась, то сразу поняла, что не так — лицо и руки Леры светились. И сонной она больше не выглядела.

— Ты мне снишься? — спросила она тонким голосом. — Где мы? Что мы делаем?

Первой реакцией было вывалить по памяти всё, что она и так должна была помнить, но я прикусила язык. Вот именно — должна. Но то ли не помнит, то ли лукавит. Ведь что никак не может случиться с волонтером, так попадания в собственный сон во время работы. Это мне словно шепнули на ухо, и я даже думать не хочу, почему от этого знания мне стало так нехорошо.

— Лонгольеры, — ляпнула я первое, что пришло в голову, судорожно пытаюсь вспомнить, что я знаю об этих созданиях Кинга. Такие книги я читать не любила — уж больно страшные. И вообще, я хоть правильно их назвала?! — Они поедают пространство вокруг нас!

Похоже, Лера, в отличие от меня, или фильм читала, или книгу смотрела. То есть, наоборот. Теперь вокруг нас появились какие-то люди, кусок самолета — в прямом смысле только кусок. А потом какие-то жуткие существа — и я поняла, что теперь точно смотреть такое не буду. Ни за что на свете!

Лера побледнела — и исчезла. И мир как всегда пошел рябью, так что я привычно перепрыгнула в следующий сон. То есть, мне так показалось. На деле меня перенесло куда дальше, причем в прямом смысле, а не только в переносном — под руки меня держали две хмурые дамы неопределенного возраста. Похоже, мне только показалось, что всё благополучно закончилось.

Что ж, пару часов спустя я осознала, что кошмарная путаница во всем и бюрократия — это прерогатива не только реального мира. Я сидела и заполняла бумажки. Ужасная трата времени, особенно, если надо готовиться к экзаменам, но делать нечего. Как объяснила мне шепотом занятая тем же самым Рыба, произошел серьезнейший сбой, и в наших же интересах помочь расследованию его причин.

Рыба на меня почти не злилась. То есть, она, разумеется, не выглядела счастливой, да и с чего бы это, но признавать ошибки она умела. Впрочем, оказалось, дело было не только в этом. Как рассказала внезапно ставшая еще более словоохотливой Рыба, я поступила единственно верно в своей ситуации. Настоящий куратор переправил бы волонтера в другой

сон сразу, едва у него засветились бы лицо и руки, или же создал бы суррогат сна на месте, но у меня не было умений. К счастью, я позволила себе глупость, и она спасла ситуацию. Мозг сновидца способен и сам создать сон на пустом месте — в этом я убедилась на примере призыва Рыбы в ночь нашего знакомства, ему только нужен толчок. И этот толчок я организовала. Честь мне и хвала, а еще выговор за то, что занимаюсь не своей работой.

А еще я была дважды молодец, потому как последующая за всей этой суматохой встреча с Вестом была мною успешно предсказана. Не бог ведь какое достижение, но всё равно приятно.

Прежде, чем он успел открыть рот и разразиться тирадой, которая, без всяких сомнений, должна будет наставить меня на путь истинный, я выпалила первой заранее подготовленную фразу:

— Вест, а как тебя сокращенно называют?

Не то, чтобы я прямо очень хотела это знать. Моя бы воля, я бы его никак не называла, но пора было уже смириться с жестокой действительностью, которая раз за разом сталкивала нас нос к носу.

Этот невинный в общем-то вопрос неожиданно странно подействовал на парня — Вест покраснел, побледнел, а зачем промямлил что-то неразборчивое.

— Ничего непонятно, — раздраженно ответила я.

— Это и есть укороченное имя! — рявкнул Вест, окончательно спадая с лица. Ну надо же.

— А какой тогда полное? — я, как будущий журналист, на всякий случай читала много около филологической литературы, и словарь имен туда тоже входил. Так что мне такие варианты на ум приходили — закачаешься!

— Не скажу, — буркнул Вест и поспешил сменить тему. — Ты лучше скажи, что творишь? К моему научруку собралась на тарелочке с голубой каемочкой?

Поразмыслив, я поняла, что Кошмарыч вполне тянет на того, кто не погнушается студенткой и закусить, к тому же на тарелочке, поэтому отрицательно помотала головой.

— А выглядит именно так, — поднял палец Вест. — Но я понимаю тебя, вывернулась — и то неплохо.

— А что вообще за ерунда тут происходила? — я только сейчас сообразила, что Вест наверняка знает больше, чем сказали мне и даже Рыбе, которая в некотором роде была среди обвиняемых.

И Вест не обманул моих ожиданий, принимаясь рассказывать. Да его просто распирало от новостей! Как и говорил уже его научрук, за пределами Университета в сновидениях царилась самая настоящая анархия, и не было никого, кто бы мог заставить сноходцев соблюдать законы. Даже хуже — любой свежее испеченный закон тотчас кидались нарушать, просто потому что могут.

Единственной силой, способной хоть немного регулировать этот постоянно изменяющийся мир, были именно преподаватели Университета. Но и они не могли быть сразу повсюду, где творились безумства, поэтому было решено соблюдать только один закон: неопытные сноходцы не должны были иметь возможность делиться знанием об этом мире, а безумных требовалось выводить из мира как неопытных — корректируя их память, загоняя реальные знания в смутные воспоминания сна. «Раскрыть над ним зонтик» — так это называлось. Да, выглядит как два закона, а не один, но, как пояснил Вест, даже тут только что созданное правило было нарушено.

Разумеется, я тут же предположила, что эти самые безумцы и зверские отморозки-недоучки сами не против кому-нибудь изменить память и выставить из зыбкого мира снов. И вот тут-то и оказалось самое интересное. Действительно, многие и впрямь мечтали о такой способности, да только бодливой корове бог рогов не дал — получить это умение могли лишь единицы. Неизвестно, что нужно было для этого, но точно требовалось проработать какое-то неприличное количество лет преподавателем в Университете и выучить нескольких личных учеников.

— Но ведь те, кто просто хочет получить эту особенную власть, тоже могут пойти в преподаватели, разве нет? — уточнила я беспокоящий меня вопрос.

— Разумеется, — важно кивнул Вест. — Но считается, что тот, кто годами учит и меняет других, не может не измениться сам. До сих пор это работало.

Я фыркнула. Нет ничего более жалкого, чем отговорка «до сих пор не ломалось».

— И что, никто не знает, есть ли сейчас среди преподавателей кто-то, еще не достигший этой власти, но желающий её? — спросила я, подспудно ожидая отрицательный ответ. В самом деле, ну кто всерьез признает, что мечтает превратить и без того неустойчивый мир в полный хаос?

— Есть, конечно, — легко пожал плечами Вест. — За всех ручаться не смогу, но один мне известен точно.

— И кто это? — да ладно, я уже и без него прекрасно знала ответ!

— Разумеется, Константин Константинович, — ухмыльнулся Вест с таким гордым видом, словно его научрук претендовал на нобелевскую премию, а не на то, чтобы в один прекрасный день развалить целый мир.

— Класс, — кисло улыбнулась я. А что мне оставалось делать?

К счастью, после Веста меня больше никто не беспокоил, хотя чего я только себе не надумала — и следящего за мной со всем вниманием Кошмарыча, и второе пришествие Рыбы, которая наконец бы заподозрила неладное.

Но нет, Рыбу я видела только вечером, она по-прежнему отпускала меня одну в сны, только Леры со мной больше не было. Похоже, кто-то воспользовался своим правом избавляться от не внушающих доверия волонтеров таким способом. Но самое важное из этой истории я чуть было не забыла! Чтобы вот так запутать маршрут Леры и притянуть к ней её собственный сон, нужно было знать, где она живет. Это мне рассказала Рыба и тут же клятвенно пообещала, что мое местожительство не откроет никому. Ну, об этом меня и Вест предупреждал. Только я тогда не думала, что всё настолько серьезно. Спящий сноходец не то чтобы беззащитен, но запутать его можно, а зачем — теперь уже и не узнать. Лера забыла всё, включая то, кому она поведала свой адрес.

Конечно, не стоило держать за дураков мастеров из Университета, которые наверняка сначала узнали всё, что им требовалось, а потом уже перенесли всю эту реальность в глубокие недра сна. Но сколько толку мне от того, что секрет знает кто-то другой, а не я? Вот то-то же.

Что меня действительно напугало, как это то, какие мелочи могли привести к потере доступа к этому миру. Я сомневаюсь, что кому-то мешала именно флегматичная Лера. А кто тогда? Кому-то не нравилась выскочка Рыба? Мне не хватало информации, но поделаться с этим ничего было нельзя, оставалось лишь надеяться, что в Университете у меня будет больше шансов разведать эту сомнительную тайну. Да и студенты были куда лучше защищены от вот такой неприятной подставы. По крайней мере, я так считала.

Одним словом, к экзамену я была мотивирована по макушку и еще немного. И приготовилась я довольно неплохо. Не во всех вопросах я была уверена, но честно рассчитывала на то, что у меня есть свои преимущества. И нет, дело было вовсе не в поручившемся за меня ужасающем черном мастере Кошмаров, который жаждал власти и хаоса во всем мире. Просто... я в себя верила, вот!

Правда, вся эта вера сдулась как шарик, когда на листе с вопросами я обнаружила, что все они сдвинулись на один вниз, и первым номером стояло следующее:

«Найти Университет».

Вот это и впрямь досада — можно было хоть намеком узнать об Университете у Веста, но мне и в голову не приходило, что его придется искать. Неплохо бы для этого знать, как он выглядит... Я попыталась представить хоть один из известных мне ВУЗов, но потерпела неудачу. Мало того, что они все выглядели совершенно по-разному, включая тот, в котором я собиралась учиться на журналиста, но они просто никак не подходили под мои представления о месте, где познается создание сновидений. Это должно быть нечто грандиозное и может даже сказочное. Сложно создавать воздушные замки, если сам сидишь в коробке с серыми стенами и унылыми окнами!

Так что ничего удивительного не было в том, что перед глазами и впрямь стали вставать замки. Сказочные и не очень. И знаменитые замки Германии, и Хогвартс, и Камелот... Все они перемешались в голове, отчего в результате родился некий микс — огромный замок с

сотнями лестниц, часть из которых проходила снаружи, обвивая весь замок, и множеством башен — часть выше, часть ниже. Разноцветные крыши, и целое мрачное черное крыло — для мастера кошмаров и его учеников. Замок в моем представлении находился на возвышенности, а вокруг был ров. Нет! Слишком обычно! Он стоял на куске земли, который плавал в воздухе над озером. Озеро — это обязательно, я точно знаю.

У меня появилась уверенность, что я абсолютно права, и если я найду Университет... Нет, ни «если», а «когда»! — он будет выглядеть именно так. Оставалось добраться до того неприступного замка. Я уже привыкла представлять переход из сна в сон как прыжок на ступеньку эскалатора, не собиралась и сейчас изобретать велосипед. Просто на этот раз одной ступеньки мне было мало — мне нужно было от начала до конца проехать на этой лестнице-чудеснице.

Как бы я её не называла, появился передо мной самый обычный эскалатор, ровно такой же, как в метро. Я даже обернулась, рассчитывая увидеть стеклянный аквариум с усталой недовольной женщиной, которая обязательно прокричит мне вслед: «Не бегите по эскалатору!». Но никого не было.

Так что я подхватила пухлую папку со всеми своими записями и вопросами к экзамену, и бросилась вверх по неторопливо скользящему эскалатору. Можно было, конечно, просто держаться за перила и вертеть головой, разглядывая проплывающие мимо светящимися фонариками сны, но эскалатор уходил так далеко вверх, что я не видела его края, и это меня беспокоило. Не хватало еще опоздать!

В глубине души я ждала каких-то трудностей вроде как у Алисы, которая сколько бы ни бежала, всё равно возвращалась в то же место. Это было бы вполне в духе этого места. Кто знает, может, именно моя твердая уверенность в каком-то подвохе и лишила меня возможности с ним столкнуться. Даже сказке и сну не хочется быть предсказуемыми, и этот сон был ничем не хуже прочих.

Так что через четверть часа, никак не больше, я смогла остановиться и перевести дух. Эскалатор тоже замедлился, позволяя мне насладиться видом Университета, возвышающегося на летающем острове над блестящей гладью воды. Он был точь-в-точь, каким я его представляла, разве что в количестве башен я не была уверена.

Замок выглядел величественным и совершенно пустым. Если не считать, конечно, парочки, которая сидела на самом краю острова у эскалатора. Они болтали ногами и крошили в озеро булку. Присмотревшись, я увидела в озере серо-зеленые блестящие спины каких-то змеев или чудищ вроде лох-несского. Подивившись, что такая махина клюет на булку, я внимательнее взгляделась в встречающих меня сноходцев.

Разумеется, я бы всерьез удивилась, не будь один из них Вестом, и тот меня не подвел. Но вот увидеть рядом с ним пухленькую тихоню Тину я никак не ожидала. Странно, я была уверена, что он если и общается с кем-то из своей группы, то непременно с Гризли, который просто создан пугать любого несчастного, кому приснится.

Внутри стало неприятно, будто я съела что-то не то. Странно, мне вот с самого начала не понравился Вест, но видеть его в такой согласии с этой милой девушкой было как-то неправильно. Будто он должен был всё свободное время следить за мной и моими успехами. И докладывать кому-надо-докладывать, разумеется.

А он... чудищ кормит. Булкой.

Так что ничего удивительного, что вместо того, чтобы поздороваться, я взяла и ляпнула: — А Рыба где?

Нет, ну меня тоже можно понять. С группой этой меня Рыба познакомила, Кошмарыча на меня тоже она навела. Могу и спросить.

Но эти двое как-то странно переглянулись и захихикали.

— Не, Рыба сейчас отчет о практике пишет, чтобы среди первых сдать, — пояснил Вест. — А ты быстро добралась. И Университет у тебя отличный получился, и способ подъема — я был уверен, что ты без фантазии к этому подойдешь и эскалатор используешь.

Он протянул не глядя ладонь к Тине и та, поморщившись, ссыпала ему туда какие-то жетоны — так мне, по крайней мере, показалось. Всё равно меня куда больше волновало то, что Вест сказал.

— В каком смысле «получился»? — уточнила я, отгоняя от себя мысли, что, хотя Вест выглядел довольным и вроде как похвалил меня, похвалой это можно было назвать только с большой натяжкой.

— Ты же не думаешь, что Университет сновидений — это какая-то константа? — удивился Вест. Похоже, всерьез удивился. И как-то сразу скучился даже. Брови его вразлет едва ли не домиком сложились, пусть и всего на мгновение. — Мы его все видим по-разному, а он подстраивается. При желании можно увидеть так, как видит другой. Чем выше курс, тем больше шансов увидеть.

— Ха, — заметила на это Тина и теперь она протягивала ладонь, а Вест, поджав губы, отсчитал ей несколько жетонов.

Похоже, на меня спорили. Еще узнать бы, зачем и на что именно. А то я, похоже, обоих успела разочаровать.

— И прибыла ты скучновато, хотя и уверенно, — словно подтверждая мои мысли, продолжил Вест. — На чем только не прилетают, приплывают и приезжают! Даже дракон был.

— Зато функционально, — заступилась за меня Тина. — И логично. А то помню я этого с драконом. Мастер иллюзий на каждом курсе рассказывает, что прилетел-то он на драконе, а школу представил Звездой смерти. И ни туда, ни сюда. Дракон туда пролезть не может, трубит, огнем плюется — и три мастера этого гения с дракона потом снимали.

Вест покраснел. Неужели это он был? Глаза отводит — ну точно он!

— Кстати, поздр... — Тина закашлялась, когда Вест пнул ей под коленку. — Поздно придешь — не успеешь доложить. Сон так-то не резиновый!

Я ойкнула и бросилась к замку. Вест и Тина о чем-то шепотом переругивались, а потом Вест крикнул вслед:

— Номер аудитории у тебя на папке, посмотреть не забудь!

Я помахала им, типа и «спасибо» и «до свиданья» в одном, и понеслась к лестнице, на ходу оглядывая папку. И впрямь, вот и номер 721. И почему мне приходится принимать помощь у такой неприятной личности? Или перестать верить верещащей интуиции и дать Весту шанс стать мне другом?

Я вспомнила про свои планы написать статью об этом мире, когда мой язык будет развязан, и решила не торопиться. Я сюда пришла не друзей заводить. Мне нужна моя статья и мой диплом. А что, неплохая тема. Надо думать о будущем.

Ни одна ступенька не скрипнула под моими ногами — видать реальных противников моим планам не было. Или же они просто были не всемогущи. Что, между прочим, тоже довольно неплохо.

Похоже, зря была так уж благодарна Весту — нужная аудитория сама распахнула

передо мной двери. Никогда бы не подумала, что 721 находится между 45 и 17, ну да это уже точно не моё дело.

Принимающих экзамен было трое. Я совсем не удивилась черному рыцарю — сомневаюсь, что Кошмарыч пропустил бы такую великолепную возможность повлиять на поступление своего гипотетического ученика. Кто знает, может ему как раз меня не хватает, чтобы получить возделенную власть? Было бы вполне ожидаемо.

Кивать я ему не стала. Мало ли как такой мрачный дядька отнесется к панибратству, еще вгонит меня в кошмары на веки вечные. Или отработку назначит, причем там же, в кошмарах. В общем, что совой об пень, что пнем об сову — всё одно не стоит с ним связываться.

Второй мужик был еще страннее. Он сидел в аквариуме. В нормальном таком аквариуме, я бы до края даже привстав на цыпочки, не дотянулась, но зато узком — он, наверное, и руками развести не мог там как следует. Ах да, и у него был хвост. Рыбий. Не самая важная деталь для мужика в аквариуме. Причем верхняя часть была очень прилично одета в пиджак, рубашку и даже галстук колыхался в воде. А вот хвост был просто хвостом.

Интересно, как он из кабинета в кабинет добирается? Я представила, как студенты устраивают преподавателю «темную», накинув на аквариум шторы. А еще можно в воду что-то кинуть. А потом аквариум в шкаф поставить и закрыть на ночь, чтоб не болтался...

Единственная присутствующая дама кашлянула. Наверное, я непозволительно долго пялилась на их ихтиандра, да еще и кровожадные мысли как всегда сами себя выдают. Пришлось повернуться к третьей в составе комиссии. Тут у меня интуиция заорала благим матом, сразу сдавая всё и вся. Если прислушиваться к ней и пятой точке, которая тоже опасность чуяла — во снах так точно, то вовсе не мой разлюбленный Кошмарыч тут самый главный, читай, самый опасный. А именно вот эта женщина.

На первый взгляд она была не старше меня, но вот на второй становилось понятно, что ей не меньше тридцати. Или сорока? Или сколько ей?!

Я успокоилась также быстро, как запаниковала. Вот что за повод для паники? Женщины часто выглядят не на свой возраст. Мало у кого из них при этом кошачьи уши, ну да не вся ведь кошка. Мне тут только сравнений с Гарри Поттером не хватало. Хотя вот что интересно, а хвост у неё есть? Длинная клетчатая юбка не давала это проверить, да и как я бы это сделала? Повернитесь, я кое-что проверю?

Кошмарыч ехидно потянул край губы вверх — вроде как снова улыбнулся. Немного изучив его, я уже поняла, что это равнозначно гомерическому хохоту. Ну да, для этого товарища мои мысли точно не под запретом, он по лицу читает как в книге. На то он и мастер кошмаров.

Леди с ушками сердито поджала губы, скосив взгляд на Кошмарыча, и откашлялась. Похоже, я угадала с тем, кто тут главный.

— Начнем, пожалуй, — произнесла она совершенно детским голосом. Я просто так и села. Хорошо хоть стул был. Прямо посередине этого огромного помещения.

Голос как у пятилетней, а лицо при этом словно на глазах постарело. Пока молчала, она выглядела моложе. А мне точно сюда надо, интересно?

Но сбегать сейчас как-то глупо показалось. Лучше уж попытаться хотя бы, чем потом всю жизнь локти кусать. Вряд ли меня впереди еще куча предложений ждет вроде этого, одно лучше другого. Ни совы, ни прекрасные феи или эльфы у моей квартиры в очередь не встают. Так что попытка не пытка. Выражение не очень подходило в случае Кошмарыча, но

тот очень вовремя заскучал и отвернулся.

— Картина Георгиевна, можно мои вопросы сразу мне передать? — попросил мужик в аквариуме, и назло всем законам физики слышно его было прекрасно. Он, наверное, страшно не в ладах с мастером, отвечающим за естественность снов. Или как там называлось то, из-за чего я не должна была взбегать по пальме.

Тут до меня медленно дошло, как он назвал ушастую. Мозг успел немного подготовиться, и я не рассмеялась ей в лицо. Это что за имя такое? Потом окажется, что Кошмар Кошмарович — настоящее имя, а Константином его просто для вида зовут. В целях конспирации.

— Конечно, Тритон, — махнула Картина как-там-её-по-отчеству рукой и повернулась ко мне. — Ольга, ваши записи по седьмому и восьмому вопросам киньте в аквариум.

Я немного потупила, пытаюсь понять, откуда взялся восьмой вопрос, пока не вспомнила, что взялся именно первый. Но и это понимание мне решимости не добавило. Записей было искренне жаль. Может, это такая проверка, и я должна их защитить? Представить, что они не ручкой на бумаге написаны, например?

— Просто киньте, Ольга, — впервые открыл рот Кошмарыч, и я послушалась.

Наивная! Я боялась, что они размокнут! Да для начала просто попасть в аквариум было бы неплохо! Вот кто-кто, а баскетболист из меня бы не вышел. Седьмой вопрос пришлось кидать три раза. Но был и положительный момент — я совершенно перестала бояться за их состояние. Просто втайне мечтала, что обложка станет достаточным грузом, чтобы тетрадь попала этому гадскому Тритону по голове.

Хотя он вовсе не выглядел гадским. Просто я уже устала и перенервничала. Вообще он напоминал Эйнштейна, если бы у того была борода как у Хоттабыча. И хвост. да. Про хвост никак нельзя забывать.

Тритон — и почему у него не было отчества, интересно? — немедленно отвлекся на мои записи, и я поступила в распоряжение Картины и Кошмара. Ну как, поступила в распоряжение, Картина Георгиевна задавала вопросы по оставшимся темам, а черный просто сидел рядом и сверлил меня взглядом. Для солидности его позвали, что ли?

— Итак, ваш повторяющийся сон, — Картина пошевелила ушками. Задавала вопросы она не по порядку, словно хотела запутать. Я только рассказала про сон, смешанный с явью — когда по городу за людьми гонялся лев, а потом я проснулась с порезом на руке. Вообще, я не была уверена, что это подходит, но Картина с самым серьезным видом покивала головой, и я расслабилась.

— Это сон про бассейн, — бодро начала я. Я репетировала дома и с Вестом, так что заминок не было. — Мы с классом идем на урок физкультуры и находимся на территории бассейна, кто уже плавает, кто стоит в душевой.

Картина едва заметно поморщилась. Как кошка не любит воду или думает, что сон скучный? Но это я дальше не рассказывала!

— В душевую входит тигр. Не торопитесь, ступает важно, хотя вокруг раздаются вопли и топот. Мне сон снится не первый раз, и я знаю, что если встать за текущую воду, тигр меня не почувет...

Кошмарыч и Картина переглянулись, и даже Тритон оторвался от моей тетрадки и задумчиво пошевелил хвостом. Так ему понравилась идея с водой или просто заинтересовался — кто его знает.

— Он проходит мимо, так близко, что если я вытяну руку, то дотронусь до его шкуры, —

вдохновенно продолжила я. Этот сон и впрямь довольно долго снился мне, поэтому рассказывать легко. — Но оставаться в безопасном месте нельзя, я знаю это точно. Поэтому я через чашу бассейна перебегаю к лестнице и спускаюсь вниз. Там уже охотники с собаками, но они не помогут...

— Прошу прощения, Ольга, — у Картины Георгиевны уши встали торчком. У неё короткие кудрявые волосы, и поэтому я видела, что человеческих ушей нет. Наверное, это и правильно, но выглядит непривычно. — Я правильно понимаю, что сон закончился? Он завершился однажды и больше не снился?

— Всё так, — охотно ответила я, стараясь не задумываться о том, как она узнала. — Обычно сон завершался где-то здесь, все прятались под большой круглый стол, а тигр ходил вокруг. Я помню, как на коленках ползла по столу, а там какой-то лабиринт из стульев, собак, охотников и моих одноклассников. Но вот однажды кто-то решил запутать тигра. Мы начали выкрикивать абсурдные вещи из-под стола вроде «Где всего середина? С краю!» — и всё в этом духе. И тигр не выдержал — пф! — и на нашем столе сверху его шкура. А его больше нет.

Я замолчала. Мои экзаменаторы молчали тоже. Даже не по себе стало. А ну как не прошла этот вопрос? Другие еще хуже.

— А неплохо, — наконец произнесла Картина Георгиевна. — Ольга, вы во сне еще падаете? Не в реальности, а прямо во сне.

Она вовремя уточнила, я чуть было не рассказала, как упала с слишком короткого дивана на даче. Так что пришлось перебороть смущение прежде, чем отвечать.

— Бывает, — призналась я, не добавляя, что после просмотра волонтером немислимого количества чужих падений, уже перестала сама видеть такие сны. — Но я давно не просыпаюсь, просто уговариваю себя, что это сон, и пробую попасть в другой. Обычно получается.

Картина Георгиевна выглядела впечатленной.

— И всегда удается себя уговорить? — любопытствовала она. — Или это касается только снов с падениями?

— Не совсем, — я снова смутилась. Тем утром, когда я рассказывала тот сон маме, она ужасно смеялась. — Мне приснилось, что я еду в Париж, а билета и загранпаспорта у меня нет. И тогда я подумала, пусть кажется, что у меня в руках они есть! Таможенник на входе самолет смотрит на мои пустые руки, которые я протягиваю с видом: "Вот мои документы" и с мученическим видом отвечает, что ничего у меня нет, но это организованная группа, и мне и не надо. Я очень странно себя почувствовала в тот момент. Чуть не проснулась.

Картина Георгиевна качнула головой.

— Неплохо, — наконец произнесла она. — Но мы достаточно задержали тебя, можешь пройти к своей группе и познакомиться. Тебя притянет к нужной аудитории, потом сами её назовут. Только не переборщите со значимыми цифрами — у нас и так небольшая путаница с тремя аудиториями 666 и пятнадцать 13. и это я не говорю о 7 и 1!

Я задохнулась от неожиданности. Остались самые сложные вопросы!

— Вы меня приняли? — уточнила я на всякий случай.

— Ольга, — Картина тонко улыбнулась и словно помолодела внешне, снова становясь моей ровесницей. — Вы были приняты в тот момент, когда сумели добраться до Университета. Неужели вы думаете, что мы можем разбрасываться возможностями, надеясь на какие-то необъективные вопросы? Они всего лишь должны активизировать вас и только

вас. Заставить думать, размышлять.

— А другие студенты, — я не могла просто так остановиться и уйти. К тому же меня не гнали, и Тритон тоже смотрел доброжелательно, как и Картина. Что до Кошмарыча, то к его лицу я успела привыкнуть. — Они когда прошли эту... проверку?

— Так прямо сейчас и прошли, — пояснила Картина Георгиевна. — Мы проводим все собеседования в один момент времени. Мы мастера или кто?

— А вы ничего про себя и не говорили, — призналась я, не понимая, что тянет меня за язык.

— Я — ректор Университета, — пояснила Картина, смешно шевеля своими ушками. Вот как на неё смотреть спокойно прикажете?! А придется — она тут самая главная. — Константин Константинович — мастер кошмаров, а Тритон — мастер текучести. Он преподаёт несколько теоретических дисциплин, и с ним вы будете встречаться реже. Вы ведь хотите на факультет практиков, я ничего не путаю?

— Не путаете, Картина Георгиевна, — меня наконец-то начала заполнять радость — словно пузырьки в газировке, она будто неоткуда поднялась до горла и мешала говорить и даже дышать. Хотелось смеяться и прыгать, хотя мне определено не столько лет, чтобы это выглядело не глупо.

— Идите, Ольга, — на этот раз я не поняла даже, кто из них это произнес. И меня вынесло из аудитории, словно к поясу был пристегнут канат, на котором меня тащило по ступенькам и коридорам. Хорошо хоть не волокло, но приятно было, что можно не беспокоиться о том, как добраться до нужного места, и просто подумать. Ну и поглазеть по сторонам, как без этого. Вообще в смысле «поглазеть» Университет внутри был не слишком интересным. Коридоры и двери, двери, двери. Да, очень разные, от современных до каких-то вычурных и древних, но дверями я никогда не увлекалась. Пара групп, судя по всему, отличалась оригинальностью и вместо дверей были окна — и я краем глаза успевала ухватить происходящее за ними. Группы были небольшие, и в центре стоял высокий табурет, на котором по случайности ли или какому умыслу в обеих комнатах сидел Кошмарыч.

Это подтверждало то, что мне сказали. Не то, чтобы я не верила, но приятно было убедиться своими глазами. Наконец я затормозила перед самой обычной дверью без номеров и надписей. Стукнув костяшками пальцев по пластиковой поверхности — вроде как постучалась, и в то же время нет, я вошла.

На табурете — точь-в-точь, как те, что я видела в других кабинетах, сидела сама ректор Картина Георгиевна, а перед ней полукругом стояли стулья, и семь из восьми были заняты.

— ...Вот вы и все в сборе, — словно продолжая какую-то начатую до моего прихода фразу произнесла она. — Занятия проходят четыре дня в неделю, практики начнутся позже. Для начала вам стоит познакомиться с вашей группой, потому что лекции лекциями, но групповые практики вам проходить именно в этом составе.

Я вспомнила группу Рыбы и кивнула своим мыслям. Там была она, организатор-карьеристка, и без такого человека нам придется туго. Да и вообще, им-то хоть удалось найти слабые и сильные стороны друг друга. А удастся ли нам?

Я оглядела всех более внимательно и столкнулась с такими же придиричивыми взглядами. Похожие мысли были у всех.

— Я вас оставлю на какое-то время, — вернула наше внимание к себе ректор. — Чтобы вы сами справились.

— Да уж, а то сильно на общество анонимных алкоголиков похоже, — согласился

сидящий рядом со мной невнятный мужчина неопределенного возраста. И тут же открестился. — Я сам не ходил, но в сериалах видел. Дмитрий.

Он представился первый и замолчал, сложив руки на груди.

Картина Георгиевна улыбнулась и шагнула с табурета, пропадая из виду. Причем не сразу, а словно она зашла за невидимую стену.

— Ох ты, господи, — всплеснула руками старушка, сидевшая с краю. Я вообще не очень поняла, как она попала в Университет. Разве такие вот старенькие и седые учатся? А у неё еще палочка и авоська с каким-то цветком в горшке. Не знаю, я в ботанике ничего не смыслю, поэтому пусть будет фикус. В любом случае, авоська? И старушка такая же древность. Правда, мелькнуло ощущение, что я уже видела их — и старушку, и авоську. Причем совсем недавно, вспомнить бы еще где. С этим калейдоскопом снов я на такое и не надеялась. Так что ощущение мелькнуло и пропало.

— Она же кошка, — покровительственно улыбнулся один из ребят по виду чуть старше меня.

Или тоже десятиклассники. Но школьники, как мне кажется. Они сидели вместе, оба темно-русые и светлоглазые. На этом сходство заканчивалось. Один был полноват, но симпатичные ямочки на пухлых щеках это компенсировали. Он был одет в спортивный костюм, что еще смешнее было с его комплекцией. Второй был обычный. Вот просто сверхобычный. Скорее симпатичный, чем нет, скорее худой, чем толстый, нос, волосы — он мог даже учиться в моей школе, и я бы его не запомнила. Вот этот второй и назвал Картину Георгиевну кошкой.

— Кошки, как известно, одинаково хорошо себя ощущают как в реальности, так и в более тонких мирах, — продолжал он и без перехода добавил. — Меня зовут Сергей.

— Витя, — представился пухлый. — То есть, Виктор. Мы ведь не должны больше ничего о себе рассказывать?

— Главное, адреса не называть, — поспешила я и, сообразив, что привлекла всеобщее внимание, уже менее уверенно добавила. — Ольга. Меня так зовут.

Судя по лицу сидящего рядом Дмитрия, он просто жаждал узнать от меня, что не так с адресами, но пока сдерживался. Но тут помогла старушка.

— А я не представилась! — снова охнула она. — Анна Васильевна. Но раз все просто по именам, можно просто Анна.

— Тогда нас будут путать, — заметила девочка, которая сидела рядом с ней. — Я тоже Анна. Хотя предпочитаю Энн. И никаких Анют или Нюрочек!

Кстати говоря, что это девочка, я поняла, только когда она заговорила. Этот кошмарный возраст, когда девочка еще толком не выросла, двенадцать ей или четырнадцать, сильно усложнялся в нашем случае тем, что девочка и не стремилась к уточнениям. Одета она была как мальчишка и волосы подстрижены коротко, только челка длинная. Ну да мальчишки сейчас часто так стригутся.

— Джейн, — открыла рот темнокожая красотка лет двадцати-двадцати пяти. Я ужасно угадываю возраст, но она точно не походила на школьницу, да и студентка из неё получалась с натяжкой. Больше она ни слова не сказала, только медленно оглядывала всех своими огромными темными глазами с роскошными ресницами. И наверняка ведь свои, родные! Я с трудом отвела взгляд и подавила вспыхнувшую зависть.

В общем-то, я могу её понять. Судя по именам и внешности, мы все тут в основном русские. Или откуда-то рядом. Она же никак на нашу соотечественницу не тянула. Непросто

ей с нами ужиться, вот и наблюдает.

Который раз я попыталась сообразить, на каком языке мы говорим, но плюнула. Следом представился типичный ботаник Вячеслав — и никак иначе, как он предупредил, и вот он как раз выглядел как студент. Но его круглое лицо портила скептическая улыбка куда сильнее, чем большие старомодные очки с толстыми диоптриями. Такое лицо вроде «всего этого не существует, вы мне просто снится». Ну снимся, да. Чего рожи-то корчить?

Печальный ослепительно рыжий мальчик лет десяти, не больше прошептал почти неслышно, что его зовут Мортимер. Тоже вряд ли наш, но ему и без того должно быть непросто — он самый младший тут. Разве что скооперироваться ему с Анной Васильевной... И задавить нас своими молодостью и опытом.

— Для знакомства маловато, — неожиданно миролюбиво произнес Вячеслав, хотя я была уверена, что уж он-то будет молчать до последнего, только смотреть на нас сквозь очки с видом мученика. Надо же, первое впечатление оказалось обманчивым. — Давайте хотя бы обсудим, как кто сюда попал.

А может и нет.

Все вздрогнули. Просто разом, словно репетировали. Говорить о личном никому не хотелось, похоже.

— Тогда я первый, — ничуть не смутился ботаник. — Я несколько лет задумался над этим, что так или иначе должно быть упорядочено всё. Даже хаос. Энтропия растет не сама по себе, всему есть причины. И так дошел до снов, они ведь со стороны кажутся совершенно лишенными какого-либо порядка. Читал, писал, собирал информацию. А потом мне приснился какой-то тип и предложил пойти в Университет на факультет теоретиков. Забавно было ему объяснять, что теорию я разберу и самостоятельно, мне куда интереснее иметь дело с практической стороной этого вопроса. Так я и оказался здесь.

— У меня немного похоже было, — неожиданно закивала Анна Васильевна. — Я практически с детства вела дневник снов. Одна тетрадь закончится, я новую начинала. Так меня то всё увлекало, что никаких слов не найти. А потом начал сниться сон, будто я хожу по коридорам с множеством дверей. Один раз даже попала в зал, битком людьми набитый. Но потом по коридорчику обратно вышла к дверям. Я за ручки дергала-дергала, но двери не открывались. Пока однажды приятный юноша сам дверь не открыл. Заохал, сказал, что я уже лет пятьдесят как должна была учиться. Ну что, мне учиться не привыкать.

Она обезоруживающе улыбнулась, и я просто не могла не улыбнуться ей в ответ.

— А я не помню, как сюда попал, — пробормотал себе под нос Мортимер. Ну да мы от мальчишки особо интересной истории и не ждали. По крайней мере, я точно.

— А я была волонтером, — вот уж от кого я не ждала отваги, так это от Джейн. Помимо меня заинтересованно вытянули шеи и Сергей с Виктором. Понятно, и они тоже. — Два года. Мне было интереснее во снах ходить туда, где я никогда не смогла бы побывать в реальности. Вот я и просила куратора отправлять меня в другие страны. Она часто упиралась, указывая, что с моим цветом кожи я буду выделяться... например, среди народов крайнего Севера.

Она немного смутилась, а мы с парнями переглянулись. Да уж, и тут есть те, кто пытается устроить толерантность на пустом месте. Наверняка эта Джейн выступала, что имеет право. А что это может под нож весь сон пустить — никому не интересно.

Наверное, Джейн заметила наши переглядывания, потому что продолжила громче и с вызовом:

— Договорились до того, что такие места я буду посещать в выходные. Вместо собственных снов.

Я еле слышно выдохнула. Ничего себе — это же верное сумасшествие!

— И через полгода, — упрямо продолжила Джейн. — Выяснилось, что у меня невероятно высокая устойчивость. И мне предложили пойти учиться. Надо было выбирать или группу с высокой устойчивостью для работы в сложных, но однообразных снах близких моей родине, или же пойти в качестве противовеса в несбалансированную группу. Я выбрала.

Мы все молчали. Не очень-то приятно осознавать себя частью чего-то «несбалансированного».

Первым очнулся Сергей. Он откашлялся и с улыбкой похлопал по плечу Виктора.

— Мы тоже волонтеры, — пояснил он с приятной улыбкой. — Год работали вместе у одного куратора, подружились. Заодно выяснили, что здесь можно учиться. Куратор нам всё объяснила, а некоторых мастеров мы на площадках встречали.

— Что за площадки? — заинтересовался Вячеслав. Я поняла, что если сейчас не вклинюсь, мы будем слушать длинный рассказ, а учитывая вьедливость ботаника, еще и уточнять придется каждое предложение.

— И я волонтер, — произнесла я и добавила с тщательно скрываемым тщеславием. — Волонтерила чуть меньше двух месяцев.

Да, так и есть. Что Сергей с Виктором, что невозмутимая Джейн — все они вылупились на меня как на восьмое чудо света.

— Да как там за пару месяцев разобратся-то можно? — не удержался Виктор.

Я пожала плечами с независимым видом. Не говорить же, что это череда совпадений разной степени везучести? Так будет не интересно.

— А я не буду рассказывать, — почему-то агрессивно произнесла Аня. Хотя, наверное, ждала, что мы будем увещать, стыдить и уговаривать. Привыкла быть среди взрослых, бедолага. Но у нас тут взрослых только её тезка да Дмитрий. Остальные только выглядят таковыми — это я понимала совершенно ясно.

— Моя очередь, да? — смущенно кашлянул Дмитрий.

Я, честно говоря, если чего и опасалась, что он тоже откажется рассказывать по аналогии с предшественницей. А у нас и так два белых пятна — она и Мортимер. Интересно, в какой стране это имя используют? Никаких мыслей в голове по этому поводу нет. Надо будет поискать в сети, когда дома проснусь.

— Я, наверное, побью рекорд даже этой милой барышни, — он кивнул в мою сторону. Ясно, имя еще не запомнил. — Просто я уснул, и мне приснился сон, будто я падаю с крыши дома. Вокруг люди, пальцами тычут... И я проснулся.

Мы снова переглянулись с другими волонтерами. Обычное дело, таких снов в день огого сколько снится.

— Проснулся, — чуть повысил голос Дмитрий, привлекая обратно наше внимание. — И тут же обратно в сон провалился. И снова в тот же. Сижу на тротуаре, ничего не понимаю. Люди вокруг расходятся и прямо в воздухе растворяются. Меня увидели, запаниковали, давай куда-то то ли звонить, то ли кричать. Я так понял, что такие моменты даже в снах видеть нежелательно. Вроде как они в память врезаются, и человек лишнее знает.

Я вспомнила про Леру и кивнула.

— Появился человек весь в черном, словно в чешуе рыцарь, — на этих словах я замерла.

Кошмарыч! — Все успокоились сразу. Он мне конфетку протянул и говорит таким спокойным видом, мол, съешьте, всё забудете, пару дней ерунда снится будет, а потом все пройдет. А я, понимаете, очень всякие книги и фильмы фантастичные люблю. Ну и ляпнул, мол, а как же выбор?

Я улыбнулась против своей воли. Да уж, человеку подавай, чтобы две конфетки было, и никак не меньше. Не удивительно, что Кошмарыч согласился, он как раз такой.

— Этот черный рыцарь на меня внимательно так посмотрел, потом конфету всё-таки в ладонь вложил и говорит серьезно: «Давайте попробуем, Дмитрий. Такие нам нужны. Попробуйте найти наш Университет, если получится — будете учиться. Если нет — всё-таки съешьте конфету». А я ведь и сам работаю в университете преподавателем. В своем городе. Думаю, учеба мне не повредит. Только подумал, как мой троллейбус подъехал — я в таком на работе езжу. Вот он меня сюда и привез.

Он замолчал, но мы так и сидели ошарашенные. Не знаю, кто о чем думал, а мои мысли просто метались как сумасшедшие. Я-то полагала, что у Кошмарыча только на меня виды, но по всему выходило, что он и на Дмитрия какие-то планы имеет. Я вроде бы и не собиралась его ученицей становиться, но тут прямо почти до слез обидно стало.

И теперь понятно, что хотела сказать Тина — она меня хотела поздравить. Потому как единственный настоящий экзамен — это попадание сюда. А зачем было остальное? И ладно бы один Кошмарыч принимал, от него подспудно любой пакости ждешь, но там и ректор была и этот... теоретик с хвостом.

А еще... какая-то мысль вертелась в голове, очень важная.

— Подожди, — это очнулся Вячеслав. — А когда это всё было?

Дмитрий смущенно вздохнул и порылся в карманах, вынимая простую ириску «Золотой ключик».

— Сегодня, — наконец произнес он, вертя в руках конфету.

Все снова замолчали, а я поняла, что меня смущало во всей этой истории — судя по всему, Кошмарыч уже сейчас имел необходимую власть и мог приводить в забвение кого желал и с тем же успехом творить хаос. Ему не нужны были ученики или интриги для того, чтобы добиться этого умения. Вест мне соврал или сам не знал этого? С этим мне предстояло тоже разобраться.

Но как следует обдумать это не дала Картина Георгиевна, снова ступившая на пол, словно стояла за невидимой стеной. И подслушивала, разумеется. Хотя... если забыть о том, что она ректор — кошки ведь очень любопытны, разве нет? Могла и стоять.

— Познакомились, — сладко улыбнулась она, не спрашивая, а утверждая. Точно подслушивала. — Давайте тогда проведем первое занятие. Иначе вы просто не сможете сюда вернуться.

Мы испуганно переглянулись. Сбалансированная мы группа или не очень, но терять новые возможности не хотелось никому. Разве что у детишек были странные лица, Мортимеру будто всё равно, а Аня смотрела упрямо, будто хотела сказать, что она и без подсказок сколько хочешь раз придет и уйдет. Ну да дети — они такие. Они еще верят в свою исключительность, и всех их обязательно навестят феи, совы и кто там еще приносит доказательство того, что этот конкретный ребенок — гений и спаситель всего мира? Жаль, что я уже выросла.

— А почему не сможем? — кажется, это Сергей.

— Таких кабинетов в нашей школе сколь угодно много, — с готовностью пояснила

ректор. — Как вы можете быть уверенными, что вам приснится именно ваш?

Мы как по команде принялись оглядываться. Аудитория и впрямь безликая — глаз ни на чем не останавливается, скользит дальше.

— А если выбрать константой преподавателя? — это уже Виктор. Нет, не школьники. Тут сразу студентов видно. В школу к нам приходили недавние выпускники и рассказывали о том, как важно в ВУЗе участвовать в семинарах и этих... коллоквиумах. Можно получить «автомат» и не сдавать экзамен. Не сдавать экзамен — это мы все запомнили, даже те, кому никак не грозило поступить в университет. Вот и сейчас они оба с Сергеем без опаски приняли игру и пытались решить предложенную загадку, пока остальные мялись и пытались выглядеть умнее. Я, по крайней мере, точно.

— Мысль хорошая, — кивнула Картина Георгиевна, но долго радоваться Виктору не дала. — Но неправильная. Дело в том, что мастеров куда меньше, чем групп, и одновременно мы находимся рядом с самыми разными учениками. Вы можете промахнуться группой и курсом, и это в лучшем случае. Если повезет меньше, так же попадете разом на несколько параллельно идущих уроков. А это чревато...

И она совершенно несолидно покрутила пальцем у виска. Кошка — что с неё возьмешь. Придется просто привыкать.

— А если представлять группу? — предположил Вячеслав, и сам же возразил себе. — Если кто-то опоздает или не явится...

Картина Георгиевна зажмурилась от удовольствия, дергая ушками.

— А давайте я тут свою диффенбахию поставлю, — неожиданно предложила наша старушка-одуванчик, и, недолго расходясь словом и делом, вытащила из авоськи свой фикус. То есть, диффенбахию, конечно. — Поливать только надо не забывать...

— То есть, можно любые предметы привнести и на них ориентироваться? — уточнила Джейн у Картины, когда мы убедились, что ректор не будет оспаривать предложение Анны Васильевны.

Та кивнула. Не знаю, о чем подумали другие, а вот я никак не могла избавиться от мысли, что мы могли изобразить тут статую Морфея в мраморе и золоте или фонтан, а будем возвращаться к фикусу. Даже если этот фикус — диффенбахия.

— Перейдем к следующему вопросу, — Картина Георгиевна оглядела нас, и перед каждым тотчас появился лист бумаги и ручка. Кажется, ручки тоже характеризовали нас, потому что у меня был почти настоящий паркер, а вот у Ани-школьницы нечто невыносимо яркое и почему-то с хохолком из ядовито-зеленых перьев.

Лист бумаги висел в воздухе, но также ощущался, как если бы лежал на твердой поверхности. Если это не магия, то я не знаю, что это. Впрочем, сны всегда были такими — я просто этого не замечала.

— Напишите, для чего нужны морфы, — она уставилась на нас немигающим взглядом и посчитала нужным уточнить. — Если кто-то не знает, то морфы — это и есть сноходцы. Причем не важно, закончившие Университет или еще нет.

— А дикие морфы бывают? — неожиданно поинтересовалась Джейн.

— Полагаю, что да, — туманно ответила Картина Георгиевна. — Пишите!

Никогда я так не боялась проснуться раньше времени. Сочинения мне давались всегда замечательно, а сейчас появился первый шанс выделиться в своей группе. У меня было преимущество, я видела как работает группа Рыбы, и не понаслышке знала, как важно найти свое место в совместной работе. Я только сомневалась, хочу ли я как Рыба заправлять всем

— это требовало много внимания и сил, а результат был не таким уж замечательным. Это я уже судила по Весту и Тине, которые явно избегали делиться информацией со своей командиршей.

Так что я разогналась, вступление, основные тезисы, выводы, известные мне факты и примеры, экскурс в историю... Умный листок удлинялся, сколько мне было нужно, заворачиваясь в свиток.

Когда я подняла голову от листка, то обнаружила, что ждут только меня. К счастью, мое сочинение уже выглядело законченным. Разумеется, большинство присутствующих было старше меня, но я надеялась, что мой опыт тоже чего-то да значит. И потом, многие уже успели не только узнать, но и забыть, как писать сочинения. В любом случае, выбирать не приходилось, и я протянула свой свиток ректору.

— А теперь правильный ответ, — и на этих словах коварной кошки наши сочинения в её руках с легким хлопком разлетелись на мельчайшие кусочки и белыми снежными хлопьями медленно закружились над полом. — Морфы в общем-то и не нужны вовсе.

Дальше я её слушала вполуха. Просто не могла оторвать взгляда от эти снежинок. Мне даже казалось, что если я протяну руку, то они растают.

Картина Георгиевна говорила о том, что сны существовали и до появления морфов, что они пусть и не были такими яркими и подробными, но были. И запоминались они куда реже и чаще были только переработкой мозгом произошедшего за день. И до сих пор эти неучтенные, дикие сны снились, но так же как и раньше пропадали забытыми куда чаще, чем те, что рождались с помощью сноходцев. Этот живой и постоянно изменяющийся мир мог бы жить без морфов, но он был бы совсем другим.

Ректор еще говорила, когда я не выдержала и протянула ладонь, подставляя её под еще не упавшие на пол хлопья, так похожие на снег.

Два обрывка упали мне на руку, и я едва не сжала ладонь от неожиданности — они были холодными! Но уже через мгновение они сверкнули каплями, в которых можно было рассмотреть причудливо свернувшиеся слова.

— Пойдите, — Картину прервал Дмитрий, лицо у него было недоуменно-виноватым. Да, не привык он вопросы задавать, раз сам в институте сам лекции ведет. — Но получается, что без морфов сны не были бы такими. Запоминающимися, яркими, неожиданными? Всем бы просто снились отрывки дневных переживаний и мыслей — и всё?

По сути повторил то же самое, молодец какой.

— Всё верно, — ректор выглядела довольной.

— Значит, морфы нужны? — надо же, наша бука Аня не удержалась.

— Разумеется, — легко согласилась Картина Георгиевна.

Мне сначала показалось, что я одна ничегошеньки не понимаю, но нет — другие выглядели не лучше.

— Но вы сказали... — начал кто-то из ребят, я не разглядела кто.

— Никогда не верьте кошкам, — усмехнулась ректор. — Кошки всегда врут. Вы будете записывать?

Перед нами появились толстые тетради, снова разные, но теперь я не пыталась рассматривать, что досталось другим. Моя тетрадь была в яркой синей обложке, и линованные листы были гладкими и блестящими — приятно писать.

Записывать про кошек не хотелось, и обидно, и вполне могло оказаться очередной неправдой. Если это правда. Короче говоря, я запуталась.

И поэтому первая строчка лекции в новом для меня Университете в совершенно новенькой для меня тетради стала такая: «Кексы не врут». Надеюсь, я потом смогу вспомнить, о чем это. Ректор тоненько по-девчоночьи захихикала — то ли видела, что я пишу, то ли каким-то своим мыслям. Кто её знает, на самом деле.

Вообще, через некоторое время я задумалась, а сама ли я перефразировала лекцию таким странным образом, или это дело лапок нашей лукавой преподавательницы. Потому что я очень сомневалась, что сумею даже завтра вспомнить, что имела ввиду, когда писала «Шампунь не то, чем кажется» или «Волосатые объятия пасмурного неба».

Похоже, чтобы сдать экзамен по этому предмету, придется воспользоваться конспектами кого-то из группы. Вот, наверное, лицо у меня было, когда я поняла, что не знаю, что у нас за предмет идет! Права, немного успокоившись, я сообразила, что ректор просто знакомит нас с Университетом и его особенностями. И вряд ли нам придется это сдавать. И я решительно не собиралась расставаться с этой мыслью. Даже если она неправильная.

Рука сама писала какие-то безумные вещи в тетрадь, пока я вертела головой, продолжая разглядывать тех, с кем мне учиться пять лет. Если все дожив... то есть, не вылетят из Университета, конечно.

Тьфу, ну и гадкие мысли лезут, когда я смотрю на старушку! Хотя она выглядит бодрой — такая запросто нас всех переживет.

— Свое расписание вы получили вместе с тетрадями, так что теперь вы можете поискать библиотеку, ну и просто посмотреть Университет, — наконец закончила говорить почти-кошка. — Сегодня выходной у всех, так что спрашивайте, знакомьтесь.

— А почему выходной? — удивленно спросила Джейн. — то так принято здесь? Сегодня среда.

— Ночь со среды на четверг, — уточнила Картина Георгиевна и развела руками. — Приличные сны просто не снятся в это время! Да! Еще...

Она уже поблекла, словно медленно исчезала, но передумала. Теперь в результате мы словно видели плоскую движущуюся фотографию в полный рост, а не человека. Жутковатое зрелище.

— Чуть не забыла, если найдете столовую, не просите там учебники, повара нервничают. А вот кексы там выше всех похвал! — и, лукаво подмигнув мне — ведь мне же?! — она наконец окончательно исчезла.

— Пойдем вместе или по отдельности? — деловито спросил Сергей.

Думали мы недолго, и решили, что в первый раз лучше пойти всей группой. Успеем еще всё излазить тут. Если кто-то — из детей, разумеется, и был не согласен, то промолчал.

Впрочем, как оказалось, наше мнение тут значило куда меньше. Стоило мне выйти за дверь нашей аудитории, как я оказалась одна.

В первую минуту я запаниковала, решив, что просто не туда вышла — во снах такое бывает повсеместно, Картина Георгиевна нам и об этом рассказывала.

Дернула за ручку — дверь легко открылась, и я нырнула обратно. Там уже были Сергей и Джейн, и их вытаращенные глаза сказали мне больше, чем слова. В течение секунд пятнадцати мы снова разрослись до почти полного состава — не было только Ани и Мортимера.

Смущенно кашлянув, Дмитрий предложил попытаться встретиться в библиотеке. Или в столовой — как повезет. И мы снова двинулись к двери, растеряв половину энтузиазма и

нервно оглядываясь друг на друга.

Чуда не произошло, и за дверь я снова осталась одна. Идти по коридору и биться в каждую дверь не хотелось — я еще хорошо помнила рассказ Анны Васильевны про её бесцельные шатания по Университету.

Наверное, я просто устала или что, но я почему-то решила, что ничего страшного не произойдет, если я как следует представлю место, где хочу оказаться. Это же сон, верно? А иногда этот фокус со снами срабатывал. Я, правда, никак не могла сформулировать, куда попасть. С одной стороны библиотека — это же самое важное место такого Университета, его сердце! С другой — сон это или не сон, но я успела проголодаться, и мысль о том, что здесь есть столовая или кухня не давала мне покоя.

Не понимаю, почему я так удивилась, когда открыла возникшую прямо перед моим носом дверь — она словно вылетела из другого конца коридора и остановилась в нескольких сантиметрах от меня, когда я уже порядком струхнула. Да, я ждала там библиотеку или столовую, но нельзя же разорваться? Или можно, но проверять мне не хотелось.

В любом случае, открывшееся мне помещение не походило ни на то, ни на другое. Я шагнула внутрь, едва дверь открылась и тут же была вынуждена отскочить в сторону, пропуская пухлую подушку, на которой как на облаке летела книга. Все это помещение было заполнено такими «облаками», а еще почему-то лестницами. Но не с надежными ступенями, а самыми простыми, с перекладинами. Некоторый лестницы вели с одного облака на другое, какие-то висели в воздухе или уходили в никуда. Вот эти меня беспокоили больше прочих, и я пообещала себе не пытаться проверить, куда они ведут.

Вообще, мне даже повезло с этой подушкой, я сразу собралась и успела понять, что если тут и были пол и потолок в привычном мне смысле, то где-то очень далеко. Такие небольшие подушечки как и лестницы, которые едва превышали мой рост, свободно планировали по огромной комнате, а вот ниже, и мне не хотелось смотреть насколько ниже, располагалось вяло колыхавшиеся подушки покрупнее. И если бы не их пестрота, я бы точно сказала, что это походит на облака, как их видишь из самолета.

Я подняла голову и убедилась, что наверху тоже самое. Так что потолок и пол могли находиться где угодно. Проверять их существование в этой комнате не хотелось.

Мимо проплыла еще одна подушка, на этот раз с чашечкой кофе. Брать я её не рискнула. Мало ли, может, тут все чье-то. Я понятия не имела, в чей странный сон попала, но сразу делать глупости не хотелось.

Неожиданно мое затянувшееся одиночество прервалось. С одной проплывающей подушки по лестнице начала спускаться девушка с неожиданно знакомым лицом. Или это её рыжие волосы, собранные в высокий хвост, мне откуда-то были знакомы... Девушка не глядя, ступила ногой на крошечную подушечку, продолжая листать какой-то толстый справочник. Вторая нога замерла вытянутой, словно она собиралась шагнуть, но забыла.

Она уже подплывала к другой лестнице, когда я вдруг поняла, откуда мне знакомо её лицо. Из того сна, где её должны были убить! Я еще волонтерила с Пашей, велосипеды... Как давно это было и как недавно!

— Ника! — воскликнула я вслух.

Девушка недоуменно подняла брови и уставилась на меня.

— Привет, — сказала она, обходясь одним коротким взглядом. Даже странно. Обычно сноходцы тарашатся по паре минут, а тут просто глянула — и всё. — Первокурсница?

— Да, — мой невысказанный вопрос так и застыл в воздухе. Ника понимающе

усмехнулась.

— Только первокурсница может такими дикими глазами осматривать комнату отдыха. Но ты сильна — в первый же день её обнаружить! Неужели так устала?

Стало немного неловко. Вопрос вроде бы прозвучал совершенно без какой-либо издевательской подоплеки, но лично я услышала, что моя лень нашла это место раньше прочих мест.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пойдем, я тебе покажу здесь всё, — тем временем предложила Ника.

— А я не упаду? — на всякий случай уточнила я.

У краев комнаты тут был пятачок пола, но обрывался он слишком резко. Конечно, можно было подтянуть плавающую поблизости подушку и взгромоздиться на неё, но я почему-то в красках представила, как летаю на ней, навалившись пузом и беспомощно размахивая руками и ногами, и немедленно передумала.

Ника наконец всерьез удивилась.

— Нет, — наконец произнесла она. — По крайней мере, не далеко.

Очень утешает.

Похоже, на лице у меня написан весь мой скепсис, потому что Ника улыбнулась и со словами: «Смотри!» — шагнула в пустоту.

Она падала — ведь падала же? — несколько томительных секунд, а потом из колыхающегося моря подушек вверх сорвались сразу три, и победительница поймала Нику, поднимая её до моего уровня.

Конечно, в реальности я бы на это не решилась — да ни за что на свете, но во сне, во сне почему бы и нет. И я тоже прыгнула. Никаких сюрпризов — одна из проигравших подушек, по-видимому, еще не смирившаяся со своим проигрышем, не опускалась вниз, продолжая трепыхаться рядом с нами, она и поймала меня — я даже испугаться не успела толком.

— Чай, кофе? — Ника с помощью лестницы подтянула подушечку с напитками, словно мы с ней сидели за столиком в кафе, а не болтались черт знает где. Вообще она была чересчур спокойной, словно мы старые подруги и сидим на нашем обычном месте, я даже сама увлеклась этой игрой.

— А кексов можно? — и сама смутилась.

— Черничные, — Ника улыбалась. Очередная подушечка замерла рядом со мной, и я осторожно взяла один кекс. Я вообще-то довольно консервативна, и ем кексы с шоколадом или орехами, а со свежими ягодами — ни разу. А тут взяла и сразу откусила такой кусище — не прожевать. И не поговорить.

Ника захихикала и налила себе кофе из турки.

Аромат пошел такой, что я искренне позавидовала тому, кто отвечает за их выдумку в этом сне. Вот уж кому экзамен не страшен.

— Я на самом деле ужасно рада, что тебя встретила, — заговорила Ника, положив ногу на ногу. Я всё ещё боролась со своим непрожеванным куском, поэтому только бровь подняла, мол, о чем она? — Ты вот откуда меня помнишь?

Вот тут кусок в горле хоть и не застрял, но был очень вовремя. Пока я жевала, думала, как рассказать. Ника терпеливо ждала, а я размышляла, прилично ли обсуждать такие вещи. Я ведь в общем-то и не видела, как тот сновидец её убил, но сама бы я не хотела такое обсуждать с незнакомцами. Выхода впрочем всё равно другого не было, и я, не отрывая

взгляда от своей кружки, выложила, что помню.

— О! — Ника хлопнула меня по руке. — Ну надо же. А я так и думала, что ты меня не вспомнишь. Столько лет прошло. Хотя как по мне, ты совсем не изменилась.

Я только хлопала глазами, пока Ника рассказывала мне события двенадцатилетней давности. Она рассказывала, а я вспоминала или же представляла с чистого листа — разобраться в этом было сложно. Память дошкольников ведь штука сложная, вот и я сейчас не понимала, как можно было забыть Нику. Ту самую Нику, которая умела жонглировать двумя яблоками и делать колесо — причина моей необычайной зависти. Странно, сейчас Ника выглядела лишь немного старше, а тогда мне казалось, что она недосягаема. Рыжая длинноногая подружка из моего самого повторяющегося сна.

Как оказалось, тогда Нике было всего одиннадцать, и она нечаянно провалилась в мой сон, а потом приходила раз за разом, словно заглядывала за соседкой, с которой весело и рядом с которой она выглядела куда могущественнее, чем могла даже надеяться в реальном мире. Это умение проваливаться в чужие сны через несколько лет привело её в Университет, но решила в нем учиться она не сразу. Её вполне устраивало и такое «заглядывание» в чужие сны, всерьез что-то учить и сдавать ей не хотелось.

Мне до ужаса захотелось посмотреть в зеркало — неужели с тех пор я настолько не изменилась, что Ника так легко меня узнала? И спрашивать было стыдно. Вместо этого я спросила:

— А ты всё ещё умеешь делать колесо?

Ника снова захихикала.

— О да, Ольчик, умею!

Только мама в детстве, до пятого класса, не дольше, да еще Ника звали меня так. По телу расплзлось тепло. Хотя, может, тут дело было в выпитом чае — он был крепкий и ароматный, самое то для посиделок, согревает и руки, и нутро.

Удивительное дело, я не вспоминала об этом сне так долго, и сейчас не могла понять, как же я справлялась, когда моя взрослая подружка перестала приходиться. Зато родители, наверное, вздохнули с облегчением — снящиеся или выдуманные друзья взрослым никогда не нравились.

— Давай, я всё-таки тебе тут всё покажу, — снова предложила Ника, подтягивая поближе одну из лестниц. — Пойдем. Здесь мы проводим довольно много времени. Куда удобнее читать учебники и писать конспекты не в библиотеке и не в наспех выдуманном собственном сне, а тут. Здесь всегда находится несколько сотен студентов, но мы попадаем в разные моменты времени и пересекаемся редко и мало с кем. Только если хотим встретиться, ну и совсем случайно. Самое лучшее в снах — это роскошная возможность встретить отличную случайность. В реальной жизни они обычно куда скучнее.

Мы взобрались по лестнице выше, где медленно кружили подушки, на которых лежали книги и свитки.

— Тут позаниматься можно, — заметила мой взгляд Ника. — Чужие конспекты все равно в руки не дадутся, хотя есть тут заядлые списывальщики, которые пытаются приманить их и охотятся так часами. Но это само по себе особо редкое умение, да и работы они только переписывают и на месте оставляют.

Я поняла, что больше не выдержу. Этот малосодержательный веселый треп был чудо как хорош, но меня не оставляла одна мысль.

— Слушай, Ника, — я остановилась и бросилась в свой вопрос с головой. — А этс

больно, когда... как в том сне?

Ника перестала улыбаться и задумчиво куснула кончик хвоста.

— Если сон сделан хорошо, то довольно больно, — наконец признала она. — Но не страшно, и это хуже всего. Тяжело изображать страх, когда его нет. А без этого нельзя — сновидец эти эмоции тоже получит. И если он проснется от моего страха, то этот сон ему запомнится. А ты знаешь, зачем людям снятся все эти кошмары?

Наверное, я неприлично вытаращилась в ответ. Мне никто не собирался открывать таких вещей, даже Кошмар Кошмарович не упоминал, что это не просто сны. Конечно, Ника выпускница, но правда ли она знает ответ?

— Правда, — качнула головой Ника, словно я произнесла это вслух. — Морфы создают сны, которые дополняют реальную личность. Словно заплатки кладут на прорехи. Не всегда удачные, это да. Но мы стараемся. Если у человека в жизни не хватает эмоций, они будут во сне. Если человек напряжен, то во сне он будет рвать и метать. Ольчик, это же просто продолжение того, что летающие и падающие во сне люди растут.

Я неуверенно кивнула. Звучало логично. Когда я болела, мне часто снились довольно яркие сны, в которых все было в движении, тогда как сама я была прикована к кровати.

— Теперь ты всегда сюда сможешь попасть, — сменила Ника тему, и я ей была благодарна. Сказанное ею стоило как следует осмыслить. — Своей группе можешь рассказать, можешь не говорить. Это каждый сам решает. Но я могу тебе еще подсказать одну интересную штуку. Хочешь?

Надо ли говорить, что я немедленно согласилась!

— Если хочешь есть, то ты обязательно придешь в библиотеку, а если тебе требуется взять учебники — в столовую! — торжественно заявила Ника и захихикала.

Я задумалась. Так сильно, что не заметила, как цапнула эклер с пролетающей мимо подушки с блюдом.

— А почему так? — пришлось сдаться. Логику я так и не смогла найти.

— А просто, — Ника тоже взяла одно пирожное и принялась придирчиво его осматривать. — Это Картина Георгиевна так сделала. Она любит, чтобы всё было немного не так, как это ожидаешь увидеть.

— Кошка, — наконец сообразила я. Ну да, эти существа и впрямь отличались завидным непостоянством.

— Именно, — подняла палец Ника. — А вообще, прекращай жрать, а то не сможешь в библиотеку попасть.

— Точно, — я расстроено отодвинула от себя надкушенный эклер. Но он не спешил падать, а так и завис в воздухе.

— Ладно, — рассмеялась Ника. — Мне сегодня зачли практику автоматом, видимо, незря я всё лето в самых идиотских снах работала, не щадя живота своего. Так что я вполне могу проводить тебя в библиотеку. Учебники возьмешь, а в следующий раз уж сама доберешься, лады?

И тут я поняла, что снова смотрю на Нику как тогда, сто лет назад. Точнее, даже целых двенадцать. Смотрю с восторгом и толикой зависти.

Разбудил меня телефонный звонок. Я с трудом нащупала трубку и сквозь ресницы посмотрела на экран — глаза отказывались открываться. Впрочем, в такую рань мог позвонить только один человек.

— Привет, Света, — я оглушительно зевнула, едва не вывернув челюсть. Вставать в каникулы в полдевятого утра я не планировала, но моя дорогая одноклассница была из воинственных жаворонков и презирала такие условности.

Самое обидное было, что звонок застал меня в библиотеке, куда меня отвела Ника. Ладно хоть с учебниками я примерно успела разобраться. А вот поговорить с Аней и Мортимером, которые тоже нашлись тут, нет.

Звонок же Светы мог значить только одно — приехала Васька. По отдельности они со мной практически не общались, а вот втроем мы были просто лучшие подруги. Поэтому когда Васька уезжала с родителями в поход или на сплав, я могла и не рассчитывать на звонок или встречу со Светой. Я перестала терзаться и думать об этом еще в классе седьмом. Нафантазировала себе двухголовое чудище, по ошибке обзаведшееся вторым телом, но по-прежнему везде ходящее вместе, и успокоилась.

— На улице красота! — фонтанировала в трубку Света. — Лиска фотки привезла, пошли посмотреть!

Нет, я не сова. Ложусь обычно не слишком поздно, и встаю не в обед. Но вот испытывать такую радость от общения до завтрака не способна. Только объяснять это бесполезно.

— Через полчаса, — я снова зевнула. На большее Света всё равно не согласится.

— Мы ждем тебя у Лиски, постарайся быстрее! — и она отключилась, а я побрела в ванную, умываться и пытаться проснуться. Василиса живет в доме напротив, поэтому я не слишком боялась опоздать. Куда хуже, если меня устанут ждать и придут сами. Так что мотивация грандиозная — даже позавтракала я впопыхах, быстро выпила чай, сжевала бутерброд и уже по пути в прихожую цапнула яблоко.

Мама была бы недовольна, да. Но, к моему и их спокойствию, родители уже на работе.

Яблоко на ходу есть было неудобно, и за промедление я поплатилась, едва войдя в квартиру Василисы. Открыла мне Света, заодно включила свет, чтобы я не споткнулась о брошенные тут же рюкзаки. Вот байдарка оказалась для меня настоящим сюрпризом, и, пока я пыталась перепрыгнуть через неё и при этом устоять на ногах, Света ловко избавила меня от моего груза. Яблоко с хрустом откликнулось, когда она надкусила его.

— Пойдем, — прочавкала она, мотнув головой в сторону комнаты. Оттуда слышался шум телевизора. Васька, как приезжала из свои путешествий, сначала пару часов отмокала в ванной, а потом включала все доступные электроприборы. Мы ей страшно завидовали, а она, похоже, нам.

Вот и сейчас она с отчетливо выраженным нетерпением на лице таращилась в экран, следя за рекламой. Первые пару дней она смотрела всё подряд, а потом потихоньку приходила в норму. Её густые волосы, еще один повод для Светкиной зависти, мокрыми сосульками прилипали к вискам и шее. Не отрываясь от душераздирающей истории про какой-то ополаскиватель для белья, она закидывала в рот горстями чипсы из пакета.

Ну да, точно. Приезжая из очередного дикого места, она обязательно объедалась всякими невероятно вредными продуктами, запивая это всё немислимым количеством газировки. Плохо ей от этого никогда не было, вероятно, та экологически чистая еда, что доставалась ей в походе и приготовленная на костре, приучила её желудок еще и не к такому. По крайней мере, мы со Светой считали именно так, не решаясь спросить у Василисы.

Света снова захрустела яблоком, но уже не так бодро, как до этого. Сама она могла только мечтать о чипсах. Увы, её пухленькая фигура реагировала на вредные продукты слишком позитивно. В том смысле, что раздавалась еще сильнее. Тем сложнее было понять, почему они с Васькой неразлучны — та, несмотря на свою прожорливость, оставалась тощей.

— Как дела, — наконец произнесла Васька. Не спросила даже, а бросила равнодушно. По телевизору начались новости, и я давно не видела, чтобы кто-то с таким интересом следил за сюжетом о прорыве канализации где-то в другом краю страны.

Я открыла рот и снова закрыла. Контракт действовал — я ни слова не могла сказать. Мысль написать или попытаться передать знаками вызывала стойкое отвращение.

Конечно, можно было и вовсе не отвечать, я давно поняла, что Васька задает, нет, произносит вопросы в пустоту, словно кидает камни в воду. Но была еще Света. Эта села на пуфик и уставилась на меня, словно это я уезжала на полтора месяца, и увидеться нам не было никакой возможности.

— Отдыхала, читала, гуляла... — я задумалась, пытаюсь сформулировать свои новости емко и понятно. — Нашла свой старый дневник и читала.

— Вот это да, — без выражения произнесла Васька, впитывая в себя новости спорта.

— О! И записалась в волонтеры! — странно, но это у меня вырвалось совершенно свободно. Даже удивительно.

Васька оторвалась от телевизора и недоуменно моргнула своими круглыми глазами. Она словно очнулась от сна, потому что тотчас пододвинула мне еще не открытый пакет с чипсами и наполовину пустую бутылку с колой. Света проводила их жадным взглядом и вздохнула. Я буквально слышала, как мысленно она насыпает на нас жир на бедрах и прыщи во всё лицо. Хотя вообще она девчонка добрая.

— Что делаешь? — теперь в голосе Васьки и впрямь слышался интерес. — Света вот тоже неделю поработала волонтером. В больнице.

Лицо Светы было трудно описать словами. Она побледнела так, что редкие и обычно незаметные веснушки яркими пятнами засверкали на её коротеньком носу кнопочкой.

— В детском отделении, — продолжала Васька, словно не замечая состояния подруги. Хотя, может, так оно и было. Василиса среди нас определенно была самой толстокожей. — Она была...

— Карлсоном! — выпалила Света, покрываясь розовыми пятнами стыда. — Я была Карлсоном и раздавала конфеты и раскраски больным детям...

Последнее она вообще сказала шепотом. Чудная. Да я бы крокодилем Генной пошла, лишь бы меня родители отпустили. Это ведь на самом деле так здорово — помогать людям. Особенно детям. Не то, что со здоровыми мелкими в лагере возиться, но я и на это была готова, пока не нашла морфов.

Про помогать детям я произнесла вслух, и тут же была прощена. О да, Света как раз уже пыхтела от злости, почему-то обижаясь не на Ваську. Впрочем, та просто не заметила бы, а

значит, это не имело бы смысла.

Можно подумать, что с подругами мне не повезло, но это было не так. Мы дружили не так долго, но с ними было весело, и время пролетало незаметно.

А тут Васька устала набивать желудок чипсами, и достала фотографии. Родители у неё не признавали фотографий иных, кроме как напечатанных на фотобумаге, и в любом центре экспресс-печати Васька получала снимки, едва они возвращались в город. Глубоко в душе я с ними была согласна — смотреть карточки было куда увлекательнее, чем листать на ноутбуке, а Васька была невероятным рассказчиком, и мы словно в самом деле путешествовали с ней по рекам и лесам. Но так только казалось, конечно. На деле ни я, ни Света никогда не бывали в походе большем, чем школьный, когда едут на автобусе в пригород, доходят до ближайшей полянки и устраивают эстафету. И иногда костер.

Но сегодня я слушала рассказы Васьки вполуха, полностью погрузившись в новую идею. Я слишком мало знала о том мире, в котором собиралась учиться. Есть ли у них какие-то особые сны для тех, кто живет в приютах и домах престарелых? Чем вообще отличаются сны, по какому принципу распределяются эти сны и наше в них участие?

Внутренний голос нашептывал мне, что я пытаюсь упорядочить то, что не поддается порядку, но мириться я даже с этим гласом разума не желала, хоть и допускала его правоту.

— Ты сегодня какая-то не такая, — заметила Света ближе к обеду. Васька уже унеслась на кухню — возможность готовить на плите с помощью дополнительных устройств вроде мясорубки и блендера восхищала и радовала её после похода не меньше телевизора, так что мы всегда оставались на обед. Иногда зависть снова поднимала голову — хотелось еще и уметь так готовить.

— Не выпалась, — коротко ответила я, не собираясь углубляться в подробности. Со Светой вообще лучше сразу переводить тему. — А в какой больнице ты работала?

— В девятнадцатой, — охотно начала Света. Когда она поняла, что смеяться я не собираюсь, стала куда разговорчивее. — Там в основном в детском отделении с переломами или чем-то вроде того лежат. Им конфеты точно можно. В центре рассказывали, что с некоторыми больницами непросто договориться, то детям конфеты нельзя, то нежелательно сильно перевозбуждаться от зрелищ, а в инфекционную и вовсе не пустят, но можно перед окнами спектакль показать.

— Как Пеппи, — машинально заметила я.

— Чего? — Света книги не слишком любила, и героев в основном знала по мультфильмам.

— Пеппи Длинныйчулок устраивала такие спектакли для заболевших друзей, почитай, тебе понравится, — я же никогда не теряла надежду познакомить подругу с любимыми историями детства. Пусть мы и взрослые уже, ну и что. Хорошие книги это не портит.

— А, — Света предсказуемо потеряла интерес к моему объяснению. — В любом случае мы ходили в хирургию. Палат там много, многие не ходячие, и всех в холл не вытащить, так что две недели выступали по несколько часов подряд...

К вечеру я твердо уверилась, что нужно узнать в Университете про такую практику. Мне тоже хотелось сделать что-то хорошее! Но вся сложность была в том, чтобы найти того, кто мне сможет рассказать, есть ли что-то такое. В любом случае, если даже нет, то это только повод такое изобрести!

Я решила, что Ника подходит в качестве консультанта больше любого из известных мне преподавателей, но беда в том, что найти в Университете её оказалось непросто. Ни в

комнате отдыха, ни в столовой её не оказалось, или я не смогла найти. В библиотеку я и вовсе не пошла, отдав предпочтение блужданию по коридорам — по закону случайностей здесь я должна была скорее наткнуться на подругу-выпускницу.

Мне понадобилось меньше пяти минут для обнаружения печальной закономерности — выдуманный впопыхах закон работал через пень-колоду. Потому как вместо Ники я нос к носу столкнулась с Кошмарычем.

— Ольга, — практически обрадовался он. По крайней мере, уголок его рта снова дрогнул. Если так пойдет дальше, я буду первым в истории знатоком нюансов его настроения. Нужно было бы еще кому такое счастье! — Урок прогуливаете? Вот прямо так, с самого начала?

— Ничего я не прогуливаю, — возмутилась и попыталась подсчитать, сколько прошло времени с моего засыпания. С временем тут конечно полная катастрофа.

— Я точно уверен, что прогуливаете, — продолжил настаивать Кошмарыч. Умом понимаю, что не стоит спорить с преподавателем, да еще с таким как черный рыцарь, но упрямство — мое второе «я».

— А я точно уверена, что нет, — у меня был козырь в кармане. — Потому что первый урок в нашей группе по расписанию у вас, Константин Константинович!

Кошмарыч не повел и бровью.

— И кто вам сказал, что это повод? — поинтересовался он, толкая дверь передо мной. За дверью оказался наш класс. Стоит привыкать уже говорить «аудитория», но пока не выходит. Вот этот самый класс, и фикус и семь студентов на стульях, и сам Кошмар Кошмарыч за кафедрой. Не на табуретке, как в прошлый раз сидела Картина Георгиевна.

Я обернулась, полагая, что за спиной никого нет. Плавали-знаем эти фокусы со временем. Но за спиной по-прежнему стоят суровый не улыбочивый рыцарь.

— Привел вашу прогульщицу, Константин Константинович, — произнес «мой» Кошмарыч.

— Спасибо, Константин Константинович, — ответил тот, что у кафедры. Я бы умерла от стыда прямо тут, если бы лица моих одноклассников не говорили ясно о том, что для них это не меньший сюрприз, а то и больший.

Тем временем, «мой» Кошмар Кошмарович закрыл за мной дверь, сам оставшись за нею. Стало немного легче.

— Можете записать тему сегодняшнего занятия, — произнес оставшийся мастер. — Один из самых скромных, но популярных страхов — привлечь к себе внимание опозданием. Коротко обозначим его как «Опоздание». А допдельгангеров и другие страхи, связанные с самим собой, мы будем проходить на третьем курсе. Это действительно сложная тема.

Я прошла на свое место. Понятно теперь, я была всего лишь экспонатом для пояснения темы. Не очень приятно, но куда лучше, чем на самом деле прогулять урок.

Тема, кстати, неожиданно оказалась очень захватывающей. Оказалось, что как кошмар этот тип снов годится не для всех — некоторые довольно слабо реагируют на свое опоздание даже в реальности. Однако усилить его можно, выбрав правильно место и время. Самые сильные эмоции человек испытывает, опаздывая на редкий транспорт вроде самолета или поезда, особенно если опаздывает на мгновения. В зависимости от психологии человека такой сон можно наслоить мыслью о стоимости билетов или о месте, куда человек собирался попасть до опоздания. Родителям, особенно матерям, сны про опоздания чаще всего приправляют страхами за детей — ребенок мог быть в уходящем поезде или же не попасть на

спектакль из-за опоздавшего родителя.

— Как жестоко, — вырвалось у Джейн.

Я искоса глянула на неё. Мы мало знаем друг о друге, может, у Джейн есть дети?

— Кошмары снятся не просто так, — Кошмарыч был как всегда терпелив. — Чаще всего, если это не просто сброс во сне негативных эмоций, то проигрывание тревожащей человека ситуации. Встретившись с ней во сне, человек или привыкнет к мысли о таком варианте, или же побережется и сумеет избежать реального воплощения страха. Разумеется, дается это не всем, но раз за разом выбрасывая эмоции во снах, человек становится закаленнее в реальности. А для клинических случаев у нас есть кошмар-перевертыш. Правда, всем сновидцам с клинической фобией мы его не сним. Потому что — и это отметьте отдельно! — мы не лекари. Мы — морфы.

— Кошмар-перевертыш? — кто-то должен был это спросить, и Вячеслав не подвел ожидания мастера.

— Вы бежите и опаздываете всё равно на пароход, предположим, — чуть повернулся к нему лицом Кошмарыч. — А когда он отходит, и вы рвете на голове волосы и пинаете чемодан, вы видите надпись «Титаник». И таких примеров множество. Кошмары-перевертыши могут быть на экзамене на четвертом курсе, на пятом мы с вами будем встречаться лишь в том случае, если кошмары станут вашим профилем.

И уставился на меня, разумеется.

Пришлось уткнуться в свою тетрадь, чтобы никак не отреагировать. Занятие было очень интересным, а кошмары — не таким уж большим злом. Но хотела ли я стать мастером в кошмарах? Вот уж не уверена.

И задание было простое — написать самые распространенные страхи из тех, что снятся самым разным людям. Одну дюжину страхов. Кто больше угадает в результате, получит первый значок. Это всех вдохновило. Мы уже знали — кто от старших, кто из расписания и инструкций, что значки с черными или цветными зонтиками шли в зачет оценок не меньше, чем реальные оценки в журнале. Даже лучше — ими можно было зачесть экзамен или зачет. Небольшая уловка для того, чтобы не терять хороших сноходцев, просто неспособных к одному или другому виду снов.

Так что настроение после урока у всех было боевое. Мы веселились, словно уже сдали первую сессию, никак не меньше. Даже диффенбахия выглядела бодрячком, равно как и её хозяйка — всё-таки за старушку я особенно переживала.

Поэтому мы как-то пропустили момент, когда в классе появился следующий преподаватель. Он, по сравнению с Кошмарычем, облаченным в латы и плащ, выглядел слишком обычно. Невысокий, худощавый с бородкой, скорее напоминающей затянувшуюся небритость, он был довольно молод. Даже наши детки на него отреагировали без восторга — Аня наморщила нос, а Мортимер застыл с какой-то презрительной миной.

Я даже как-то засомневалась, что хорошо разбираюсь в детях. Эти были какие-то инопланетяне, а не дети. Хотя, если уж совсем серьезно — сны были тем самым местом, где каждый мог оказаться совершенно кем угодно. Я лишь надеялась всем сердцем, что из нашей милой Анны Васильевны в какой-нибудь неподходящий момент не полезут щупальца. А подходящего для этого момента я пока и не придумала.

— Доброго часа, — поприветствовал нас преподаватель. — Я познакомлю вас с предметом, имеющим грани теории и практики. Сегодня я уже работал с теоретиками первого курса...

Он зажмурился, словно не мог скрыть восторга, в который его вогнали теоретики первого курса. Даже обидно.

— Представьтесь, пожалуйста, — подняла руку Джейн. Вот уж человек полностью влился в ход работы. И тетрадь у неё были для каждого предмета своя, и сумка аккуратная, с кожаными заплатками. Выглядело круто.

Преподаватель неожиданно смутился. Не знаю, после Картины Георгиевны мы вообще вряд ли чему-то удивимся, надо было ему так и сказать, но я всё ещё придерживалась тактики незаметности и промолчала.

— Меня зовут Кир, я преподаю проекцию пространства, один из немногих общих предметов для теоретиков и практиков, — бодро начал он, но увести тему ему не удалось.

— Кир... а по отчеству? — Вячеслав чуть опустил очки и принялся поверх них разглядывать преподавателя.

Нет, конечно, Кир мог оказаться как и Джейн — другой нации и культуры, но, похоже, потихоньку мы стали различать эти варианты, пока на интуитивном уровне. И покраснение кончиков ушей Кира подразумевало, что в этот раз интуиция не подвела.

— Лучше без отчества, — почти прошептал он, отчего стал выглядеть еще моложе. Мортимер отвернулся, Аня фыркнула, а Сергей что-то прошептал на ухо Вите. Полагаю, что-то смешное. Стоит приходить пораньше и садиться где-то рядом с ними — точно будет веселее.

Все остальные же продолжали молча смотреть на преподавателя, и тот развел руками, мол, я вас предупреждал, ребята, и совершенно не запинаясь, произнес:

— Кир Анемподистович к вашим услугам.

Кто-то из наших негромко чертыхнулся, по-видимому, тщетно пытаясь повторить это.

— Между прочим, по-гречески Анемподист — беспрепятственный, — продолжил вещать преподаватель, избавившись от первоначального смущения.

— Давайте и впрямь без отчества, — выразил наше общее желание Дмитрий и добавил уже, по-видимому, от себя. — Простите.

Кир махнул рукой и начал наконец урок.

Наконец-то я могла себя почувствовать на самом деле особенной!

Дело в том, что Кир начал рассказывать нам о картах. Тех самых, что группа Рыбы использовала для создания острова. Или таких же.

— Эти наборы создавали теоретики, — Кир очень профессионально раскинул карты так, что в каждой кучке было по пять-шесть штук. Не больше. — Это ваши с ними будущие места для выполнения домашней работы. В отличие от обычного сна, в такой вы всегда сможете вернуться к нужному месту.

— Там не будет ни звуков, ни запахов, ни теней? — блеснула я своими знаниями. Сидящий рядом Дмитрий удивленно уставился на меня, но Кир энергично закивал головой.

— Всё верно, Ольга, вы очень точно заметили! Я не ошибусь, если скажу, что вы присутствовали на работе с картами? Да? Отлично! Можно попросить вас помочь мне в демонстрации?

Чувствуя себя тщеславной дурой, вполне заслуженно за это страдающей, я нехотя поднялась. Объяснять, что я именно что «видела» и понятия не имею, как это делать, было уже глупо. Тем временем, Кир, уже едва не подпрыгивающий на месте от возбуждения, протянул мне целый веер карт.

— Выбирайте, Ольга, — потребовал он и смешно повел носом.

Я ткнула в первую попавшуюся карту и перевернула её, обнаружив торшер. Такой смешной, высокий с матерчатым абажуром в горошек.

— Отличный выбор! — снова обрадовался Кир. Нет, почти не улыбающийся Кошмарыч мне нравился куда больше. — Давайте, смотрите сквозь карту на пустое место и проецируйте туда это чудо.

Я устала на карту, уверенная, что у меня не получится. Но тут же разозлилась на саму себя. Что это за упаднический настрой?! Я могу сама создать сон — пусть плохонький и ненадежный, но могу. И призвать в свой сон куратора, и попасть в сон самого мастера Кошмаров! А тут, простите, какой-то торшер...

От неожиданного хлопка, кажется, заскучавшие одноклассники чуть не попадали со своих мест. А перед нами появился торшер. Точь-в-точь такой как на карте. Кир подошел к нему и дернул за шнурок — зажегся свет.

Меня охватило нехорошее предчувствие. Что-то говорило, что теперь к несчастному фикусу на постоянное жительство в наш класс пропишется и этот торшер. Как будто я не могла вытащить что-то грандиозное. Или хотя бы кофемашину.

— Выполнено прекрасно, — похвалил Кир. — Конечно, лучше не зависеть от эмоций, но зато в вашу защиту, Ольга, скажу, что вы идеально повторили карту, а значит, ваши коллеги смогут увидеть ошибки теоретика. А вы садитесь.

— Тени нет, — первым успела Аня. Хитрюга. Но приятно, что кто-то меня слушал.

— Чудесно, — всё-таки Кир очень оптимистичный человек. С такой радостью встречает каждое высказывание, что страшно становится. — Еще? Вы, Анна Васильевна?

Интересно, а как педагоги узнают наши имена? Заранее или «читают» их на лбу, скажем? Или в воздухе над нами они витают — я против воли посмотрела вверх и, разумеется, ничего не увидела.

— Меня смущает, что у этого торшера нет провода, — чуть стесняясь всеобщего внимания, предположила Анна Васильевна. — Конечно, он может быть на батарейках, но это слишком сложно с учетом того, как в остальном выглядит этот предмет.

— Вы совершенно правы! — просиял Кир. — Многим студентам требуются годы практики, чтобы учитывать такие нюансы. Конечно, есть уникалы, которые прорисовывают настолько подробно, что их карты используют даже мастера, предпочитающие творить живой пластичный сон без заготовок. Но их немного.

— А живых существ можно создать таким образом? — неожиданно заинтересовался Мортимер. Я уж и забыла, как звучит его голос!

Кир, видимо, тоже не рассчитывал, что самый младший студент что-то скажет, потому что нервно дернулся и только после этого расплылся в улыбке.

— Сны — самая пластичная материя, поэтому теоретически в этом нет ничего невозможного, — пояснил он. — Но в то же время практически это сложно примерно на уровне «никогда не получится». Посудите сами, создавая нарисованный предмет, вы не можете вложить в него слишком многое. Даже если вы внушите, что он живой — это может не помочь. Не говоря уж о том, что каждый живой обладает еще массой особенностей, которые не выразить парочкой мыслей. То есть, максимум может получиться кто-то не блестящий интеллектом или индивидуальностью. Вроде червяка. Или личинки.

Мортимер только фыркнул, по-видимому, совсем не убежденный. Не знаю, что творилось в голове у этого мальчишки. Меня скорее забавляли мои собственные мысли — создать живой торшер — вот это был бы фокус. Даже жаль, что этот вопрос Мортимер задал

после того, как я попробовала работать с картой. Впрочем, шансы у меня еще были.

— Перед вами лежат наборы карт для комнаты отдыха, — продолжил Кир, посчитав, что на вопрос Мортимера он ответил полностью. — Вы должны внимательно изучить их и выбрать тот, который кажется вам наиболее приятным для работы и отдыха, разумеется. Советую выбирать внимательно, потому что вместе с ними вы выбираете и своего коллегу из теоретиков, с кем будете делить эту комнату.

Он замахал руками на возмущенный шум.

— Вам не нужно дружить или общаться со своим коллегой, — пояснил он. — Это сугубо по желанию. Но домашнюю работу вы будете делать вместе, а при желании усложнять и дополнять комнату самостоятельно.

Не все в группе выглядели вдохновенными необходимостью выбирать вот такое «свидание вслепую», а верить тому, что это всего лишь совместная работа, никто не собирался. Кем бы ни был этот человек за картами, с ним придется сидеть рядом в одном выдуманном месте каждый день в течение пяти лет. Даже наша нестабильная группа меня так не пугала, и уверена, я не одна такая. Не хотелось бы все пять лет сбегать учиться в общую комнату отдыха!

А когда я начала рассматривать карты, то и вовсе упала духом. Seriously, некоторые из этих ребят были действительно очень странными! Чего стоит тип, что придумал мебель, не позволяющую двум соседям даже случайно пересекаться друг с другом! Вроде тех иллюзорных лестниц, что идут сразу с обеих сторон.

Я передала эту стопку дальше, Мортимеру, и он аж затрясся весь:

— Можно мне вот этого, ну можно?!

И, похоже, не дожидаясь кивка преподавателя, исчез вместе с картами. Даже без хлопка, что вообще ни в какие ворота!

Всегда мрачная Аня уцепилась за карты, с которых почти вся мебель состояла из разных подушек вырвиглазного оттенка и пары гамаков — понятия не имею, как она собиралась учиться в такой обстановке.

Я была уверена, что не найду ничего подходящего, хоть перед нами было множество карт, куда больше, чем восемь пачек. Наверное, сейчас Кир точно также показывал эти карты во всех других группах первокурсников... Эта мысль заставила меня отказаться от идеи дожидаться, когда останется последний комплект, и я продолжила вяло пересматривать варианты. Недолго, правда.

Уже через три или четыре комплекта я обнаружила, что держу в руках карту и не могу отвести взгляда. На ней был диван. Нет, на ней был Диван Моей Мечты. Он был словно две оттоманки, слитые спинкой, но округлыми мягкими подлокотниками, а точнее, подголовниками повернутыми с разных сторон. Сидя на таком диване, с собеседником ты разделен спинкой, но зато смотришь ему в лицо, а не косишься сбоку. И личное пространство никто не нарушит, и ноги можно вытянуть — мечта!

Я уже с опаской взяла следующую карту из комплекта и обнаружила книжную полку, отягощенную лампами в виде крупных жуков. Были бы там цветы или бабочки — я бы еще подумала. Посмотрела бы остальные карты хотя бы. Но жуки — это было прекрасно. С таким морфом я вполне могла иметь дело.

— Это, — я не заметила, что уже держу карты обеими руками, словно их могли отобрать. — Я беру их.

Кир кивнул, и меня словно потащило куда-то, словно я стояла на скользящей по полу

доске. Но готова поспорить, что для других я исчезла как и прочие счастливицы.

Я рефлекторно зажмурилась и позволила себе открыть глаза только когда мой невидимый транспорт остановился. Просто уже заметила, что переходить из сна в сон лучше с закрытыми глазами. Совершенно пустое пространство новенького сна, отданного на растерзание нам с незнакомкой или незнакомцем под моим взглядом сузилось до размеров довольно большой комнаты-мыльного пузыря. Ничего не могу поделать, бесконечные пространства меня пугают.

— Как ты это сделала? — раздался полный любопытства голос за спиной, и я печально вздохнула. По голосу не оставалось ни одного шанса, что мне придется делить комнату с девчонкой. Да что там говорить, я была согласна даже на разброс от Ани до Анны Васильевны. Мальчишки — они же совершенно не такие, их не поймешь, хоть в голову залезай.

— Я не люблю бесконечных пространств, — пояснила я, поворачиваясь. Знакомиться всё равно придется. Но я тут же поняла, что лучше бы я этого не делала. Мальчишки сами по себе народ сложный, а этот... он был невероятно красив. Как дурацкая картинка с принцами или рыцарями. Живой человек просто не имеет права быть таким! Это раздражает. Особенно парень.

Я с большим трудом закрыла рот и без особой надежды попыталась поверить, будто не выглядела сейчас как пыльным мешком стукнутая. Но это вряд ли.

Так что ничего удивительного не было в том, что я заочно возненавидела этого морфа. Любить таких можно только на пресловутых картинках, в жизни же хочется находиться от них как можно дальше. Во-первых, такие красавчики обычно прекрасно знают о своей внешности и с другими общаются соответственно, во-вторых... Во-вторых, рядом с ними все остальные тоже начинают понимать многое о своей внешности, чего раньше может и не замечали.

На что уж меня моя внешность устраивает чуть больше, чем полностью, но именно сейчас я поняла, что нос у меня чуть длинноват, а уши не такой аккуратной формы, какой могли бы быть, предатели.

— Привет, я Жюль, — теоретик не дал мне времени как следует погрузиться в пучину ненависти и протянул руку. — Тебе правда понравились мои карты?

Конечно, всё не могло закончиться так просто!

— Ты француз? — с подозрением спросила я, хотя мы уже давно поняли в своей группе, что такие вопросы на грани приличий.

Жюль же вместо того, чтобы возмутиться, очаровательно улыбнулся и кивнул. Да, мое времяпровождение в этой комнате будет напоминать средневековую пытку.

— А я Ольга, — наконец представилась я, игнорируя протянутую руку. В конце концов, с девушками и не здороваются за руку.

Жюль ничуть не расстроился, просто сел на... на... на пространство и уставился на меня своими великолепными глазами, готовый наблюдать, как я буду «творить магию». Почему-то я представила это именно так.

— Крибле-крабле-бумс, — заявила я, пристально глядя на карту с диванчиком. И словно волшебные слова подействовали, но не на карту, а на меня. Вдруг стало стыдно. Вот чего я взъелась на этого Жюля? Просто из зависти что ли? Вон какие вещи он рисует, а ведь тоже только-только учиться начал.

С негромким треском диван встал на середину пузыря. Я прямо залюбовалась. Вроде бы

и не совсем сама делала, но удовольствие от хорошо проделанной работы присутствовало.

— О-о! — похоже, у Жюля было схожее ощущение. Интересно, как люди попадали в теоретики? Это же всё удовольствие от снов теряется — сплошь расчеты и карты, сонники и предсказания.

Тем временем Жюль переместился на одну половину дивана и со вздохом откинул голову на подлокотник. Я поспешно сосредоточилась на второй карте — той самой книжной полке с лампами-жуками. Тут-то меня и настигло желание похулиганить. Ну вот зачем Мортимер вообще заикнулся про живые предметы? Это же просто ящик Пандоры.

— Ты не против, если лампы будут немного... — я пощелкала пальцами, чтобы подобрать слово. Не стоило говорить сразу о живых лампах — лично я ни за что не согласилась бы на такое, а Жюль мог оказаться похож на меня, как не странно это осознавать. — Двигаться?

Восторг в глазах парня — да он едва ли сильно старше меня, между прочим! — заставил меня забыть о всех беспокойствах по поводу этой идеи.

Снова этот сочный треск — словно ломаешь спелое яблоко, и прямо в пространстве повисли полки, на которых медленно ползали, трещали раскрываемыми и складываемыми жесткими надкрыльями жуки-лампы. Вот этот момент меня смутил — насколько я помню, звук должен накладываться отдельно. Надеюсь, я не слишком напортачила.

Уверенности в этом у меня не было, поэтому круглый ковер и камин я создала, не отступая ни на йоту от нарисованного. Поэтому труба каминя уходила в пустоту, что заставило Жюля чуть смутиться. Последняя карта сделала нас обладателями столика, на котором располагался чайник, две чашечки на блюдцах и блюдо с круассанами. Да уж, если бы я посмотрела все карты внимательно, мне не пришлось бы спрашивать, откуда мой сосед. Хотя это выглядело даже немного чересчур. Словно он не француз, а мое представление о французах. Хотя, возможно, моя подозрительность не имеет под собой никакой подоплеки.

Круассаны оказались муляжами. И не знаю, спросить-то не у кого — то ли я недостаточно постаралась, то ли с таких карт нельзя сделать еду. Последнее шло вразрез со всем, что я видела до сих пор, но первое было обиднее.

Жюль при этом совсем не выглядел расстроенным.

— Можно подбросить в камин вместо дров, — предложил он. — А то я их не нарисовал. Я подумала было о том, как здорово будет, если мы угорим прямо во сне, но потом прикрикнула на себя мысленно. Сны становятся такими, как мы их видим — вот и нечего придумывать себе неудачу на пустом месте. Похоже, отругать себя, пусть даже мысленно, довольно эффективно — через минуту в нашем камине горел огонь, а в чайнике оказался отличный чай, пусть и без сахара.

А прикрывшись учебником, можно было свободно разглядывать соседа, который что-то чертил на деревянном планшете. Со временем я поняла две вещи. Первое — я могла и привыкнуть к его внешности и рано или поздно перестать замечать, а значит, и ненавидеть. Это была хорошая новость. Вторая была похуже — за все это время я не прочитала ни строчки.

— Вам много задают, — произнесла я вслух, едва не испугавшись собственного голоса в уже привычной тишине.

— О да, — Жюль поднял голову от работы и очаровательно улыбнулся. Что за человек! Только привыкнешь... — Я поэтому и пошел в теоретики. Тут сразу видно, что получается. А практики... у вас так много завязано на импровизацию и уверенность в себе — я бы так не

смог.

Я надулась. Теперь буду переживать об этом и сама не справлюсь!

— Я подумал, может, нарисовать часы, чтобы мы могли знать, когда пора на занятия? — продолжил тем временем Жюль, будто и не видя моего настроения.

— Тут нет времени как такового, — возразила я. Надо же, что-то он не знает. Даже настроение поднялось. А я и не подозревала, что я такая противная, ну надо же!

— Так можно и не цифры на табло разместить, а слова вроде «Пора на учебу» или «Домашняя работа», — пояснил Жюль.

— «Вызов к ректору» и «Шеф, всё пропало!», — развеселилась я. — Давай тогда электронные часы делать, чтобы буквы могли во что угодно складываться, мало ли, что мы не учтем.

Как оказалось, сказать было куда проще, чем сделать, но в конце-концов мы справились. Успели ровно — на вытащенных мною из карты часах моргнуло табло и появилась ярко-зеленая надпись: «Пора вставать!».

В этот раз я проснулась легко и еще несколько минут лежала с закрытыми глазами, разбираясь, всё ли успела как нужно. По всему выходило, то я напрасно невзлюбила Жюля, он был отличным теоретиком и во многом думал как я. Редкое совпадение — я годами мечтала встретить кого-то, кто бы совпадал со мной так идеально, и то, что нашла я его во сне, ничего не меняло. А внешность... ну, у каждого свои недостатки.

С таким настроем я быстро позавтракала, и, не желая снова быть жертвой утренних звонков Светы, позвонила первой. Разумеется, Света была уже у Васьки. Интересно, она вообще домой уходит? Ко мне в гости они приходили редко, я неудобно чувствовала себя, принимая гостей. Всё время мучило ощущение, что в комнате недостаточно чисто, хоть прибирайся прямо перед приходом подруг. Обычно мы торчали у Василисы, а вот у Светы не были ни разу. Положа руку на сердце, я даже не уверена была, что знаю, где она живет.

С такими мыслями я добралась до подруг. Открыла мне снова Светка. Васька всё-также таранилась в телевизор, но рука уже медленно кружила над пакетом с чипсами, словно подруга не решалась взять ломтик. Всё правильно, постепенно её это отпускало.

— Что нового? — Света уставилась на меня. Видимо, за утро успела соскучиться по общению — Васька-то реагирует на раздражители из вон рук плохо.

Снова выиграла паранойя. Я не виновата, она сама!

— Что у меня могло произойти за ночь, пока мы не виделись? — поинтересовалась я сварливо. Светка суксилась. И впрямь просто не подумала, с ней такое бывает. Даже стыдно стало, хотя не настолько, чтобы не воображать, как здорово было бы подсунуть подругам фото Жюля. Света уж точно сразу заочно влюбилась. Она самый лучший из известных мне заочный влюбленный. Такую штуку мы придумали еще в классе седьмом, когда влюбиться в кого-то уже хочется, а все одноклассники какие-то дураки. Не дураков быстро разбирали, еще в классе пятом, тут мы опоздали.

Обычно в нашей компании всё придумывала Лиска. Если не придумывала, то как минимум устанавливала, стоящая вещь это или нет. И не ею придуманные штуки редко проходили её отбор. Но вот эту заочную любовь придумала Света.

Как-то она пришла на урок вся счастливая, словно ей освобождение от физкультуры на месяц дали. Периодически в её жизни случалось такое счастье, хотя, на мой взгляд, Светка была здорова как бык. Мое мнение разделяла и учительница по физкультуре, которая вдобавок совершенно не учитывала ни заметную пухлость моей подруги, ни её тонкую душевную организацию. Так что с физкультуры Света почти всегда уходила в слезах, шепотом ругая себя «коровой» и «толстухой». Благодаря её самоотдаче в этом деле, одноклассники обзывать не обзывались, да и смеялись редко, когда уж совсем было невозможно. Вроде эпичной встречи Светки и «коня», когда бедная наша подруга застряла на нем, не в силах спрыгнуть на маты, или же настоящей битвы противоположностей, каковой нам казалась встреча несчастной Светы с канатом. Если на физкультуре был хоть один шанс повредить себе что-то, Светка с блеском с этим справлялась, так что время от времени она получала свои освобождения. Но в этот раз она сияла по-другому поводу.

— Девочки, я влюбилась! — она зажмурилась и так улыбнулась, что я немедленно ей позавидовала. И Лиска, наверняка, тоже, хотя по её лицу такое так просто и не понять.

— В кого? — немедленно поинтересовалась Василиса. Взгляд у неё стал хищным, не иначе как готовилась объяснять нашей наивной простодушной подруге, почему у неё ничего не выйдет.

— В нового продавца дисков из магазина напротив, — словно не догадываясь о планах Васьки, чистосердечно призналась Света. — Девочки, вы бы его видели! У него такая челочка! А нос!

Она сложила руки на груди и прикрыла глаза, чтобы мы наверняка поняли, что ради такого носа можно многим поступиться.

— Глупо, — подвела итог Василиса. — Ты никогда не рискнешь к нему подойти и заговорить. И вообще, раз он в магазине работает, то уже взрослый. Нужна ему такая малявка.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Света, моментально растеряв всё такое обманчивое добродушие. Обычно такой фурией она нападала на меня или наших дураков одноклассников, так что Васька даже опешила от неожиданности. — Я не собираюсь с ним знакомиться! Даже если мне повезет, и он обратит на меня внимание, он вполне может оказаться дураком!

— От этого никто не застрахован, — вставила тогда я, мне идея Светы уже стала понятна, и я её посчитала её блестящей. — И вообще, большинство мальчиков дураки. Это любому ясно.

— Вот, Оля со мной согласна! — запальчиво продолжила Света. — А так у меня есть, в кого быть влюбленной, я трачу на свои чувства меньше времени — постою в магазине часик, может, помечтаю на скучном уроке, да попробую его нарисовать. Всё остальное время я свободна для стоящих дел, и у него не выйдет разбить мое сердце!

С последним Света ошиблась, её сердце было разбито менее, чем через неделю, когда незнакомец из магазина вероломно ушел пораньше под руку с какой-то девушкой. Но это не умаляло гениальности этой мысли. С тех пор мы часто влюблялись заочно и понарошку — любовь, казалось, делала нас возвышеннее и старше, но совсем не отнимала времени. Правда, Света какое-то время встречалась с кем-то по-настоящему, но осталась в смешанных чувствах. Подробности она не делилась, да и мы не настаивали.

Были, конечно, и правила. Вообще меня чем поразил мир снов, так это тем, что, не считая Университета, в нем не было никаких правил. Разве что какое-то вроде «не попадайся». Даже появляющиеся правила, вроде известного мне на примере Леры требования вывести за пределы «кухни» сновидца, и то действовали не каждый раз. А ведь в жизни любое действие, повторенное хотя бы дважды, стремительно обрастало правилами. Не исключением была и наша заочная влюбленность. Мы не должны были влюбляться во всяких знаменитостей — это слишком походило на то, что делало девочек вроде нас фанатками, ну и не должны были слишком увлекаться. Это правило появилось в девятом классе и было приведено неспроста — слишком легко было отвлечься от подготовки к экзаменам.

Было еще правило не влюбляться в тех, кого слишком часто видишь, но мы его почти не использовали, ведь и без того ясно, что близкое общение разрушает даже самую сильную заочную любовь. Высоко котировались также друзья из лагеря или выездной школы, способные в дальнейшем поддерживать хотя бы видимость переписки. Одного письма в полгода на десятки ответных было более чем достаточно. Так что, будь у меня фотография Жюля, я бы легко сделала его жертвой любви Светы, а то и Васьки, и он об этом даже и не

узнал бы.

— Ты зависла, — сообщила мне Света. — Вернись к нам, а то можно подумать, что там, в глубинах твоего разума творится что-то интересное.

Лиска хмыкнула, но вслух ничего не сказала. Иногда на неё находила вот такая тактичность. Жаль, что редко. А мне же тем временем в голову пришла гениальная идея. Экспериментируя с картами, я не успела подготовиться по заданию Кошмара Кошмарыча, но кто сказал, что даже это я не могу сделать в реальности? Попробовать, по крайней мере, точно стоило.

— Я тут подумала, — медленно начала я, чутко прислушиваясь к себе — попытается контракт сковать мой голос или нет? Пока говорила я совершенно свободно. — Что самое страшное может присниться? Так, чтобы проснуться от ужаса или утром потом чувствовать себя больной.

— Что-то приснилось? — с интересом предположила Васька. Она любила задавать вопросы на вопросы — и этим порой невыносимо раздражала.

— Вроде того, — я некоторое время молчала, пытаюсь сообразить, как и что я могу сказать, а потом решила. — Приснилось, будто я на урок опоздала.

— Оля, только ты можешь испугаться такой глупости, — закатила глаза Света. — Вот мне на днях приснилось, что я в школу пришла, пальто снимаю, а юбку я надеть забыла!

Мы помолчали, представляя масштаб трагедии. На кошмар для моего преподавателя это никак не годилось. Так, мелковат этот кошмар. Конечно, я впишу и его, и падение с высоты и что-то еще из того, что видела во время работы волонтером, но это напишут и Сергей, и Виктор, и Джейн. Мне же нужно что-то особенное.

— На самом деле все боятся разного, — наконец произнесла Васька, разглядывая ногти. Они у неё всё еще были подстрижены очень коротко — еще рано говорить о маникюре, ведь после похода сломанные и, как мне иногда казалось, даже обкусанные ногти, Василиса тщательно ровняла и держала в питательных ванночках. — Кто-то крыс и мышей, а кто-то — дождевых червяков. Даже беспорядка и то кто-то боится. Нарочно не угадаешь. Но есть одно, чего боятся все.

— Что это? — наверное, я слишком откровенно проявила заинтересованность, потому что Васька тонко улыбнулась и откинулась на стуле.

— Две партии в шахматы, — заявила эта шантажистка.

Света посмотрела на меня с откровенной жалостью, и было отчего. Когда Василиса перешла в нашу школу, мы не сразу подружились. Скорее наоборот, я её терпеть не могла. И для этого у меня были причины. В те благословенные годы, когда не все мальчишки были дураками, а львиная доля девчонок — расфуфыренными попугайчиками, мы с Виталиком на переменках любили играть в шахматы. Играли мы оба не слишком хорошо, спустя годы я это понимаю, но тогда мы купались в лучах славы. Наша классная тайком, как ей казалось, приводила других учителей посмотреть на особенных школьников, которые не носятся по коридорам, сбивая всех и даже не бросают наполненные водой воздушные шарики из окон, а чинно сидят за партой и переставляют фигурки. Пожалуй, нам даже на уроках делали скидку за это, чуть меньше ругая за ошибки или недочеты.

Беда была только в одном, мы знали как ходят фигуры, и на этом наши знания заканчивались. Нет, мы были в курсе о том, что рано или поздно одному из нас придется сделать шах, а затем мат, но как это должно было происходить, мы не представляли. Поэтому обычно играли до тех пор, пока у одного из нас не оставалась на поле лишь одна

фигура — король. Он же у нас был самой бесполезной фигурой — в лучшем случае мог забиться в угол.

В первый же день своего пребывания в нашем классе Василиса подошла к нашей парте, с минуту наблюдала, а потом возмущенно фыркнула.

— Фью, ну что тут думать, тут же давным давно шах и мат, — заявила она. Сложность для нас была в том, что непонятно было, к кому она обращалась — ко мне или к Виталику. Оглядев наши непонимающие лица, она вздохнула и переставила фигурки. Как оказалось, выиграла я.

— Легко так со стороны судить, — обиделся Виталик.

Васька тотчас пододвинула стул и села напротив него. Ей хватило остатка переменки, и это притом, что пара минут ушла на расстановку фигур. Мы обычно играли куда дольше.

Так мы узнали, что младшие школьники могут иметь разряд по шахматам, и что новенькая действительно умеет играть. Некоторое время мы честно ненавидели её вместе с Виталиком, но потом он потерял интерес к игре. Мы выросли, он стал вместе с другими мальчишками обсуждать футбол и Звездные войны, и только Василиса была верна своему детскому увлечению. Другое дело, что даже среди друзей, к которым вскоре стала относиться и я, дураков играть с ней не было. Разве что вот так — если она на чем-то подловит, да на спор.

— Две так две, — я признала свой проигрыш. Заранее, так сказать. Хорошо хоть Васька редко всерьез мучила меня и старалась сыграть быстро. Минут пятнадцать позора, и я свободна.

Вот и сейчас ей хватило даже меньше — всего тринадцать минут, и она нехотя складывала шахматы. Её коллеги по шахматному клубу предпочитали встречаться только там, а летом он не работал. Не представляю, как Васька это терпела, да еще и со всеми этими походами.

— Переизбыток, — произнесла она и фыркнула в ответ на мой непонимающий взгляд. — Когда чего-то слишком много и слишком близко — вот что пугает. Одну крысу испугается только истеричка или страдающий редкой фобией человек. А если крыс сотня? Или одна, но размером с пони?

Звучало и впрямь жутко.

— Или возьмем что-то приятное, — продолжила Васька. — Свет, назови что-нибудь приятное.

— Теплое море, — зажмурилась Света.

— Отлично, — согласилась Васька. Она обычно не любила соглашаться, но причину этого мы поняли тут же. — Представь, ты посреди теплого моря — в нескольких километрах, если не десятках от любого берега. И ближайшая суша — дно.

Света хлюпнула носом. Похоже, представила.

— Мой любимый клубничный коктейль, — Васька не обратила внимание на испортившееся настроение Светы. Как всегда, впрочем. — Я уверена, что проснусь от ужаса, если во сне упаду в чан с ним или мне попытаются залить ведро самого лучшего молочного коктейля рот насильно. И это работает со всеми, у кого нет недостатка ума. Кстати, и это тоже верно — чем изощреннее ум того, кто видит сон, тем страшнее ему может быть, потому что он напридумывает столько — человеку поглупее и в голову не придет.

— И с фильмами ужасов также? — пискнула Света. Мы с ней были похожи в одном точно — мы на самом деле до ужаса и никак не меньше боялись фильмов ужасов, хоть это и

звучит как масло масляное. Просто тряслись, когда смотрели, иногда даже глаза закрывали, я так точно. Складывалось ощущение, что все эти фильмы снимали точно для того, чтобы потешить нашу с ней тягу к страхам.

— Нет, конечно, — покачала головой Васька с таким видом, типа «и как вам такое вообще в голову могло прийти, а?». — Фильмы ужасов уже целиком и полностью продуманы, а значит, в них можно легко найти логические неувязки. К тому же во снах чаще выступает та часть личности человека, что больше отвечает за эмоции, чем за логику.

Пожалуй, тут была какая-то Васькина логическая неувязка, но я не стала ей на неё указывать, мне и так было о чем подумать.

Чем больше я думала о том, что сказала Васька, тем больше уверялась, что она права. Оставалось лишь убедить в этом Кошмарыча, а что он может не согласиться, я не сомневалась.

Хорошо ли плохо ли, но у меня были все шансы десять раз передумать до урока у мастера кошмаров, потому как по расписанию до него стояли еще два урока.

— Интересно, почему сегодня снова кошмары? — Джейн недовольно поморщилась, разглядывая расписание. — Другие предметы по разу в неделю, и только эти кошмары чуть ли не каждый день.

Я разглядывала своих одноклассников, силясь рассмотреть в них те отличия, что неизбежно должны были появиться с новым опытом, таким, как союз с теоретиками, у каждого ведь появился свой особый человек, которого всем остальным не увидеть. Да, каждый из нас жил своей реальной жизнью, совершенно не такой, как прочие, но это меня не волновало. Такой вот парадокс.

— Кошмары — самый простой уровень снов и в то же время самый популярный, — неожиданно ответил ей Мортимер. — Он весь на эмоциях, и порой при удачном попадании в яблочко не нуждается в качественной обработке. Вроде тех же снов с падениями с высоты — сновидцу и в голову не придет анализировать, насколько реален каньон, с которого он свалился, слышен ли шум водопада и холодят ли брызги от него.

— Получается, кошмары — основы прочих снов? — заинтересовался Дмитрий. Вот странно, с одной стороны, он производил такое впечатление, что хотелось уточнить у него отчество, с другой, он совершенно свободно разговаривал с Мортимером или Аней как будто со взрослыми. Я же просто не понимала, как можно не видеть, что они всего лишь дети. Вероятно, довольно смысленные, раз попали сюда, но только дети — и этого не отнимешь, пока они не вырастут.

— Вроде того, — согласился мальчик. — И именно кошмары чаще всего бывают дикими снами, не теми, которые создают морфы. Их в целом не слишком много осталось, но они еще есть. Часть, конечно, просто калька происходящего с человеком в реальности а вот вторая часть — кошмары. Некоторые магистры полгода до выпуска тратят на поиск и приручение таких снов. Это засчитывается как выпускная работа.

— Приручение? — заинтересовалась Аня. Глаза у девочки горели. К гадалке не ходи, она вообразила себя отважной охотницей на дикие кошмары.

— Ага, — кивнул Мортимер. — На пятом курсе учат, как просочиться в такой дикий сон и зацепиться в нем, создав что-то, чего в этом сне раньше не было. И всё, он уже не ускользнет, можно лепить из него нормальный кошмар, эмоциональный, свежий и в то же самое время не опасный. Дикие кошмары опасны тем, что из никто не контролирует, и они могут привести даже к смерти его участников.

— И откуда ты всё это знаешь, — прищурился Вячеслав. Прямо с языка снял, меня это тоже заинтересовало.

— Слышал, — коротко ответил Мортимер, и больше мы от него ничего не добились до начала урока. А с приходом преподавателя и вовсе забыли о свои вопросах.

Я считала, что Жюль непозволительно, просто неприлично красив? Я просто не видела преподавателя по новому предмету! С трудом отведя от него взгляд и усилием воли закрыв рот, я глянула в расписание. Аббревиатура АЧЭОС мне ничего не сказала. Только страшно стало.

— Мой предмет называется «Аспект чувств в эмоционально-окрашенном сне», — начало это чудо. Надо же, а я не знала, что волосы по-настоящему могут отливать золотом, а глаза быть такими синими как море! — Также я веду факультатив по значению деталей для эмоционального сна.

Факультатив! Вот! Я буду ходить к нему на факультатив и вообще пойду к нему в личные ученицы и буду лучше всех знать ответы на любые вопросы.

Чудо откинуло прядь волос и широко улыбнулось нам. Или мне лично. Наверное, всё-таки мне. Если бы с такими зубами рекламировали пасту, я бы покупала её, даже если бы она была со вкусом гнилой капусты.

— Зовут меня мистер Совершенство, — продолжил наш преподаватель. — И сегодняшний урок посвящен формированию критического взгляда. Если вы планируете работать с сильными эмоциями, вам следует научиться абстрагироваться от них. Вот сейчас для начала вам следует перестать слушать мой голос, и начать слушать, что я говорю. Вы немедленно должны собраться и составить список того, что и почему вам во мне не нравится.

Мы же продолжали пялиться на него. По крайней мере, я точно. Не знаю, что до остальных — я никак не могла себя заставить посмотреть на других. Неожиданно откуда-то слева раздался шорох, словно кто-то открыл тетрадь и начал писать.

— Анна Васильевна, — обрадовался мистер Совершенство так искренне, что я с трудом подавила в себе желание придушить старушку. — Как вы справились?

— Вы, конечно, красавчик, — отозвалась Анна Васильевна. — Прямо как с картинки. Да только стара я для таких красавчиков, и дома у меня муж есть.

— Идеально! — пуще прежнего обрадовался мистер Совершенство. — Наличие крепких чувств в реальности и верное оценка собственных возможностей — лучший вариант. Кто еще?

Кто-то еще зашелестел тетрадкой.

— Ваш вариант, Сергей? — обратился к нему мистер Совершенство.

— Мне девчонки нравятся, — чуть смущенно ответил тот. Наши соседи пришли в движение. Похоже, этот простой ответ вывел из ступора практически всех. Наверное, остались мы с Джейн и Аня. За мелкую я больше всего переживала — в её возрасте я могла без памяти влюбиться даже в кого-то вроде моего первого куратора Паши.

Отвлечшись на гипотетические переживания Ани, я почувствовала себя свободнее и вспомнила, что терпеть не могу таких вот красавчиков. Что со мной такое? Мне вообще брюнетки нравятся! И моложе! Этому же не меньше тридцати, куда мне такой старикан?

И я уже совершенно спокойно раскрыла тетрадь, чтобы начать записывать. Если так подумать, то мне еще и повыше нравятся. И потощее.

— Немного усложним для наших молодых людей, — внезапно произнес мистер

Совершенство и принялся массировать свое лицо. Я даже писать перестала, так удивилась. Самое интересное, что касался он только лица, но менялся целиком. Он стал чуть ниже, в плечах его пиджак обвис, зато рубашка натянулась.

Пара минут — и перед нами была такая же прелестная златовласая девушка.

— Пишем дальше, не отвлекаемся, — ласково своим же голосом сказал мистер Совершенство нам, и я снова нырнула в тетрадь.

К концу урока так или иначе все что-то написали. Кроме Мортимера. Об этом нам сообщил сам преподаватель.

— А ты почему не писал, Морт? — поинтересовался он.

— А вы мне вообще ничем не нравитесь, — отозвался мальчик. — Какой вообще смысл всё описывать?

Мистер Совершенство ничуть не обиделся и не расстроился.

— Индивидуальная непереносимость морока, иногда встречается, — пояснил он. — Это довольно хорошо для тебя, но плохо для обучения. Трудно научиться тому, что сам не понимаешь и не чувствуешь.

— Я справлюсь, — коротко ответил Мортимер, и преподаватель не стал с ним спорить.

Перемену мы провели в столовой — похоже, всем сильно захотелось узнать побольше о новом предмете и учителе.

— Его обучение — сплошная дискриминация, — пожаловалась Джейн, с аппетитом вонзая зубы в булочку. — Надо найти что-то неприятное, а это часто то, чем человек не похож именно на тебя! Или на твой идеал, что ничуть не лучше.

— Слишком глубоко копаешь, Джейн, — пожал плечами Дмитрий. — Люди всегда делятся по какому-то признаку. И не всегда это воспринимается воинственно. Как насчет тех, кто любит консервированный горошек и тех, кто ненавидит его?

— Да причем тут горошек, — обиделась девушка.

— Очень даже причем, — поддержал Дмитрия Виктор. — Салат с горошком для тех, кто его не любит, весьма неприятное начало праздника. Я вообще не понимаю, почему ненавистники горошка до сих пор не восстали!

Зрелище, представшее нашим мысленным взорам было до того сюрреалистичным, что в дальнейшем мы жевали молча.

Следующего преподавателя мы заметили не сразу. Сытые и от того добродушные, мы менялись местами, чтобы лучше познакомиться на занятии, когда слышали покашливание. Потребовалось несколько минут, чтобы убедиться, что никто из нас не кашляет.

— А теперь, когда вы все взбодрились, предлагаю всё-таки начать урок, — раздался голос от кафедры. Но за ней никого не было. По крайней мере, так нам показалось на первый взгляд. А затем мы разглядели плавающий в воздухе рот.

— Чеширский кот? — блеснула знаниями Аня.

— Очень мило, но нет, — отозвался рот. — Просто не вижу смысла появляться перед вами целиком. Имя, внешность и прочие глупости будут отвлекать вас от моего предмета. К слову, теорию звуков у вас будет вести эхо — ему вообще лень сниться студентам.

По его голосу было непонятно, осуждает он этого эхо или завидует. Скорее всего, и то и другое.

— Я преподаю первокурсникам науку о мимикрии, — продолжал рот. — Пока больше теории и немного практики с другими участниками. Накладывать и растягивать образ на самого себя вы сможете курсе на третьем, там мы с вами снова встретимся. А для начала

давайте разберемся, в каких ситуациях сноходцу может потребоваться изменить голос или «потечь» лицом. Речь не идет о смене личины, это немного другое, постарайтесь это учесть.

И мы снова открыли тетради.

— Даже не знаю, что сказать, — признался Константин Константинович, просмотрев наши работы. — Самые близкие к высшему баллу работы у Ани и Анны Васильевны. Уточнение по поводу разницы в зависимости от разных факторов прекрасно приведено Дмитрием. Вы правы, страхи зависят не только от пола и возраста человека, но и его жизненного опыта, характера и даже местожительства. Чрезвычайно сложно бояться акул жителям Центральной Сибири, к примеру. Но вот Ольга среди прочего указала константу, которая превращает в кошмар практически любой предмет, явление или существо. Вообще-то, мы должны проходить эту константу лишь в следующем месяце... Так что я затрудняюсь, кому присудить первый зонт.

— Не мне, — я заговорила быстрее, чем успевала подумать — чтобы не искушать себя легкой отметкой. — Это не я придумала, а моя подруга.

— Тебе удалось обойти контракт от сохранения тайны? — заинтересовался Кошмарыч. Он вроде бы и интересовался, и вроде как нет. Словно вежливое любопытство, не более того. Если учесть, что он рассчитывал получить власть, чтобы окончательно превратить сны в хаос, если уже не получил, мог бы и хотя бы получше сделать вид, что ему интересно. Или он наоборот, не хочет привлекать мое внимание? Ох, как же все непросто! Я запуталась даже в том, нужно ли Кошмарычу что-то для его целей, или он просто выжидает подходящий момент. И на уроке об этом задумываться точно не стоило.

Зато мои одноклассники чуть со стульев не повскакивали — им тоже это правило было не по вкусу, видимо. Что же, придется их разочаровать.

— Я не обходила контракт, я просто спросила своих подруг, что самое страшное им снилось, — пояснила я. — Это против правил?

— Нет таких правил, Ольга, — снова дергается краешек губы. Надо же, а я думала, он расстроится. Даже обидно немного. — Впрочем, я решил, что лучше поставлю высшие отметки всем четверым.

Перед моим носом завис значок. Точь-в-точь такой же, как те, из которых состояла броня черного рыцаря. Темно-синий фон, а на нем раскрытый черный зонт. Вблизи стало видно, что зонт прорисован искусно, видны и спицы, и выпуклость поверхности, и даже едва заметно просвечивающие сквозь зонт звездочки.

Я протянула ладонь, и зависший значок упал в руку. Рядом Аня уже пыталась прицепить такой же себе на рукав, а вот Анна Васильевна сунула в сумочку, которую таскала с собой вместо авоськи с фикусом. Дмитрий давно справился со своим значком, и выглядел довольным. Остальные же корчили разные рожи, должны обозначать, как сильно им всё равно.

Из-за меня у Кошмарыча изменился план урока, и он рассказывал нам о переизбытке во снах, ведущем к страху сновидца. Но расстроенным он всё еще не выглядел. Впрочем, и довольным тоже, но тут я была уже экспертом и могла догадаться, что он весьма и весьма рад. Ну еще бы, это ведь тоже почти хаос — хоть и совсем немного, чего бы ему не быть счастливым? Зато и я решила использовать его хорошее настроение себе на пользу, и поймала после урока, когда он уже собирался исчезнуть за дверью нашего класса. Да, там был коридор, но этим я не обманывалась. Коридор это для нас, а преподаватели просто

пропадали там сразу, едва переступая порог.

— Кош... Константин Константинович, постойте, — я ухватила его за рукав, и пальцы мои скользнули по холодным твердым значкам. Бррр. — Я хотела вас спросить. Вот в реальности есть волонтерские службы, которые заняты тем, что радуют детей или стариков, устраивают им праздники, дарят подарки. А если сделать что-то такое со снами? Пусть, скажем, больным снится что-то хорошее, им ведь редко такое снится, наверное.

Теперь у Кошмарыча едва заметно дернулась бровь. Наверное, это должно изображать удивление. Или сарказм. Я пока не очень разобралась.

— И с этим предложением вы решили подойти к мастеру кошмаров, Ольга? — уточнил он. — Никаких мыслей не мелькнуло по этому поводу, нет?

— Ну вы вроде как мне лучше всего знакомы, — залепетала я, злясь на себя за этот жалкий голос, а на Кошмарыча за его умение превращать любое начинание в фарс. Что за человек!

— То есть, стоило один раз за вас вступитьяся, и вы сразу садитесь на шею? — уточнил этот невозможный тип, и я почувствовала, как краска стыда затапливает мои уши, щеки и шею. Но он продолжил. — Вообще-то у нас уже есть как минимум один практический курс с такими целями, о которых вы тут лепечете, Ольга. Он проводится в больницах для слепых — морфы приходят во снах под видом их детей. Ослепшие сложно воспринимают визуальную составляющую, для них важнее тактильный контакт и голос. Обычно снотокси тщательно рассчитывают и выбирают тех, кто на самом деле одинок, и не видел близких и детей много лет — тогда и голос имеет уже куда меньшее значение, человек сам достроит то, что ему захочется. Главное, не как, а что ему сказать. Другое дело, что я бы не рекомендовал вам брать этот спецкурс, Ольга. Вы ведь напугаете их до полусмерти.

К слову сказать, к этому моменту мысленно я уже всю помогала страждущим, и такое мнение о моих способностях живо вернуло меня на землю.

— Почему это? — я даже обидеться толком не могла, так неожиданно было услышать такое от мастера кошмаров. Кто бы говорил на самом деле!

— Мы это обсудим в вами в следующий раз, Ольга, — ответил этот гад. — А у вас еще один урок.

И он всё-таки вышел за дверь, где тотчас исчез, разумеется.

И у нас начался урок по бестиологии. Маленькая, сморщенная как высохшее яблочко Гиена Огненная объяснила нам с порога, что проходить мы будем не только настоящих сновидческих монстров но и их подделки, иллюзии, созданные морфами. Вообще, с учетом имен наших преподавателей, я и впрямь всерьез начала сомневаться, что Кошмарыча зовут Константином Константиновичем. Скорее, наоборот, это его прозвище.

С Гиеной всё оказалось просто, хотя меня и смущало сначала её имя — всё-таки мне было известно скорее выражение «геена огненная» и тетка, в имени которой присутствует орфографическая ошибка, меня слегка беспокоила. И если Огненная мы распознали сразу как отсыл к её ярко рыжим коротким волосам, торчащими ежиком, то с первым именем мы разобрались, когда Аня назвала самое страшное приснившееся ей животное. Вообще, не очень понимаю, что забавного может быть в том, что девочке снится трехголовая крыса размером со слона, но тут Гиена захохотала так, что у нас все вопросы отпали.

— Прошу прощения, — просипела наша преподавательница через некоторое время, вытирая выступившие слезы. — Это просто моя дипломная работа. Я и не думала, что мой мышоночек еще где-то используется. Он вышел не очень, на четверочку, потому что я

запуталась с их разумами, нужно было дать им один спинной мозг, а не три, в результате у них движения не синхронизированы. Он даже догнать никого не может.

— Это да, — согласилась Аня. — Я проснулась от ужаса, когда он на мои глазах начал отгрызать себе заднюю ногу.

Гиена выглядела чуть смущенной.

— Да, такое вполне возможно, — признала она. — В этом проблема с химерами. Нельзя просто прилепить дополнительные головы или конечности или там скрестить лошадь с пауком. Нужно тщательно рассчитать, что потом будет делать эта химера, иначе получите чудовище, пытающееся жевать траву и скакать галопом на восьми конечностях. Поэтому химер создают только на старших курсах и только при поддержке снотоков.

Судя по её всё ещё смущенному лицу, необходимость привлекать теоретиков признали именно после её экспериментов.

— Хорошо продуманная химера без всяких сомнений страшнее обычного зверя, — продолжала Гиена, успокоившись. — Но по сложности она стоит на самой вершине пирамиды нашего бестиария. Наиболее простая классификация включает иллюзии обычных животных и химер в самом низу списка — ими просто управлять, но они не производят такого впечатления, как реальные. Затем идут оборотничества — некоторые из вас будут способны накладывать на себя личины не только людей, но и животных. Это непросто и требует высокой концентрации. Нужно не только выглядеть, но и чувствовать себя зверем.

Я вспомнила про Гризли. Надо же, вот почему Рыба так его ценит. Наверное, группа получает высокие оценки благодаря ему. Неплохо бы найти его и узнать, правда ли так сложно оборачиваться кем-то.

— Далее идет создание обычных существующих или когда-либо существовавших животных, — продолжала Гиена. — Вымершие животные очень интересный вариант, но его используют редко, потому что большинство не слишком любит разбираться с нюансами их внешнего вида и содержания. Скажем так, саблезубого тигра часто делают с такими клыками, что он закаляется ими в первые минуты существования. Следующим по сложности считается вариант с созданием волшебных существ, которые давно придуманы кем-то другим. Тут тоже есть сложности, не все из созданных существ оправданы и способны существовать даже в нашей изменчивой материи сна, но, например, с драконами или единорогами проблем обычно нет. И, наконец, созданные совсем недавно или же прямо вами существа или же химеры, состоящие из набора элементов разных тварей.

Мы поспешно записывали за Гиеной. Урок был и впрямь интересным, особенно увлекательно стало, когда преподавательница пускала перед нами уменьшенную версию примера того или иного пункта в нашем списке. Иллюзии после их представления не исчезали, так что к концу урока мы оказались в классе, набитом всякими саблезубыми зайцами, тиграми, единорожками, драконами и некоторыми существами, название которых я не записала, а теперь было уже поздно.

— До завтра развеются, — махнула на них рукой Гиена. — У вас всё равно этот урок последний.

И ушла. Какая молодец.

В этот раз я достаточно успела проголодаться, чтобы без проблем попасть в библиотеку. Очень вовремя, между прочим — если не успеть взять бестиарий в начале года, потом его не приснишь просто так. В библиотеке я рассчитывала встретить Нику или хотя бы Веста. Давненько я его не видела, даже обидно. Я как-то привыкла воображать, что он за мной

приглядывается или следит, что в случае этого типа почти одно и то же, и на тебе — со дня поступления я его не видела. Конечно, прошло еще не слишком много времени, но я всё равно его потеряла.

Вместо этого в очереди за книгами — не понимаю я, как можно создать очередь, когда мы буквально существуем в разные моменты времени! — я нос к носу столкнулась с Рыбой. Пожалуй, меньше, чем Рыбу я хотела увидеть только Пашу. Собственно, его я и увидела рядом с ней. Он удерживал между одной рукой и подбородком два комплекта учебников, а другой рукой цепко ухватился за локоток собственно Рыбы. Так что я даже не знаю, кому из нас наша встреча была неприятнее.

Рыба, судя по лицу, считала, что для неё. Глаза у неё вытаращились, а рот открылся, она теперь просто один в один была аквариумная Рыбка. Паша и тот удивился меньше. Хотя он сиял так, что вряд ли такая маленькая неприятность как встреча со мной, могла уменьшить его восторг. Не очень было понятно, чего он как счастлив — в библиотеку что ли никак не мог попасть?

— Ольга? — с глупой улыбкой поприветствовал он меня. — Ну надо же! Ты поступила в Университет? А я-то думал, куда ты пропала! Но подготовка к поступлению и впрямь требует много сил, так что теперь понятно.

Тут наступила моя очередь возмущенно открывать рот и таращиться на Рыбу. Она же говорила, что обо всем договорилась с Пашей!

— Рыбка, это Ольга, моя волонтерша, которая неожиданно исчезла, из-за чего мне пришлось просить у тебя кого-нибудь, — продолжал тем временем Паша. Я открыла рот, чтобы возразить, но он остановил меня взмахом учебников и подбородка. — Я не сержусь, правда. Если бы мне не пришлось срочно искать кого-то, и я бы не вспомнил про Рыбку, то я никогда бы не узнал, какая она чудесная.

«Чудесная Рыбка» уже походила цветом на вареного рака. Впрочем, мне уже всё было понятно. Кроме, пожалуй, того, что Рыба нашла в Паше. А с учетом того, как она о нем отзывалась... Нет, ну надо же! Она и меня использовала сколько могла, и от того, что я была волонтером под кураторством Паши, сумела получить выгоду! Страшная женщина.

— Очень приятно, — наконец выдавила из себя Рыба, глазами обещая мне множество кар как минимум. Вообще я и не видела смысла её выдавать.

— Мне тоже, — буркнула я и помахала бестиарием. — Прошу прощения, мне нужно идти.

В личную комнату можно шагнуть из любого помещения, даже к двери идти не нужно, этим-то я и воспользовалась, переводя дух уже в нашей с Жюлем уютной комнатке. Жюль уже был здесь. Он разложил огромную звездную карту на полу и теперь ползал по ней, что-то помечая. С ума сойти, как у них интересно. Даже думать не хочу, зачем им изучать расположение звезд.

— Привет, Ольга, — Жюль поднял голову от своей работы. — Выглядишь напряженной. Что-то случилось?

— Да так, — я сложила учебники на стол и опустилась на диван. И чего мне так не нравился Жюль? Нельзя всё-таки так предвзято относиться к внешности. — Встретила не очень приятных людей.

— И когда ты только всё успеваешь! — искренне восхитился Жюль, эмоционально взмахнув руками. — Всего несколько дней учимся, я еще не успел одногруппников запомнить, а ты уже успела недругов себе завести.

— Дурное дело нехитрое, — буркнула я и перевела тему. — У вас Гиена Огненная ведет что-то?

— Еще бы, — Жюль снова вернулся к карте. — Бестиалогия — очень сложный предмет. У нас задание на практикум недельный — выбрать животное вслепую на карточке и найти как можно более полный список упоминаний его в истории реального мира, если найти исток, можно получить автомат за этот семестр. Но мне не светит.

— А что тебе попало? — я и забыла, что собиралась спросить только из вежливости и сесть за свою работу. Я и так не успевала побывать в самом обычном сне со всеми этими заданиями. А нам ведь говорили, что это тоже важно.

— Единорог! — возмущенно ответил Жюль. Да, его можно было только пожалеть. Единорогов в легендах мифах и балладах кишмя кишит. Одних гобеленов несколько сотен только известных. Не повезло ему.

— А Василию попался Бармаглот, — продолжал возмущаться Жюль. — Это просто нечестно!

— Зато представь, потом вы будете свою зверушку создавать так, чтобы практики могли его оживить. Готова поспорить, он должен будет какое-то время прожить. И если лошадь с рогом скорее всего с этим справиться, то вот бармаглот...

Вообще-то я его хотела утешить, и кто меня только за язык тянул? Жюль прямо задохнулся от возмущения.

— Лошадь с рогом?! — просипел он, не справившись с голосом. — Да ты знаешь, что даже у самых близких к нам по времени единорогов козлиная борода? А древние и вовсе бывали покрыты чешуей! В Китае шесть видов единорогов, как минимум, а в Японии кири — главное животное божество! А...

— Всё, я поняла, — я притянула к себе учебник и демонстративно открыла его. — Ты уже неплохо подготовился, мне тоже стоит.

Жюль замолчал с оскорбленным видом. Похоже, это просто был не мой день. Точнее, не моя ночь. Я полистала бестиарий и поудобнее устроилась на диване. Глаза слипались, против своей воли я вспомнила Леру. И я когда-то возмущалась тому, что она может спать во сне! Вот уж лицемерие во всей красе... Учебник с глухим стуком свалился на пол, но это не выдернуло меня из дремы.

Я была совершенно одна в этом сне. Так непривычно, что я даже испугалась. Последний раз в такое место я попадала, когда меня утянул туда Вест. Это место было непохоже на то: вдалеке шумел густой мрачный лес, а в поле, по которому я бродила было множество колодцев. И я заглядывала в них по очереди, то ли пытаюсь найти кого-то, то ли просто спасаясь от жары и палящего солнца. Несмотря на солнце в зените, в колодцах было прохладно, а в темной воде в их глубине качались яркие звезды.

Это был самый спокойный сон на последние недели. Я бродила от колодца к колодцу, дышала прохладой и сыростью, пока мою спину припекало солнце, и снова вдыхала сухой воздух с поверхности. И вновь ныряла головой в следующий.

Пожалуй, я даже успела забыть, кто я и где нахожусь, если бы в одном из колодцев вместо звезд не сверкнули часы Жюля, которые мигнули «Время уроков». Мигнули и пропали, но этого оказалось достаточно, чтобы не проснуться, нет. Лишь шагнуть из этого сна в предыдущий.

Я неловко двинула затекшей рукой, пытаюсь сесть поудобнее. Почти одновременно со мной зашевелился на другой половине дивана Жюль.

— Ты тоже уснул? — я перегнулась через разделяющую нас спинку. Сонный он был еще очаровательнее, да что ты будешь делать!

— Ага, — Жюль зевнул. — Часы показали «Время сна», а мне до сих пор ни разу не удавалось уснуть во сне, вот и решил попробовать. У тебя ведь получилось.

— Не понимаю, как с таким характером ты попал в теоретики, — подколола я его. Почему-то после сна всё воспринималось проще и спокойнее. Недовольство и раздражение утопи в моих колодцах, не иначе. И я совсем перестала понимать, отчего постоянно взъедалась на Жюля. — Ты же практик с головы до ног.

— Не, — Жюль тоже улыбнулся. — Я люблю высчитывать вероятности и рыться в старых книгах. Не знаю, что на меня нашло с этим единорогом. Отличное же задание, можно столько всего написать и разобрать. И потом создать любого единорога, не обязательно такого, как ты говоришь, «лошадь с рогом».

— Я только за, только мы еще не проходили, как химеру создавать, — на всякий случай открестилась я. — А то получится не просто лошадь с рогом, да еще и дохлая лошадь.

— Да, тут спешка не нужна, — согласился Жюль, пригладил пятерней взлохмаченные после сна волосы, и вернулся к своей карте. А я подняла с пола книгу и спряталась за ней, одновременно пытаясь читать, но больше размышляя о том, что произошло. Неужели это были какие-то волшебные колодцы? Или мне просто нужно было наконец-то выспаться? Странно думать об этом, находясь во сне.

За этими мыслями я, тем не менее, почти успела все задания, когда пришло время просыпаться. Сны снами, а меня еще ждала реальность.

Мы мало обсуждали, что происходит у каждого из нас в реальности, но приближалось первое сентября, которое многое меняло для большинства. Дмитрий преподавал в ВУЗе, я, Мортимер и Аня без сомнения учились. Труднее было с остальными, но Виктор и Сергей определенно были студентами. Я пока понятия не имела, как изменится моя жизнь там, во снах, с изменениями здесь, в реальности. Одиннадцатый класс — это совсем не шутки.

Дни сменялись ночами, я и без того не успевала перестроиться и даже стала реже видиться с подругами. Те, конечно, страшно обижались.

— Подожди, скоро станет проще, — пообещала мне Ника, с которой мы снова встретились в комнате отдыха. К своему стыду я не сразу вспомнила о таком чудесном месте, довольствуясь нашей с Жюлем комнаткой.

По её бледному лицу такое сказать можно было с натяжкой, ну да она и не первокурсница, в прямо наоборот — выпускница. Точно как я в обычной школе. Бррр.

— Ты выглядишь не очень, — осторожно заметила я, уже привычно ловя проплывающее мимо блюдо с булочками.

— Еще бы, — легко согласилась Ника. — Мы с начала августа только и делаем, что практики сдаем, сил никаких нет. Зато потом только обычные занятия и дипломная работа — общая на группу и личная. С личной у меня вообще всё чудесно, да и группа у нас сильная, никто подвести не должен.

— А с теоретиком совместная? — я вспомнила про Жюля и наши с ним грандиозные планы. Удобно работать со своим напарником с другого факультета, что не говори.

— Нет, — Ника покачала головой, её хвост от резкого движения хлестнул её по лицу, и она поморщилась. — На самом деле редко, кто из практиков на самом деле дружит с теоретиками. Нас на первом курсе насильно сводят с этими заучками, чтобы мы не забывали о том, что одними действиями сон хороший не построишь, но отношения с ними не

складываются. Мы с моим соседом смогли нормально прообщаться года полтора, не больше. А потом он принялся поучать меня, всё время нудел, что нужно сначала все обдумать, а потом создавать, словно мы архитекторы, а не сноходцы. И их карты — они же забивают ими любое помещение доверху!

Ника создала на руке крошечную бабочку, которая взмахнула крылышками и рассыпалась. Но вместо того, чтобы просто исчезнуть, каждая искорка стала еще более маленькой бабочкой, которые разлетелись по комнате отдыха, золотистыми брызгами оставаясь на подушках, с которыми сталкивались.

— Весь смысл в том, чтобы не знать, чем всё закончится, — Ника вытерла блестящие от золотистой пылицы руки платком. — Если во всех снах появится логика, изменчивость мира падет, и это приведет к исчезновению любого смысла. Достаточно и упорядоченного реального мира.

Кивнула, не зная как относиться к этому признанию. Когда Вест рассказывал о том, что кто-то желает ввести этот мир в полный хаос, я была напугана и возмущена, но наоборот — абсолютный порядок, и это определенно меня пугало ничуть не меньше.

— Конечно, некоторые из нас близко дружат с теоретиками, мы часто работаем вместе, — продолжала Ника, видимо, в ответ на мое перекосившееся лицо. — Но обычно это не наши соседи с первого курса. Честно говоря, почти у всех моих знакомых в конце-концов в комнате остался кто-то один, и обычно это теоретик. Им неудобно здесь, в вневременной комнате отдыха, а вывести из комнаты не только его самого, но и все его карты для практика не так уж просто.

— Ты сказала «почти», — в голосе против моей воли проскользнули умоляющие нотки. Ничего себе, как я оказывается успела привыкнуть к Жюлю! А ведь прошло еще совсем ничего.

— Да, исключения тоже бывают, — легко согласилась Ника. — Но ты этим не заморачивайся. Самый сложный именно первый месяц. Потом вы разберетесь в преподавателях, и требованиях, переживете первую практику, и все пойдет проще.

— Первую практику? — эхом повторила я. Почему-то мне не понравился тон Ники. Такой нарочито небрежный, что у меня прямо сразу в голове зажглась красная лампочка.

— Ну да, — тон Ники стал еще небрежнее и она цапнула булочку с моего блюда и принялась её жевать с самым отвлеченным видом. — Скорее всего, первая практика будет у Мистера Совершенство. Или у ректора. У вас уже был факультатив Картины Георгиевны? Нет, не первая лекция, а её факультатив?

Я, и впрямь готовая вспомнить о первом занятии с ректором, закрыла рот и задумалась. Нет, с нами уже общался психолог Университета, мы уже окончательно обалдели от урока Эха, а Кошмарыча и вовсе видели каждый день а вот Картину Георгиевну до си пор не встречали. Она словно сквозь землю провалилась — ни в коридорах, где иногда словно из воздуха появлялись беседующие преподаватели, ни в столовой, ни в библиотеке она не попадалась. А в кабинет ректора, если таковой вообще был в Университете, нас не вызывали.

— Скоро будет, — «утетила» меня Ника. — Не бойся, это весело.

Однако Ника несколько ошиблась в своих прогнозах, и практика у нас не началась ни через неделю, ни через две. Мы уже написали по три длиннющих самостоятельных работы для мистера Совершенство — он просто обожал давать такие задания, что заметно уменьшало его природное очарование, успели изучить целый виртуальный зверинец с Гиеной, а уж Кошмар Кошмарыч и вовсе должен был быть нами доволен как никто другой.

Мне сложнее всего давались звуки и мимикрия. Почему-то никак не хотелось расплываться, даже хотя бы чертами лица, а уж зачем становиться прозрачной, и вовсе было за пределами моего понимания. Рот, имя которого мы так и не сумели узнать, дразнился тем, что мимикрия хуже всего дается девчонкам, особенно самовлюбленным. Вроде как не отражаться в зеркале — самая великая для нас потеря. Обидно, между прочим! Зато такая злость помогала сосредоточиться на задании.

Зря я думала, что уж в таком примечательном месте я ого-го как за все уроки возьмусь, отлынивать не буду, и каждый предмет любимым станет. Дудки! Вот мимикрия и стала моим камнем преткновения, сколько не учишь, а все меньше, чем нужно.

Но в чем-то наш преподаватель был прав, потому как хуже всего его предмет давался нам с Аней, Джейн, да еще Вячеславу. Этот вообще с таким скепсисом ко всему относился, что непонятно становилось, как он сюда каждую ночь дорогу находит. А вот идеально исчезать или «плыть» чертами практически с первого раза удалось наше старушке и Мортимеру.

Уже подходил к концу сентябрь, когда вместо ожидаемой Гиены в класс вошла ректор. Удивиться толком никто не удивился — сил никаких не было. Третий урок, а с утра у многих еще уроки — мы и эту перемену перед бестиологией обсуждали школу и университеты. Я пыталась сесть поближе к студентам, чтобы узнать побольше о том, что меня ожидает. Да, последние года три я целенаправленно готовилась к поступлению на журналистику, выбрала ВУЗ, до дыр зачитала проспекты, которые выкладывают для будущих абитуриентов. Но одно — видеть это со стороны, и совсем другое — слушать настоящих студентов. Среди моих близких знакомых не было никого, кто мог бы рассказать, как оно там на самом деле. Мама с папой — не в счет. Они, может, учились и не во времена динозавров, но с точки зрения полезности их информации, были ближе к этим ископаемым, чем ко мне.

Увы, никто из моих одноклассников не был с журналистики, так что приходилось довольствоваться чем есть. Собственно в момент особо жаркого обсуждения практикума по матану — что за зверь такой, я спросить еще не успела, и вошла Картина Георгиевна. Так что и ежу понятно, что мы хоть и удивились, но не так чтобы слишком.

Она легко запрыгнула на кафедру, словно это был табурет или невысокий стол, и принялась водить хвостом, который в этот раз был на свободе, благодаря разрезам на спинке её длинного расклешенного платья. Разумеется, этого хватило, чтобы все разговоры стихли. Умеет она произвести впечатление, чего уж тут!

— Ваша группа наконец-то созрела до практикума по индивидуальным снам, — без приветствия и долгих введений начала Картина. Вот так сразу и обидно — словно мы хуже всех и последние. Судя по лицам Виктора и Сергея, рядом с которыми я сидела в этот раз, такие мысли пришли в голову не только мне.

— Простите, а почему сразу практикум, разве вводной лекции не предусмотрено? — это, конечно, Дмитрий. Он не может перестать сравнивать Университет со своим ВУЗом, где преподает. Что именно преподает, кстати, до сих пор, не знаем, он так виртуозно уводит тему каждый раз, что я подозреваю тот самый загадочный матан.

— Тут нечего объяснять, вы и так всё поймете, — любезно ответила ректор. — А короткое вступление я вам обеспечу. Индивидуальный сон предполагается, если он строится вокруг личности сноходца, а не сновидца. То есть, личность сноходца притягивается в сон и вокруг неё он и строится. Первое задание самое простое — вы должны постараться зацепить собой кого-то из своих близких, а во сне позволить ему притянуть вас в сон. Даю подсказку — незаконченное дело или вопрос оставит отчетливый след.

— Я ничего не понял, — вслух признался Вячеслав.

Картина Георгиевна улыбнулась, блеснув мелкими зубками.

— Это чудесно, что такое признание мы слышим именно от вас, — довольным тоном произнесла она. — Потому что именно вы послужите сегодня примером. Вы же не думали, что практикум ставится когда попало?

Вопрос уже адресовался нам всем, и мы дружно замотали головами, вроде, как можно, да мы никогда! Хотя ясно как день, никому в голову не пришло связывать начало практикума с какими-то событиями извне.

Как оказалось, наша полукошка подбирала удачный момент, когда одного из группы цеплял крючок сна его знакомого или друга, и тогда-то можно было вживую понаблюдать за тем, как это происходит. Зачем нужны такие сны, когда существует множество заготовок — она нам так и не стала говорить. Видимо, это и есть один из элементов хаоса, столь любимого практиками.

— Вячеслав, вчера вы с другом Михаилом обсуждали последний просмотренный бой за титул чемпиона мира в среднем весе, и он остался недоволен разговором. У него есть еще несколько аргументов для вас. Сосредоточьтесь на этом.

— В каком хоть виде спорта? — ошарашенно спросил Виктор. Нельзя не согласиться, Вячеслав меньше всего походил на любителя смотреть борьбу или бокс. Но, как уже не раз приходилось замечать, внешность бывает обманчива.

— Бокс, — снизошла до нас Картина Георгиевна ровно в то же мгновение, как Вячеслав исчез из комнаты.

Она покрутила руками, и перед нами появился шар на постаменте. Сначала мне показалось, что это хрустальный шар вроде гадальных, но тут же я сообразила, что это снежный шар. Только снега в нем не было, а была довольно захламленная комната, в которой призывно мигал телевизор, а на диване сидел мрачный тип схоже с Вячеславом наружности, только еще худее.

— Ну вот, как не смогут договориться, и наблюдать нам битву двух очкариков, — прошептал кто-то у меня за спиной.

Картина Георгиевна шикнула на говорившего и сделала свирепое лицо. Не очень-то получилось, и никто не впечатлился, но все замолчали, потому что в комнату в шаре вошел наш одноклассник. И тут же выдохнули со стоном — не было слышно ни звука!

— Любопытство сгубило кошку, — фыркнула ректор на наши стоны. — Вам ведь тоже не захочется, чтобы ваши практики прослушивались всей группой, разве нет?

Об этом мы не подумали.

Наблюдать за маленьким, словно игрушечным, Вячеславом и его другом было забавно,

даже несмотря на то, что мы ничего не слышали, да и действиями они нас особо не радовали. Никакой драки мы не дождались, они просто сидели перед телевизором, брали со столика совсем крошечную, будто игрушечную еду и разговаривали. Иногда взмахивали руками, вот и всё.

Видимо, чтобы мы совсем не заскучали, Картина Георгиевна заставила нас искать отличия в поведении Вячеслава с другом и с нами. Да проще простого, между прочим! С другом он был совсем другим. Это тот, второй, был мрачным типом, а наш, обычно полный ко всему скепсиса Вячеслав улыбался, размахивал руками и то и дело суетливо вскакивал и садился на место. Бокс был в этом виноват или его друг — тут мы угадать не могли, без звука многого не навоображаешь. Или это у меня с фантазией плохо.

Впрочем, через некоторое время шар затрясся и полетела снежная пелена, а когда все хлопья снега успокоились на дне, мы обнаружили, что ни Вячеслава, ни его друга и его комнаты там уже не было. Совершенно пустой шар, лишь снег облепил дно.

На том же месте, с которого исчез, вновь появился наш одноклассник.

— Что скажешь? — ласково спросила его Картина Георгиевна, водя острым ноготком по стеклянной поверхности шара. Всё-таки хорошо, что первопроходцем был Вячеслав, я бы вряд ли сразу сообразила, что к чему, а вот ему не пришлось объяснять. Он только побледнел немного, видимо, из тех людей, что не краснеют, и отвернулся от шара.

— Мы вас не слышали, только видели, — поспешно успокоила его Анна Васильевна, заставив поморщиться Картину Георгиевну — та определенно собиралась еще подразнить несчастную жертву.

— Отличается от реальности, — коротко ответил Вячеслав. Потом вздохнул, снова посмотрел на шар и принялся объяснять.

— Мой друг Мишаня довольно неразговорчивый человек, обычно бокс мы смотрим молча, или же я вставляю какие-то свои реплики по поводу спортсменов. Я понятия не имел, что он часто думает иначе, и переживает из-за этого. Если честно, я не знаю, как теперь с ним общаться в реальности. Я ведь правильно понимаю, что это его внутреннее «я» так выражается во сне?

— Ваши близкие могут казаться другими, когда их не удерживают рамки реальности, — согласилась Картина Георгиевна. — Но весь фокус в том, чтобы оставлять изменчивость этому миру, а в настоящем... вы свободны лишь в том, чтобы попытаться услышать их. Ведь, раз уж именно это стало крючком, зацепившем тебя, Вячеслав, в его сон, значит, твой друг много думал об этом.

Так что первое задание для всех вас — это зацепить чем-то близкого человека, заставить его захотеть увидеть сон с вами. Можете использовать любые уловки с яркими предметами с уроков мистера Совершенство, можете начать говорить о чем-то и не заканчивать предложения — всё, что угодно. Не стремитесь выбрать человека, чьи тайны вам хочется узнать, чаще всего это не приносит ожидаемого результата. И да, Вячеслав, можешь не выполнять эту работу, зачет ты получишь в любом случае.

Да уж, похоже, эта дамочка не слишком утруждала себя планированием уроков и написанием лекций. Не прощаясь ни с кем, я прямо из класса шагнула в нашу с Жюлем комнату. Не вижу смысла игнорировать особенные сноходческие возможности и ходить по коридорам. Если, конечно, не намерен приснить себе, что встретил кого-то важного. Но не сейчас. Сейчас я не хотела ни с кем советоваться, потому как неспроста это именно индивидуальные сны — никто кроме меня не сможет лучше придумать, как зацепить кого-то

из близких. Часы в нашей комнате приветственно мигнули «Время подумать». Вот уж точно.

Сначала следовало решить, кого выбрать. Проще всего было присниться маме. Скажешь перед сном, мол, живот болит — и всё, мама спит беспокойно и думает о тебе. Но это было нечестно, так что этот вариант я отбросила почти сразу. К тому же меня немного беспокоило такое мамино поведение — она словно постоянно забывала, что я уже в выпускном классе, взрослый человек, между прочим. Без пяти минут студентка. Она же пеклась обо мне ровно также, как в младшей школе. И это было... душно. Так что нет, это не подходит.

Совсем другое дело папа. Даже если бы я хотела ему присниться, то скорее сломала бы голову, чем его можно зацепить. Такой он человек — живет рядом, читает книги вечерами после работы или рисует — такое у него хобби, а в то же время я ничего не знаю о нем. Нет, вру. Знаю, что он без памяти любит маму и меня. И всё. В остальном он терра инкогнита — неизведанная земля. Он знакомый незнакомец и где-то в глубине словно сдерживает опасность, но в то же время он тот, кто всегда рядом. На его руках я впервые поднималась так высоко, что сама себе казалась выше деревьев, он играл со мной и в куклы, и с водяными пистолетами, он же помогал мне выбирать мой первый телефон и встречал из школы, когда уроки заканчивались затемно. Нет, я ни в коем случае не хочу узнавать о нем больше, чем он готов мне предложить. Это будет совсем нечестно.

Вот так, перебирая одного за другим, я дошла до Лиски. Свету я безжалостно вычеркнула заранее представляя, сколько всего может вывалить на меня эта тихоня. Не нужно быть старым умником, чтобы знать, что тихони — самые страшные люди.

И когда я наконец определилась с человеком, в комнате материализовался Жюль. Обычно именно я приходила второй, это в этот раз Картина Георгиевна отпустила нас пораньше, так что мне пришлось наблюдать за появлением соседа. Всё-таки в первый раз в пустом пространстве было совсем не то. Интересно было то, что материализовался он прямо на диване, причем на «своей» половине. Уважает личное пространство — это хорошо.

Против воли я вспомнила рассказы Ники, и попыталась разозлиться на Жюля, благо он снова притащил что-то огромное, свернутое рулоном. Но тут он окончательно уплотнился и увидел меня. Губы его озарила такая улыбка, что я немедленно растаяла. А что поделать, тут, во снах, народ особо не баловал меня улыбками, всё больше кривые усмешки, да и в реальности вот так радостно улыбаться мне могли разве что дома. А это, как не крути, немного не то.

— Ты не против, если я гобелен с единорогом повешу, пока у меня работа над это темой не закончится? — заискивающе спросил он и с жаром добавил. — Потом я сам его сниму. И сожгу!

— Меня на сожжение только пригласить не забудь, — настроение у меня исправилось. Наверное, я не очень хороший человек, раз чужие проблемы позволяют мне немного меньше беспокоиться о моих собственных.

Хотя достаточно было представить милого Жюля с таким неподходящим ему зверским выражением лица, скачущим в воинственном дикарском танце вокруг горящего гобелена, чтобы губы сами растягивались в улыбку.

— Обязательно, — пообещал тот, закрепляя огромное полотно на возникшей перед ним стене. Довольно симпатичное изображение, между прочим. Такой средневековый единорог чуть повыше крупной собаки, преклоняющий колени перед девушкой в длинном платье со шлейфом.

Я решила поделиться своими горестями, чтобы и ему настроение поднять. А то нехорошо это так — всё время в одни ворота.

— Ого, — он почесал затылок. — Смотрю, мне еще повезло с моим единорогом. И что ты думаешь делать?

— У меня подруга — заядлый игрок, — пояснила я. — Если я пообещаю с ней сыграть в что-то новое, а потом отвлекусь на другое, она будет об этом думать, и во сне мне всё-таки придется сыграть. Только и всего. И сон будет без особых сюрпризов, и зацепить мне её точно удастся.

— О, — Жюль выглядел впечатленным. — Ты хорошо всё распланировала. А я вот подумал, то, как мы сейчас друг друга видим — это ты мне снишься, или я тебе?

Вот понятия не имею, зачем он это сказал. Теперь от этой прилипчивой мысли просто так и не избавиться!

— Думаю, не то и не другое, — нужно поскорее избавиться от этой мысли. — Это что-то совершенно третье.

Да, знаю, что звучит не очень, но что поделать, если всё вокруг нас «совершенно третье»? Зато, благодаря тому, что план я уже продумала, можно было наконец заняться уроками. Наверное, я слишком расслабилась, пытаюсь заставить себя сделаться прозрачной перед зеркалом, потому что Жюль застал меня врасплох.

— Она красивая, — он поднял голову от своих записей и теперь разглядывал гобелен, словно только сейчас обнаружил, что кроме ненаглядного единорога, на нем есть кто-то еще. Хотя, может, так оно и было. Я бы не удивилась. — Как ты.

Он и правда застал меня врасплох. Наверное, так можно оправдать то, что я сделала.

— Дурак! — сказала я и проснулась. И чуть не заплакала от досады. Хотя, кого я обманываю? Заплакала, конечно.

До звонка будильника было еще почти полчаса, но мое жалкое хныканье разбудило маму. Она появилась на пороге моей комнаты, сонная и растрепанная, своим видом вызывая еще большую досаду.

— Что случилось, солнышко? — пробормотала она, силясь открыть глаза. Я не горжусь этим, но от её слов я зарыдала еще громче. Нет, ну серьезно — мне уже шестнадцать исполнилось, а я всё ещё солнышко, котик и рыбка!

— Сон плохой приснился, — сквозь рыдания смогла проговорить я. Еще не хватало, чтобы она запаниковала и оставила меня дома.

Теперь в комнату заглянул папа. До меня донесся запах одеколona и кофе — папа вставал всегда на час раньше, ему на работу было к семи, поэтому почти никогда не видела его небритым и без галстука.

— Что за шум? — осведомился он.

— Вот, плохой сон приснился, — пояснила мама таким тоном, словно это ей привиделся кошмар.

— Пойдем завтракать, — всё-таки папа — человек с другой планеты. Никогда не угадаешь, что он предложит. — Только умойся сначала.

Полчаса сна было жалко, но возвращаться в кровать не хотелось, так что я поползла умываться, чистить зубы, и по пути на кухню на ходу расчесывать волосы. Когда я доплетала косу, в коридоре снова показался папа.

— Кофе стынет, — торжественно заявил он. — Где ты ходишь, снова уснула, чтобы разобраться с кошмаром?

— Саша, ну какой кофе, — заволновалась мама, услышав нас из спальни. Вообще-то папин черный как ночь кофе я сама боялась пить, но мамина реакция меня подстегнула.

Папа пододвинул ко мне тарелку с бутербродами и крошечную чашечку. На поверхности напитка кружилась золотистая пенка, а сам напиток был таким темным, что его страшно было подносить ко рту.

Я отпила и поспешно откусила от бутерброда.

— Ну как? — он смотрел не мигая. Похоже, и впрямь переживает за ответ. Не говорить же, что я так быстро заела бутербродом, что во рту только вкус сыра и хлеба?

— Вкусно, — ответила я и храбро отхлебнула еще глоточек. Было горячо и горько. И почему-то и впрямь вкусно.

— И что тебе такое приснилось, дочь? — спросил папа, наливая кофе теперь себе. Не знаю почему, но я ответила. А ведь маме не рассказала бы даже под пытками, которые она назвала бы заботой и сопереживанием.

— Мне мальчик сказал, что я красивая.

Произнесла и уткнулась в чашку, чувствуя, как краска заливает уши и щеки.

Папа негромко кашлянул и отпил глоток.

— А мальчик сам страшный как смертный грех? — уточнил он.

Выражение я это никогда до конца не понимала, но оно меня смешило. Вот и сейчас хихикнула и помотала головой.

— Наоборот, — пришлось признаться мне.

Папа нахмурил брови, якобы серьезно задумавшись.

— Не понимаю, — признался он. — А ты ему на это что ответила?

Я вздохнула, заново переживая свой провал.

— Сказала, что он дурак, и проснулась, — призналась я наконец.

Папа потрепал меня по плечу с непередаваемым выражением лица. Словно он хочет засмеяться и удивиться одновременно, но сдерживает оба желания.

— Дочь, красивой девочке вроде тебя на это достаточно ответить «спасибо», — серьезно произнес он. — Но раз этот наглец застал тебя врасплох, можешь ему отомстить. Если снова приснится, скажи ему, что он сам красивый. Пусть помучается.

Я засмеялась. Удивленная мама — уже не такая заспанная, в блузке и с юбкой в руках заглянула на кухню, привлеченная моим смехом.

— У вас всё хорошо? — с подозрением спросила она.

— У нас всё чудесно, — искренне ответил папа, пододвигая ей стул и наливая зеленый чай. Мама задумчиво уставилась сначала на меня, потом на папу и остановила взгляд на юбке.

— Хватит уже пытаться сильнее похудеть, и отдай эту юбку мне, — не удержалась я.

— Согласен с Олей, — быстрее, чем мама успела обидеться, произнес папа. — И я наконец-то со спокойной душой куплю пирожных. А ты, моя милая, такая еще красивее.

— Спасибо, — буркнула мама, открывая сахарницу и поочередно бухая в свой зеленый чай четыре ложки сахара.

— Вот, — папа подмигнул мне. — Именно так красивые девочки реагируют на комплименты.

— Чего? — мама непонимающе оглядела нас, сдержать смех было ужасно сложно, но я всё же справилась, ну не молодец ли я?

Правда, хоть утреннее происшествие и отвлекло меня от мыслей о Жюле, это чуть не

заставило меня забыть еще и тему практики. Я вспомнила её лишь к третьему уроку, да и то благодаря самой Лиске.

— Сыграем? — она потрясла шахматами. Да, за эти годы несколько шахмат мы потеряли, и заменили и взятыми из другого, не деревянного, а пластикового набора, а одного слона до сих пор заменял ластик с надписью ручкой «слон б.» — нет ничего более постоянного, чем временное, это всем известно.

Наверное, рефлекторно я вжалась в стул, потому что лицо её из довольного моментально сделалось кислым.

— Нет, я бы не против, но сколько можно в шахматы, — наверное, довольно жалко звучало то, как я мямлила, но возвращаться к плану нужно было немедленно.

Глаза Лиски загорелись.

— Я могу принести нарды, — предложила она. Ничего не знаю про нарды, кроме того, что я с ума сойду играть в них и никаких перемен мне не хватит. — Или го.

Никаких ассоциаций с названием игры го у меня вовсе не было.

— Или вот рэндзю, — продолжила она упавшим голосом. — Это почти как крестики-нолики. Немного сложнее.

Она определенно врала, но я готова была на эту жертву. Сданная практика того стоила.

— Приноси, — разрешила я. — Но только правила объясни, чтобы я с первого раза поняла, а то нечестно будет.

Не знаю, если это её не зацепит, то ничего не зацепит. И придется выбирать кого-то другого. Я отчаянно трусила, что у меня не получится с первого раза сдать нашу самую первую практику. Да, глупо, но всё равно было страшно. Заранее представляю, на ком Кошмарыч будет демонстрировать страшные сны, связанные с неисполнением завышенных ожиданий. Особенно собственных.

Но, к моему большому облегчению, Картина Георгиевна появилась уже на первом уроке. Понятия не имею, как ей позволил это Кошмарыч, с другой стороны, она ректор, ей многое позволительно.

— Чудесная ночь! — объявила она, появляясь из воздуха сразу сидящей на кафедре. — У нас прекрасный улов, у всех получилось. Так что сегодня все прочие уроки отменяются, будем смотреть по очереди всех.

— А зачем тратить время на просмотр? — это Дмитрий. Похоже, не одну меня это смущало. Нет, правда. Ладно, если мы и впрямь с Васькой будем играть в эту... ре... ренд... зи. А если нет? Как выдаст мне что-то совершенно не то, и буду я в панике решать, как сон не испортить, и всё это под восьмью парами глаз!

— Это вы узнаете позже, — загадочно ответила Картина Георгиевна. — Но дам подсказку — смотреть надо очень и очень внимательно.

Вообще-то не такая уж сложная задачка. По предыдущему дню было понятно, что будут вопросы по отличиям поведения каждого из нас со своими близкими и в группе. И это немного нервировало. Один за другим одноклассники исчезали, чтобы появиться в шаре, а затем вернуться обратно. Вид у них при этом был ошарашенный, но не слишком. Я лишь надеялась, что не буду последней.

Почему-то, когда я собиралась идти в этот Университет, меня не смущала мысль о том, что я буду видеть что-то настолько личное, как чужие сны, но что это работает и в обратном направлении, застало меня врасплох.

Наконец и я почувствовала, как меня словно что-то тянет за пояс. Из небрежный

объяснений Картины я знала, что нужно просто позволить этому невидимому тросу утянуть за собой, что я и сделала. Когда исчезали другие, проходила пара минут, прежде чем они появлялись в шаре, но я не почувствовала никакого промедления.

Я просто шагнула и оказалась в комнате... совершенно незнакомой мне комнате.

— Я так рада, что ты зашла! — мне навстречу с дивана поднялась Света. Я просто почувствовала, как начинает дергаться веко. Она вообще как, разве была рядом, когда мы разговаривали с Васькой? Хотя что за ерунда, конечно была.

— Я тоже рада, — машинально ответила я, чтобы не запороть сон.

— У меня целая гора кексов и рэндзю, — объявила Света, лучась довольством. — Сыграем?

Кексы? Я внимательно посмотрела на неё. Но нет, Света во сне была точно такой же пышечкой, как и в реальности. Только тут её больше не беспокоило. Как не беспокоило мою маму, которая просто точно знала, что она красивая. Может, та Света, что во сне, тоже обладает этим знанием? Я снова оглядела подругу, но уже новым взглядом и еле удержалась от того, чтобы закрыть лицо руками. С чего мы все взяли, что Светка пухлая или, говоря её собственными словами, «жиртрест»? От неё, всё верно. А свои глаза у нас где были? И почему мы никогда не пытались её разуверить? Подруги. Подруженьки. С такими друзьями и врагов не надо.

Света, конечно, не была тоненькой тростинкой, зато являлась счастливой обладательницей очаровательны ямочек на щеках и фигуры, на которой особенно хорошо должны были смотреть пышные юбки. Те самые, которые Света избегала, не желая быть «бегемотом в пачке».

— Я с удовольствием, но не умею, — честно призналась я.

— Я тебя научу, — обрадовалась Света, даже засветилась вся. Её мелкие, едва заметные веснушки на носу золотились от падающего из окна солнечного света. Я с трудом удержалась от попытки узнать, где мы находимся, выглянув на улицу.

— А ты откуда научилась? — вместо этого спросила я. — Васька научила?

— Нет, — на лицо Светы набежала тень, но лишь на мгновение. — Она только с тобой пытается играть, на остальных она сразу крест поставила.

У меня была тысяча вопросов, не меньше. Почему раньше мы никогда не бывали у Светы дома? Правда ли она умеет играть в эту... рэндзю? Ест дома кексы? Понимает, какая она красивая? Но вместо этого я ухватилась за чашку с чаем как за спасительный круг.

Пусть мы не успели обсудить сны близких моих одногруппников, по одному вчерашнему примеру я успела понять, что во снах всё часто не так, как кажется. И поэтому я ужасно боялась ошибиться. Сидела и пила чай, заедая кексами.

Рэндзю я так и не научилась играть, но, похоже, Свету это не слишком расстроило. Я под конец почти расслабилась, но всё равно выдохнула с облегчением, когда свет мигнул, и сон свернулся, выбрасывая меня обратно в класс.

Картина Георгиевна кивнула мне, и весь класс повернулся к Анне Васильевне. Была её очередь. Нашей пожилой даме пришлось снится старичку, который, похоже, и был её мужем. Они просто сидели рядом, он в больших очках читал газету, а она в очках не меньше вязала. Нам не было слышно, но, казалось, они едва перекинулись парой слов, но почему-то смотреть на это было куда более смущающе, чем на все предыдущие сны.

Последним снится отправился Мортимер. И всё бы неплохо, у таких серьезных маленьких мальчиков часто бывают старшие друзья — с ровесниками им не интересно, если

бы тем, кто ему приснился, не был Вест. Вест! Да, тот самый Вест, который и сам должен был быть на уроках! Я не понимаю, как я выдержала и не вскрикнула, но вот с лицом я, похоже, совладать не смогла, потому как вернувшийся Мортимер насупился и уставился на меня исподлобья. Будто это я, а не он жульничаю. Я пока не понимала, как именно он жульничает, но что так быть не может, было ясно и мне.

— А теперь, когда мы все успешно закончили первый этап, переходим ко второму, — излишне бодро сообщила нам Картина Георгиевна. — Завтра вам снова придется присниться этим же людям, но уже не своим близким, а чужим. Как перекидывать сон на другого, я покажу вам завтра, личину тоже поправлю сама, как и голос — вы пока на это не способны. Вам же сейчас придется разбиться на пары и уточнить важные моменты, касающиеся близких вашего напарника.

— Можно мне быть в паре с Мормом? — я даже подняла руку как в школе, не обращая внимания на то, что мальчишка надулся как мышь на крупу.

— Нет, Ольга, на первой практике мы не меняем мальчиков с девочками, — усмехнулась Картина Георгиевна. Зуб даю, эта женщина прекрасно поняла, почему я хочу с ним меняться! Не может быть, чтобы она не знала Веста, она точно вела у него уроки!

Новая мысль заставила меня успокоиться. Действительно, Картина Георгиевна и сама знает, что Вест сейчас вряд ли спит. То есть, спит, конечно... Я окончательно запуталась и решила отдать это на откуп преподавателям. Они должны разбираться в таких вещах сами, разве нет?

Пока я предавалась размышлениям, нас быстро разделили по парам. Мортимер оказался с Дмитрием, который в своем сне сдавал книги в библиотеку и обсуждал одну из них с тощей библиотекаршей, а мне досталась Анна Васильевна. Повезло так повезло.

— С моим Никитой можно и не разговаривать, — успокоила меня Анна Васильевна. — Он просто любит меня и во сне и наяву.

Её слова прозвучали бы как хвастовство, если бы не было сказано таким спокойным тоном, что я сразу поняла — это абсолютная правда.

— О да, Анна Васильевна снится своему супругу каждую ночь, тут тебе повезло, Ольга, — это неслышно за нашими спинами появилась Картина Георгиевна.

— А я вот так успокоить вас не могу, — призналась я. — Мне должна была присниться другая моя подруга, а у этой я и в гостях на самом деле никогда не была, и кексов она не ест, и в эту рэн... рэ...

— Рэндзю, — любезно поправила меня Анна Васильевна.

— Во, — обрадовалась я. — В неё она со мной не играла. Да я и не умею тоже. Хотя сегодня, похоже, научусь.

— Я умею в неё играть, — успокоила меня Анна Васильевна и улыбнулась, видя мое удивление. — Ну что ты, Олечка, думаешь, я совсем темная? Когда-то мы с Никитой тоже были молодыми...

Я растянула губы в улыбке и закивала как китайский болванчик. Конечно, я знала это. Но знать и понимать — вещи вообще не слишком совместимые, как оказалось.

Ректор показала нам, как перекидывать сон на напарника, такое легкое почти незаметное движение руки — сомневаюсь, что реально что-то получится, и уроки закончились. Удивительно, но практика и впрямь отняла время все прочих занятий.

Я в общем-то недолго размышляла, куда мне податься, и сразу после уроков направилась в комнату отдыха, рассчитывая встретить там Нику или — что еще лучше! —

Веста. Вот бы сейчас я расспросила его про Мортимера. Интересно, а мои одноклассники за эти несколько недель успели обнаружить комнату отдыха, или до сих пор нет? О Жюле я старалась не думать. Мне вроде бы и немного стыдно было — взяла и назвала дураком, ну кто так делает, и вроде не оставляло ощущение, что он всё равно сам виноват. Не нужно было заставить меня врасплох!

Окончательно же о нем забыла, когда оказалась на любимой подушкой и с чашкой какао — удивительное всё-таки место! Мимо меня медленно продрейфовала подушка, на которой вниз головой сидела Ника.

— Так и думала, что ты придешь, — сообщила Ника, болтая в воздухе ногами. — У вас уже должна была начаться практика.

— Тебе так удобно? — я попробовала перевеситься через подушку, но коса моталась, била по лицу, и голова начинала кружиться.

— Вполне, — отозвалась подруга. — А почему ты не в своей комнате учишься?

— Так практика же, учить ничего не надо, — ответила я самым небрежным тоном, какой только можно было вообразить.

— Поссорились, — догадалась Ника, и быстро добавила. — Не бери в голову, я тебе уже говорила, практики не дружат с теоретиками.

— Ага, — попыталась перевести тему. — Слушай, а как может быть так, чтобы кому-то из группы на практике приснился сноходец, который тоже сейчас учится в Университете?

— О, — Ника вместе с подушкой перевернулась, садясь прямо. — Ну не знаю. Самое простое объяснение — ты ошиблась. Шар не такой уж большой, черты лица в нем видны не слишком хорошо. Еще, конечно, тот сноходец, что выступил сновидцем, мог уснуть на занятии или прогулять. Но это прямо сильно напоминает выдумки — с чего кому-то так стараться? Так что, думаю, ты просто ошиблась.

— Наверное, ты права, — согласилась я, ничуть не успокоенная её объяснением. Похоже, придется всё-таки искать Веста, а пока сосредоточиться на том, чтобы как можно лучше выполнить свою роль Анны Васильевны. Как минимум, надо попытаться научиться имитировать вязание спицами.

С этой мыслью и проснулась. Стоило мне начать ворочаться, как в комнату заглянул папа. Меня снова обдало этим знакомым и родным запахом кофе и одеколona.

— Не ревешь? — деловито спросил он. — А то я кофе специально сварил побольше. И пирожные со вчерашнего вечера остались.

— Пирожные — это хорошо, — я задумалась, как помягче намекнуть папе, что без кофе я вполне обойдусь, и чтобы он при этом не обиделся. Ничего не придумала и решила отвлечь от скользкой темы. — А вот мне нужно научиться вязать на спицах. Срочно.

— Какие у тебя сны увлекательные, доча, — восхитился папа, уходя обратно на кухню. — Тоже что ли начать что-то делать, как проснись?

— Начни новую картину! — прокричала я ему вслед и потянулась. Он и правда рисует одну и ту же уже почти месяц — хочет, чтобы золотая осень вышла как можно более похожей на настоящую. А за окном уже и деревья облетели, и лужи по ночам начали покрываться пока еще совсем тонким, но льдом.

А мне после школы следовало попытаться счастья самой с мамиными спицами, а затем, когда не получится, дождаться её и попросить помочь. Нет, я вовсе не отношусь к тем, кто считает себя проигравшей еще до начала игры, но вязание и шитье — это те вещи, которые мне никогда не удавались. А еще я не люблю домашние растения. Похоже, быть Анной

Васильевной сложнее, чем могло показаться сначала.

Если мне в чем-то и повезло, так это в том, что Анна Васильевна ничуть не лукавила — она и впрямь снилась своему мужу каждый день. Так что из группы нырять в чужой сон под чужой личиной мне предстояло первой. Немного страшно, но зато можно быстрее закончить и забыть об этом эксперименте. Да и Картина Георгиевна еще не веселилась, серьезно подходя к делу. Почему-то казалось, что ей ничего не стоит забавы ради изменить что-то в личине или голосе.

Но пока она без улыбки водила кисточкой над моим лицом и руками, и я с ужасом чувствовала, что это не просто грим или оболочка, которые я ожидала получить. Мои пальцы стали чуть короче и толще в суставах, а еще они заболели. Не сильно, такая монотонная тянула боль, словно я отлежала обе руки сразу, но достаточно, чтобы запаниковать. Видимо, мой прототип почувствовала это — Анна Васильевна схватила меня за руку и, пристально глядя в глаза, шепнула:

— Это временно.

Я осторожно высвободила руку — тонкая кожа была сухой и ранимой, и отвернулась. Неужели именно она совсем не понимает?

Мне дали несколько минут, чтобы привыкнуть ощущать свое тело, но мне требовалось больше. Куда больше. Как можно привыкнуть к тому, что цвета вокруг словно с поблекшей фотографии? А эти болезненные ощущения в суставах, в спине, постоянная сухость во рту — разве всё это можно уместить в несколько минут?

Но ректор безжалостно кивнула Анне Васильевне, и та неожиданно ловко для своего возраста накинула на меня невидимую петлю, которая утянула меня в сон.

Некоторое время я просто стояла посреди комнаты, пытаюсь привыкнуть к необычному месту. Запахи, звуки — мне никогда раньше не давалась так тяжело новая обстановка. Спас меня сам сновидец.

— Анечка, ты очки ищешь? — ласково спросил он и протянул футляр.

Я откашлялась — звук получился сиплый и тихий, а горло сразу заныло.

— Спасибо, — просипела я, падая в кресло. То есть, это я считала, что просто плюхнусь на то место, которое уже видела в шаре. На деле же мне пришлось примеряться и медленно опускаться рядом. Паника поднималась всё сильнее, уже мешая дышать. Я тоже стану старой, да? Вот такой же? Не хочу! Я боюсь! Выпустите меня!

Похоже, меня затрясло потому что старичок Никита обеспокоенно отложил газету и снял очки.

— Всё хорошо, Анечка? — спросил он. Я глубоко вдохнула и задержала дыхание. Я не имею права пугать этого человека, который зовет маленькую старушку, у которой всё болит, «Анечкой» и видит её во снах каждый день.

Я просто закачу потом истерику. Дома. Когда проснусь. Пусть папа поит меня кофе, а мама делится пирожными. Но здесь и сейчас я должна справиться, пусть жизнь и не готовила меня к этому. Я вообще не собиралась думать о старости — это слишком далеко и никогда, слышите? Никогда не случится со мной!

— Я просто вспомнила, как мы познакомились, — ляпнула я первое, что пришло в голову, и запоздало испугалась — вдруг сейчас придется вспоминать, а я и не знаю ничего?

Не пришлось. Старичок просто взял меня за руку — осторожно, чтобы не сделать больно, и прикрыл глаза. Наверное, у него текли слезы. Я не могу сказать точно, потому что у самой глаза были мокрые.

— Я тебя люблю, Анечка, — прошептал старик прежде, чем мир свернулся — у стариков часто бессонница или поверхностный, часто прерывающийся сон. Об этом я слышала.

Я перенеслась в класс, чувствуя себя двояко: словно украли это признание у Анны Васильевны, и в то же время не желая отдавать его, самое первое признание в любви, которое я слышала.

Кажется, мои щеки всё ещё были мокрые, хотя личина спала, едва я выбралась из того сна. Я думала, Картина Георгиевна будет ругать меня за провальную практику, но та снова сумела удивить меня.

— Ольга, молодец, — отрывисто произнесла она. — Немедленно просыпайся и засыпай в локацию колодцев. Тебе нужно передохнуть и успокоиться. Анна Васильевна, вы пойдете в сон Оли завтра.

А я, что я. У меня не было даже сил спорить. Я кивнула, и, избегая сочувственных взглядов одноклассников, проснулась. Не меньше минуты я пялилась в темный потолок прежде, чем снова провалиться в сон. Тот самый, в котором вдалеке шумит лес, а вокруг колодцы, манящие прохладой и звездами.

— Не хочу становиться старой, — выпалила я, едва мы с Васькой и Светой встретились, чтобы вместе идти в школу. Точнее, я пришла к Василисе, а Света сидела у неё. Наверное, она живет неподалеку, иначе я просто не понимаю, как она добирается в такую рань. — Старость ужасна.

— И тебе доброе утро, — откликнулась Васька, отчего-то раздраженная, словно ей всю ночь снилось такое же, как мне. И нет, не колодцы, а вот это ощущение старости самой себя.

Она с мрачной решимостью закинула в сумку доску для рэндзю, и я через силу улыбнулась. Похоже, эта игра должна была настичь меня и в реальности.

— О, чего вспомнила! — вдруг заговорила Света. — Мне тут странный сон приснился, будто мы с Олей играли в эту штуку.

— Чудесно, — буркнула Васька, надевая сапоги. — Даже во сне со мной никто не играет, только с кем-то другим.

Наверное, она шутила, но мне стало не по себе, будто я её и впрямь подвела.

— Что с ней? — шепотом спросила я у Светы, когда Васька прямо в сапогах прошла в комнату за забытой там второй обувью.

— Это всё ты со своей старостью! — неожиданно заявила та. — Будто не знаешь, что, пока бабушка у неё была жива, она с ней жила, ходила в другую школу и в никакие походы родители её не брали. Она очень скучает.

— Точно, — пробормотала я, а вернувшаяся Васька избавила меня от необходимости врать дальше. Потому как ничего такого я не знала. Может, Васька скрывала это от меня? Но почему? Это не та информация, которая могла значить что-то особенное. Уж в такой-то я разбиралась отлично — у меня всегда были уши на макушке, стоило где-то произойти чему-то грандиозному.

Просто удивительно, как каждая новая проблема успешно отвлекает меня от предыдущей! Если так пойдет дальше, то я погрязну под ними и уже никогда не смогу выпутаться. Начать, наверное, стоит с самого простого. Теперь, когда я обнаружила, сколько странного и непонятного происходит вокруг меня, ссора с Жюлем уже не казалась чем-то серьезным. Скорее наоборот, я не была уверена, что понимаю, чего так разозлилась. Но и как теперь вернуться, не могла придумать.

— Ты всё ещё о старости думаешь с таким лицом? — поинтересовалась Васька резким голосом. — Не стоит переживать, несколько десятков лет тебе не о чем волноваться.

— Я и не волнуюсь. Точнее, не об этом, — пояснила я. — Я тут сделала глупость, и думаю, как теперь извиниться.

Васька с отстраненным лицом хмыкнула и отвернулась. И я с досадой поняла, что она приняла это на свой счет. Да что же это такое!

— Извини, если задела тебя, — слова вырвались сами собой. Я даже удивилась. Обычно так непросто просить прощения — просто свихнуться можно. Но тут я не была виновата по-настоящему, по крайней мере, не в этом, и поэтому извинение далось легче.

Васька склонила голову, показывая, что слушает.

— Я не специально, — продолжила я. — Но я еще обидела одного мальчика. Тоже нечаянно, пожалуй. И вот не знаю, как извиниться.

— Никак, — предположила Света. — А что? Мальчишки сами сто раз обидят и не извинятся. И вообще, загордится еще. С ними так нельзя.

С такой точки зрения я не рассматривала. Я вообще сказала «мальчика», потому что не могла же назвать Жюля по имени, нет?

— Мальчишки не извиняются, это точно, они странные, — согласилась Васька. — А что за мальчик?

— Да так, — я решила немного схитрить. — Ерунда. Я другое хотела сказать. Мне одна подружка, вы её не знаете, не из нашей школы, комплимент сделала, а я думала, она смеется, обозвала её и сбежала.

Мне пришлось остановиться, потому что и Светка, и Васька замерли с открытыми ртами. — Вот ты чудила, — наконец отмерла Васька. — Это же обычное дело. Или она раньше над тобой смеялась?

Я подумала о Жюле и его мягкой улыбке, и помотала головой.

— Значит, извинись и поблагодари, — почти что приказала Васька, ускоряя шаг. К школе мы добрались практически бегом.

— А если бы такое произошло с мальчиком? — уточнила я и поспешно открестилась от новых вопросов. — Просто на всякий случай узнаю.

— Мальчишкам постоянно что-то надо, просто так они хорошего не делают, — отрубил Васька и направилась в раздевалку. Надо же, и это их мальчиков считаем странными...

— Тебе снова кто-то нравится? — прошептала Света с самым загадочным видом. Я отмахнулась. Причем тут это, в самом деле.

Для себя я решила, что поступлю как советовала Васька. Только ненадолго забуду, что Жюль из племени этих странных мальчишек, которые что-то хорошее делают только для каких-то своих непонятных целей. Представлю на его месте девочку. Ваську ту же. И извинюсь.

Я специально легла спать пораньше, решив не дожидаться конца уроков. Конечно, мало шансов, что Жюль в это время окажется в нашей комнате, но...

Он был там.

Дремал на диване, обхватил обеими руками наш электронный будильник, который мигал призывным «Пора мириться».

Я села рядом. Жюль заворочался, крепче прижимая к себе будильник, но не проснулся.

— Спать во сне — очень странно, — заявила я, дергая его за челку. — Я тут подумала и решила, что ты должен знать. Это ты красивый. И извини.

Вот я и успела. Выпалила это всё, пока Жюль пытался проморгаться — не мои проблемы, что он так долго просыпается!

— О, — Жюль уставился на меня, а потом на будильник. Тот всё ещё мигал той же надписью. — А я хотел тебе присниться. Но никак не получалось. Я собирался тоже извиниться.

— Ты-то зачем? — я обрадовалась, что успела первая. Вот приснился бы он мне и давай извиняться — я бы вообще перестала что-либо понимать!

— Папа говорит, что лучше извиниться, когда не знаешь, в чем виноват, чем из-за молчания так это никогда и не узнать, — торжественно заявил Жюль и, прежде, чем я успела смутиться, предложил: — А теперь, раз мы квиты, как насчет рассказать, где ты пропадала?

— Точно! — я никогда бы не сказала Жюлю, как благодарна ему за эту смену темы, но надеялась, что он и сам догадается. — У нас же идет практика и какая!

Наконец-то я могла рассказать всё и не бояться, что меня неправильно поймут. Почему-то Жюль быстро стал для меня тем человеком, который просто обязан был все понимать правильно.

— Страсти какие, — Жюль обнял себя руками. — Бедная. А я ведь только успел пожалеть, что учусь на теории, а не на практике.

Удивительно, обычно, когда меня жалели, я или злилась, или тоже начинала с полной самоотдачей жалеть себя и просто тонула в слезах и соплях. Но вот меня пожалел Жюль, и всё, что мне хочется сделать — это доказать ему, что всё совсем не так плохо.

— Интересно, младенцем тоже могут сделать? — расхрабрилась я настолько, что вчерашнее приключение больше не казалось мне мрачным. Если подумать, куда печальнее было Анне Васильевне — ей предстояло стать мной, а потом вернуться.

— Совсем крошкой — нет, — отозвался Жюль. — Их на четвертом курсе придумывают теоретики. Говорят, любимый факультатив девочек. Наконструируют хорошеньких как ангелочки малышей, а потом повально сны с ними идут.

— Это даже хорошо, — рассеянно ответила я, думая о своем. Отчего-то я почувствовала усталость, словно весь день таскала мешки. В некотором роде так и было — этот груз вины и впрямь лежал на моих плечах.

— Пора на уроки, — сообщил Жюль, кивком указывая на будильник. — Не пропадай больше.

— Я постараюсь, — пообещала я ему, и шагнула в класс.

Все словно ждали одну меня. Хотя почему «словно»? Судя по всему, так оно и было. Вся группа прошла этот этап практики, и осталась только я со своим сном и Анной Васильевной. С смешанным чувством я наблюдала за тем, как кисточка Картины Георгиевны смывает с лица старушки морщины, выпрямляет и истончает пальцы, как она становится прямее, а её легкие как пух волосы оборачиваются длинной тяжелой косой.

А потом мои руки словно сами махнули сложным узором, я лишь мгновение почувствовала под пальцами словно теплую струю воздуха, и Анна Васильевна исчезла.

Все зашевелились, и только сейчас я поняла, что никто не дышал, пока не завершила переход моего двойника. Сергей начал негромко рассказывать, как Аня напугала сестру Джейн, поведя себя совсем не так, как та, но в последний момент сообразив как всё исправить. Она заставила свои наложенные черты «потечь», отчего в её оценке преобладали багровый и бурый цвета. Аня во время этого рассказа сидела с непроницаемым лицом, но я чувствовала, что своей выходкой она довольна.

Я же только собиралась спросить, о каких оценках идет речь, когда Картина Георгиевна положила передо мной значок. Снова раскрытый зонтик, на котором преобладали светло-синий и темно-розовый цвета.

— Легкая грусть и нежность, — пояснила ректор в ответ на мой немой вопрос. — Довольно редкое сочетание. Даже жалко...

— Что жалко? — я прикрепила уже второй свой значок на одежду. Наверное, стоит завести для этого специальную ленту или что-то вроде того. Превращаться во второго рыцаря мне не улыбалось.

— Жалко, что редкое сочетание, — неожиданно резко ответила Картина Георгиевна и, смягчая свой ответ, улыбнулась. — Это очень хороший тип снов. Тот самый, про который

говорят, что проснулся новым человеком. И твоя подруга проснулась с этим настроением, и супруг Анны Васильевны. Поэтому я не снизила оценку за то, что ты приснилась не той, которой собиралась.

Кажется, я покраснела. С другой стороны, а почему я надеялась, что никто этого не вспомнит? Учителя часто видят куда больше, чем нам кажется. Видимо, во снах ситуация такая же.

Пока я пыталась перестать так откровенно сдавать себя и вернуть себе наконец нормальный цвет лица, рядом с нами снова появилась Анна Васильевна. Она выглядела чуть задумчивой, но не плакала. Наверное, до слез умудрилась довести себя только я. Ох, как стыдно-то!

— Как вы понимаете, всё это было только разминкой перед настоящей практикой, — не обращая внимания на наш тревожный гул, объявила Картина Георгиевна. — Теперь вы должны присниться незнакомцу. Используйте любые уловки, которые вы изучаете на уроках мистера Совершенства или любые иные, чтобы зацепить кого-то достаточно, чтобы привидеться во сне. Заговаривать — лишь в самом крайнем случае. За это оценка будет снижена. На выполнение этого задания вам дается неделя. Нет никаких ограничений на личность. Вы можете рассчитывать присниться кому-то конкретному из пассажиров автобуса, но если даже вашим сновидцем станет водитель, оценка не изменится. Точное попадание, как и характер сна будет вырабатываться позже, не на первом курсе. Сейчас мы оцениваем только ваш потенциал. И за вашими попытками будет вестись наблюдение, разумеется. Потом эту практику вы будете разбирать с преподавателями, с чьими специфическими знаниями столкнетесь во время сна. Если ваш сновидец будет вами увлечен, разбор проведет мистер Совершенство, если сон будет в воде — Тритон, и так далее. Работа это индивидуальная, и в процессе вы вполне возможно познакомитесь с новыми для вас преподавателями.

Тогда я еще не знала, конечно, что она мне накаркала.

Все будние дни следующей недели я посвятила поиску сновидца. Я раздобыла яркие пластмассовые клипсы в виде крупных земляничин и выпросила у мамы ярко-желтое пальто. Маме оно давно было тесно в плечах, да и такие кислотные вещи даже молодежь решалась носить нечасто, так что заполучить пальто было несложно. Если Васька и Света что-то и подумали о моем внешнем виде, то предпочли оставить это при себе, за что я была им очень благодарна — сама я чувствовала себя неудобно, привлекая внимание людей на улице.

Нет, ладно кто-то обсмеет, а вот как приснюсь какому-то психу ненормальному! И что делать тогда? А если того уже — какой-нибудь псих попытается прямо в реальности подойти познакомиться? Хоть бери лопату или грабли в гараже и с ними по городу ходи. На всякий случай. Опять же, больше шансов заставить кому-то в мысли и присниться. От этой мысли меня отвратило только нежелание сниться кому-то с лопатой. Ничего хорошего от такого сна ждать не приходилось.

Уроки тем временем снова вернулись в свою колею. Преподаватели хитро смотрели на нас, словно безмолвно агитируя за свои предметы, но вслух ничего не говорили. Исключением был рот, но тот просто не мог на нас смотреть. Поэтому он довольствовался тем, что загадочно вздыхал.

Первой исчезла Аня. Прямо посреди лекции госпожи Нострадамус — она рассказывала нам про сонники и использования их для смешивания деталей сна. Вообще-то этим занимались теоретики, но в общих чертах должны были знать и мы. Странно, я была уверена,

что это сны трактуют по сонникам, а не наоборот — составляют сны по трактовке из книги. Но лекция была интересная.

Когда Аня просто испарилась, госпожа Нострадамус не повела и бровью.

— Не забудьте поделиться с девочкой конспектами, — заявила она, и продолжила рассказ.

Обратно Аня вернулась в середине следующего урока, который вел Кир Анемподистович. Тот лишь кивнул ей и продолжил вести урок.

Между уроками, когда мы все сгрудились вокруг Ани, перед ней возник планшет с прикрепленным листком бумаги, на котором значились имена преподавателей и стояла оценка в форме закрытого зонтика. Из имен знакомыми были только Рот и мистер Совершенство.

— Я приснилась какому-то начинающему гитаристу, — краснея от всеобщего внимания, начала рассказывать Аня. — Он играл, а я должна была хлопать и говорить, что он просто гений. А за дверью был шум от толпы, которая ждала своего кумира. Но мне не сложно было, он и впрямь хорошо играл. Мне понравилось.

Потом по очереди исчезали остальные, Анна Васильевна и Сергей и вовсе исчезли почти одновременно, хотя я даже представить не могу, чтобы они приснились одному и тому же человеку. Наверное, просто совпадение.

Когда наконец пришла моя очередь, я уже вся извелась. Да и выглядеть на улицах каким-то чудом-юдом тоже уже наскучило.

Меня уже привычно повело словно на канате, и я позволила сну увлечь меня за собой, лишь расстроившись, что случилось это между уроками — прогулять лекцию Тритона я бы не отказалась, он вечно переливал из пустого в порожнее, словно вот такая вода в лекции тоже входила в круг его интересов.

Сон встретил меня жарким и влажным воздухом. Я огляделась и обнаружила, что нахожусь в джунглях. Стоило сразу насторожиться, но я, конечно, обрадовалась. Выделиться хочется любому, и я не верю в обратные утверждения. Сама тоже всегда говорю, что мне это неважно.

Рядом стоял сновидец. К слову сказать, его я за эти дни рядом с собой не видела, это было странно. Не то, чтобы я была уверена, что запомнила всех и каждого, но этот сновидец был ненамного старше меня, и обладал довольно примечательной внешностью. В последнее время мне просто везло на красавчиков, вот и этот парень был довольно симпатичный. Густые пушистые ресницы — девчонки бы от зависти полопались! — обрамляли выразительные темно-синие глаза. Уже второй парень с такими роскошными ресницами, я ведь только едва-едва к Жюлю привыкла! Светлые волосы же были уложены красивой стрижкой, но сзади спускались на шею крупными завитками. Не самая подходящая прическа для джунглей, да и вообще он не выглядел как заядлый путешественник.

— Опасность! — парень, не дав мне как следует оглядеться, схватил меня за руку и притянул к себе в объятия. Ну надо же, как кислотно-желтое пальто на людей действует! Тот мама его так любила! — Мы можем погибнуть!

Вот говорил он какую-то чепуху, да еще и с небольшим акцентом. Странно, я уже привыкла полностью понимать во снах всех, а здесь было немного иначе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты слышишь?! — продолжал нервно дергать меня за руку незнакомец.

Я хотела была вырваться из его объятий и строго внушить, что он забывается, когда

услышала этот звук. Нет, в фильмах я не раз отмечала, как нагнетается обстановка шевелением травы вокруг главных героев или шипением и шорохами. Но сталкиваться с этим в реальности мне не приходилось, а именно это сейчас и происходило.

Теперь я сама ухватилась обеими руками за сновидца и завизжала. Не горжусь этим, но в тот момент мне показалось, будто я слышала, что громкие звуки пугают хищников. Не знаю, что там с хищниками, но своего вынужденного соседа я напугала до нервного тика. Я бы с удовольствием еще посмотрела, как у него дергается глаз, если бы высокие травы в этот момент не раздвинулись, и на наш пяточок поляны не выползла огромная змея.

Похоже, именно о ней и говорил незнакомец-сновидец. Мелькнула подлая мыслишка, что если у него тут и так есть эта красавица, то непонятно, зачем ему еще и я. Но мысль эта быстро пропала. Потому что это я прекрасно понимала, что нахожусь во сне, а вот парня уже трясло как в лихорадке, и для него все было по-настоящему.

Змея была не просто огромна, она была толста как бочка и невероятно безобразна. Её большие глаза были прикрыты пленкой, а из открытой пасти торчали кривые острые клыки. Мне понадобилось всего пару секунд, чтобы понять, что сейчас нас будут есть. Или сначала душить, или прямо так живьем. Увлечение каналом про жизнь диких животных не прошло для меня даром, и сейчас я со всей ясностью представила, что нас ждет. Наверное, надо было попытаться сбежать, но я не могла. С трудом сдерживая тошноту — образное мышление мне сейчас скорее мешало, чем помогало, я на подгибающихся ногах шагнула к чудовищу.

— Нет! — отчаянно завопил сновидец, как будто я собиралась закрыть его от змеи или еще что-то такое же глупое. На деле же я просто отодвинулась от него туда, где еще было место. Двоих змея сразу бы не проглотила, но я не хотела даже знать, что она может сделать в таком случае. Была еще одна идея, глупая, но не хуже давешнего визга.

«Пусть ты будешь вроде василиска, — твердо глядя на змею, внушала я ей мысль. — Не душить и не глотать. Окаменить и всё. Это же сон, будь василиском».

Наверное, стоило внушить, что она маленький и безобидный ужик — успела подумать я, когда руки и ноги перестали слушаться. А потом я умерла.

В ушах некоторое время еще звучал дикий вопль сновидца. Кажется, он даже кричал что-то вроде «Я люблю тебя!». Не везет мне с этим — вечно признаются в любви какие-то незнакомые и просто чужие люди. Еще мгновение спустя исчезло и это. Не стало ничего, я окончательно умерла. Это было странно. Словно какая-то моя частичка продолжала существовать ровно для того, чтобы напоминать мне, что меня больше нет. Невероятно странно и утомительно.

Правда, долго я так пролежать в бесконечном ничего не сумела, какой-то настырный звук становился всё сильнее и сильнее, и игнорировать его я уже не могла. Оказалось достаточно сосредоточиться, как звук превратился в слова.

— Ольга, прекращайте придуриваться, вы уже не в том сне и не окаменевшая, — я обнаружила, что мои глаза видят, и не просто видят, а в упор смотрят на склонившегося надо мной Черного рыцаря. Кошмарыч поджал губы, обнаружив, что я на него смотрю.

— Имейте совесть, вы и так всех перепугали, — продолжил он, и я поняла, что тело меня слушается, и я вполне могу опустить руки вдоль тела и вообще сесть. Что я сделала.

Снизу вверх я оглядела окружающих меня людей. Это были и мои одноклассники с испуганными лицами, на глазах Джейн даже выступили слезы, и посасывающая старинную трубку сама полукошка Картина Георгиевна, и психолог, и Гиена Огненная, ну и сам Кошмар Кошмарович, разумеется.

— Я думаю, вы специально такие фокусы отмачиваете, Ольга, чтобы я от вас отказался, — заявил Кошмарыч с мрачным видом, вытирая лоб платком. Если бы я не знала, что не являюсь его ученицей и, значит, отказаться он от меня не может, или же меньше следила за его мимикой, я бы приняла его слова за чистую монету. Но только Кошмарыч снова изволил шутить. Не иначе как от облегчения. Интересно, чем это я его так напугала?

— Я бы тоже поработала с девочкой, — хищно улыбнулась Гиена. — У неё есть талант по моей части. Превратить гигантскую анаконду в волшебное существо одним желанием — это талант. Талантище! У нас как раз на василюков большой спрос, а никто из студентов с ноля создать не может. И в голову не приходило создать сначала просто жуткую тварь, а потом уже...

— Ги, успокойтесь, вы уже забрали себе василиска из этого сна, вам хватит, — жестко прервал её Кошмарыч. — А Ольге нужно заниматься с Кощеём. Если уж она начала с первого же индивидуального сна умирать, лучше научиться нормально это делать.

— Технически это её третий сон, — вставила Картина, доставая изо рта трубку и разглядывая её прежде, чем сунуть обратно.

— Технически! — фыркнул Кошмарыч. — Не сходи с ума. Ты еще скажи, что учитывалось бы только, если бы она в первом сне подавилась кексом и умерла на глазах обалдевшей подружки.

— А я не возражаю, — снова вытащила трубку Картина и уставилась в упор на меня своими кошачьими глазами. — Кощей так Кощей.

И больше ни слова не сказала, признавая за Кошмарычем право вести меня, куда ему вздумается. Предательница. Не то, чтобы она мне была что-то должна, но нельзя же вот так с первокурсниками! Даже Гиена Огненная отступила, хотя смотрела на меня так жадно, словно хотела сама превратиться в змею и проглотить. Я даже нечаянно ухватила за рукав Кошмарыча, и пальцы уже знакомо скользнули по гладким значкам.

Кошмарыч обернулся и долгим нечитаемым взглядом окинул меня, после чего вышел из аудитории, и мне пришлось последовать за ним под соболезующими взглядами одноклассников.

Вообще всем известно, что преподаватели предпочитают не тратить время на переходы между аудиториями, да они даже ведут разом несколько лекций, о чем тут говорить! Но Кошмарыч отличался от всех, он иногда попадался студентам в коридоре, и, я так думаю, делал это больше для собственной забавы — несмотря на совершенно обычное и даже приятное лицо, его многие боялись просто до одури.

Но сейчас еще не было перерыва, и в коридоре мы были только вдвоем. Не самая успокаивающая ситуация, но после окаменения мне уже море было по колени, и я покорно брела за преподавателем, пытаюсь вообразить, каким окажется этот неизвестный Кощей и за что его так прозвали. Может, только по внешности — я попыталась сначала обмозговать более оптимистичный вариант. Перед глазами мысленно пролетали варианты — от невероятно костлявого мужчины с впавшими глазами и до старичка. Тоже очень худого.

С другой стороны, тут подключилась более рациональная моя часть, Кошмарыч пообещал, что там меня научат правильно умирать. Не очень-то приятное обещание. Никакого оптимизма не хватит!

— А мне обязательно учиться умирать? — кажется, я всё-таки сказала это вслух. Ну надо же, и вроде еле слышно пробормотала, а этот тип же обернулся. Вот уж у кого слух как у летучей мыши!

Он остановился и снова смерил меня своим неприятным взглядом — просто мороз по коже!

— Ольга, — начал он медленно, а я уставилась ему чуть выше переносицы, чтобы хоть куда-то смотреть. Морщин у него почти не было, и почему-то задумалась о том, что не будь он тем, кто он есть, он оказался бы еще не старым мужчиной. И симпатичным наверное. Если не смотреть ему в глаза...

— Вы слушаете? — прервал мои мысли Кошмар Кошмарыч, и я почувствовала, как краснею.

— Повторю тогда, — он опять дернул краешком рта, но в этот раз это была неприятная ухмылка, а не улыбка, хоть я и понятия не имела, как их различаю. — Время от времени всем снится, что они умирают. В этом нет ничего ужасного, просто мозг сновидца пытается разыграть очередной сценарий. Не всегда, кстати, сны о собственной смерти относятся к кошмарам. А вот о чужой — практически всегда. Поэтому нам с Кощеем приходится работать довольно плотно.

То, как он это сказал, заставило меня почувствовать, что он этим недоволен, и вообще не слишком любит этого неизвестного Кощея. Невелика радость — Кошмарыч хотя бы знакомое зло. А вот этот Кощей, который учит умирать... Что-то я не знаю других способов это сделать, как убивать несчастного студента раз за разом!

— Дело в том, — продолжил Кошмарыч, ничуть не впечатленный тем, как меня вдруг затрясло, — что обычно участвовать в настолько эмоциональных сна студенты начинают не раньше третьего курса. Там и стоит факультатив Кощея. Однако, Ольга, если вам приснился такой сон уже сейчас, нет никакой уверенности, что это не повторится. Пожалуй, я даже не стану отягощать нас с вами излишними надеждами на то, что этот самый сновидец не увидит очередной сон с вами. Вы произвели на него неизгладимое впечатление своим грандиозным окаменением и последующим падением в гущу тропической зелени. А перед этим вы так отчаянно тарацились на змею — в общем, вам следует пройти вместе с третьекурсниками курс по тому, как вести себя перед неминуемой смертью и в процессе оной. Нельзя все сновидения заставлять плясать под свою дудку.

— И зря, — буркнула я себе под нос, но Кошмарыч, конечно же, снова услышал.

— На самом деле вы прекрасно знаете, что можно, — мягко заметил он. — Но нарушение негласных правил вносит в сновидения хаос, которого вы так хотите избежать. Так что вам следует всего лишь походить вольным слушателем к Кощею, сдать его предмет, и в дальнейшем вести себя аккуратнее.

— А какой он, Кощей? — не удержалась я. Да и кто бы на моем месте удержался?

— Каким может быть человек, который ежедневно умирает самыми причудливыми способами и учит этому других? — вопросом на вопрос ответил Кошмарыч. — Будьте осторожны с ним, Ольга, он страшный человек. Но искусный сноходец.

Если он хотел меня напугать, то у него это получилось.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент мы наконец подошли к нужной аудитории, до чего неудачно-то!

Кошмарыч открыл дверь и втокнул меня внутрь.

Взгляды всех сидящих в аудитории обратились ко мне. Комната была почти такая же, как у нас, только вместо диффенбахии у них здесь стояла корова. Не настоящая, нет. Статуя коровы, керамическая или деревянная, раскрашенная под известное полотно Ван Гога, причем солнце было где-то на костлявом крупе. Не представляете, какое облегчение

понимать, что наша аудитория не самая дурацкая в Университете!

Группа была разновозрастной, как и наша, и так же с удовольствием отвлеклась от лекции, как бы поступили и мы. Но мне было не до них, куда больше волновал Кощей, который стоял у кафедры. Наверное, все мои чувства отразились на лице, потому как преподаватель улыбнулся и ткнул в меня пальцем.

— Обратите внимание, студенты, — заявил он невыносимо знакомым голосом. — Вот так выглядит человек, который перед первой встречей со мной слишком внимательно слушал моего брата. Видите этот скрытый в глазах страх и заметный даже невооруженному взгляду трепет? Увы, милая барышня, мне придется вас разочаровать, я и в половину не так интересен, как Костя меня видит.

Наверное, надо было что-то ответить, хотя бы переспросить, но я так и стояла истуканом и, кажется, даже рот открыла. Впрочем, Кощею и не требовался мой ответ.

— Я уже представлял факты своей заурядной биографии группе, но ради новой студентки могу повторить. Зовут меня Кирилл Константинович, но я не обижаюсь и на данное мне тут прозвище Кощей. Веду факультативы по смерти в сновидениях для третьих и четвертых курсов сноходцев, да на втором курсе снотоков у меня спецкурс на ту же тему, но в теории. Женат, есть сын и брат. Кроме жены в семье все сноходцы, с моим братом Костей вы все знакомитесь на первом курсе, и это дает ему возможность создать вокруг меня ореол опасности, который я потом разгоняю в течение всего доставшегося мне учебного времени.

Я повнимательнее посмотрела на него и ахнула. Меня отвлекли длинные волосы, убранные в аккуратный хвост, узенькие очки и пиджак с джинсами. В остальном, если отмахнуться от этих мелочей, Кощей был одно лицо со своим братом, Кошмаром Кошмаровичем.

Если бы не это, я бы даже решила, что просто попала в очередную временную петлю, и Кошмарыч просто дурит наивных студентов, представляясь другой личностью. Впрочем, с учетом того, как легко тут изменить внешность, этот вариант нельзя было сбрасывать со счетов.

— Судя по лицу милой барышни, она уже дошла до мысли, что раз мы так похожи, то или Костя не носит очки из вредности или носит линзы, то ли я ношу их просто так, — я до этой мысли вообще никак еще не дошла, но на всякий случай активно закивала. Не выглядеть же дурой рядом со старшекурсниками! — Я действительно ношу очки с простыми стеклами, потому как вариант сломать нос или разбить бровь показался мне чересчур экстремальным. А теперь садитесь, и мы продолжим урок.

Видимо, он не просто так отвлекал нас болтовней, потому как за это время появился седьмой стул и тетрадь с ручкой. Да-да, в этой группе было всего шесть человек, и я не могла перестать думать, что это из-за отчисления. Надо ли так понимать, что группе Рыбы просто повезло?..

Урок, кстати, был очень интересный. Мы проходили теорию вероятности падения, которая мало общего имела с общеизвестной теорией вероятности. Речь шла о том, что смертельно опасная ситуация во сне, будь то падение с высоты или попадание под машину, что угодно, крайне редко для сновидца заканчивается смертью. Чаще всего, как нам объяснил Кирилл Константинович — ну не хотелось мне его звать Кощеем! — сновидец просыпается или прямиком попадает в другой сон, минуя этап смерти и её осознания. Одна из наиболее расхожих версий, которой придерживался и наш преподаватель, представляла собой теорию, по которой подсознание человека таким образом через страх боролось с

самим источником страха — умирая и просыпаясь, умирая и попадая в новый сон, оно укрепляло мнение в самой глубине себя, что после смерти жизнь не останавливается. Любопытно было то, что на подсознание не влияли ни религиозные, ни рациональные идеи самого сновидца — чтобы не считал человек в реальности, подсознание выдавало ему точно то же, что и прочим. И это не влияло на сознательное восприятие смерти — умереть и проверить виденное во сне обычно никто не желал. Кирилл Константинович так искренне любовался работой подсознания, что мы с группой заразились его настроением.

— Но всё совершенно иначе с прочими участниками сна сновидца, — перешел наш преподаватель к следующему пункту. Мы уже успели записать редкие варианты, когда подсознание совершало необычный финт, и вместо обычного окончания сна, падение заканчивалось тем, что сновидец мячиком отскакивал и несся дальше, автобус сминало как фольгу от шоколадки, а в воде сновидец превращался в русалку или обзаводился аквалангом. Такое бывало редко, и обычно это значило, что сновидец потенциально сильный сноходец. Поиском таких талантов занимался другой преподаватель, на этом же уроке мы проходили только наиболее вероятные варианты. — Гость или полноценный участник сна может умереть и порой довольно реалистично. Кто мне сможет объяснить разницу между гостем и участником?

Высокая светловолосая девушка, неуловимо чем-то напоминающая Рыбу — наверное, своим самоуверенным видом, подняла руку.

— Участник — это сноходец, чье присутствие во сне заранее подготовлено и срежиссировано, — пояснила она с нотками превосходства в голосе. — Если сон — кошмар, в котором участнику предстоит погибнуть, он это знает и готов к этому. Гость же — случайный сноходец, которого спонтанно затянуло в индивидуальный сон. Такой сон больше подчинен подсознанию сновидца, и никто не может гарантировать сноходцу как будет разворачиваться ход событий.

— Ты совершенно права, Вера, — кивнул Кощей. Сейчас он и впрямь оправдывал свое прозвище. Приятная улыбка исчезла, а глаза холодно блестели, точь-в-точь как у Кошмарыча. Если до этого я сомневался в такой уж необходимости отращивать волосы и таскать очки, чтобы отличаться от брата-близнеца, то сейчас я ясно понимала, что это вынужденная мера. — Самое интересное, что среди сноходцев есть некоторые уникалы, кто более подвержен такому удовольствию как нечаянное попадание в такие сны, чем прочие. Как вы могли догадаться, таким уникалом является и наша вольная слушательница Ольга.

Он при этом так полоснул по мне взглядом, что я всерьез испугалась. Не нужно ли ему для вычисления причин такой уникальности моего организма в нем покопаться?

Впрочем, тут и все остальные вылупились на меня так, что я почувствовала себя не в своей тарелке. Хорошо еще хоть мой стул был с краю, и меня эти взгляды не окружали!

— Сегодня урок уже подошел к концу, — снова мягко произнес Кощей, но я уже не обманывалась его тоном. Мне хотелось обратно к Кошмарычу, который пугал своим видом, но в глубине души я была уверена, что он меня не обидит. Тут же было ровно наоборот. — Послезавтра мы снова встречаемся здесь и будем рассматривать случай нашей гостьи и выбранный ею способ умереть взамен предназначенного сновидцем.

— Вообще-то этот сновидец не хотел, чтобы я умерла, — еле слышно пискнула я. Зря, наверное.

Кощей повернулся ко мне и оглядел без тени улыбки.

— Он, может, и не хотел, — наконец произнес он. — Но вот его подсознание —

определенно было за. Мы обсудим это на следующем уроке. Он будет в пятницу четвертым, так вы ничего не пропустите в своей группе, Ольга.

Вылетела я из аудитории просто кипя от злости. Не желая снова глупо сорваться на Жюле, с которым мы только-только недавно помирились, я вихрем помчалась в комнату отдыха. Вообще первая мысль была пойти в столовую, благо еда успокаивала меня почище валерьянки, а уж тот факт, что во сне можно есть сколько угодно и не бояться потом за желудок, и вовсе делал это весьма привлекательным способом закопать свои печали и проблемы. Но я была уверена, что моя группа сейчас околачивается там же, а рассказывать что-то им мне не хотелось. Да и что я могу рассказать? Вся моя злость на уровне эмоций и внутреннего раздражения, которое вызывало несоответствие того, что я успела себе навоображать и реальности. Или наоборот. Я совсем запуталась, и готова была уже поверить, что последние холодные взгляды дорисовало мое воображение, подстегнутое Кошмарычем.

Так что вместо этого я отправилась в комнату отдыха, где можно сутками ни на кого не наткнуться. Разумеется, кроме тех моментов, когда ты об этом просто мечтаешь — об этом я догадалась после того, как нос к носу столкнулась с Вестом. Я уже почти забыла, как он выглядит, так давно его не видела. Мною овладело злое веселье. Пожалуй, я могу воспользоваться этим в своих целях.

— Ты! — я ткнула в него пальцем с самым воинственным видом, не потрудившись даже поздороваться. — Ты будешь жертвой моего плохого настроения!

— Оу, — Вест почесал в затылке и отложил книгу на проплывающую мимо подушку. — Давай. И пока ты не начала, замечу, что я очень рад тебя видеть, хотя ты лохматая и злобная как фурия.

Я инстинктивно потянулась пригладить волосы и от этого разозлилась еще больше. Если у меня и оставалось где-то глубоко сомнение в том, что стоит срываться на ученике за его учителя, то сейчас оно полностью пропало.

— Это всё твой Кошмарыч! — заявила я и, не дожидаясь, когда Вест возразит мне, продолжила. — Он меня отправил учиться умирать, вместо того, чтобы научить, как избегать попадания в такие сны!

— О, ты к Кощею на факультатив попала? — наконец сообразил Вест. Я хотела было спросить, откуда он это знает, но потом вспомнила, что он учится на четвертом курсе. Да уж, мне могло повезти куда меньше, если бы Кощей вел свой факультатив для четверокурсников, и я попала бы к их группе. Хотя такое совпадение было бы уже перебором.

— Именно! — я схватила проплывающую мимо подушку и швырнула её в стену. — А если я не хочу уметь умирать во снах? Я прекрасно обходилась и без этого!

— Так дело не пойдет, — серьезно заметил Вест, вместе со мной проследив за ленивым полетом подушки, которая не соизволила даже удариться о препятствие. — Давай серьезнее.

Он порылся в карманах и вытащил две карты. Одну он тотчас спроецировал как кирпичную красную стену, которая повисла прямо в воздухе на расстоянии пару метров от нас, а вторую — в высокую стопку разноцветных тарелок.

— А осколки? — успела спросить я, пока моя рука хватала первую тарелку и запускала в стену. Звон разлетающейся на осколки тарелки принес мне некоторое облегчение, а что разлетаясь, они превращались в мыльные пузыри, меня только подзадорило. — Еще!

— Всё для прекрасной леди, — шутовски поклонился Вест, протягивая мне всю стопку. Я заставила себя вспомнить, что терпеть его не могу, но тарелки метала одну за другой.

Вскоре почти не видела стену и даже Веста из-за радужных мыльных пузырей, заполонивших комнату отдыха.

Наконец запад кончился, и я бессильно упала на свою подушку, позволяя ей медленно нести меня по кругу. Вест же спокойно убрал стену и остатки тарелок, а карты спрятал в карман.

— Попросил знакомую из снотокков мне такую штучку нарисовать, — пояснил он, вращаясь вместе с подушкой на расстоянии вытянутой руки и пальцем лопаю пузыри. — Иногда очень помогает. Можно еще дартс сделать или грушу. Хотя у нас как-то один юморист сделал боксерскую грушу в виде обычной, и она под руками проламывалась и брызгала липким сладким соком...

Его голос уже превратился в бормотание где-то на периферии сознания, я закрыла глаза, позволяя подушке меня укачивать. Лишь одну минуточку подремать, и можно отправляться к себе и спокойно поучить уроки...

Я почти не удивилась, очнувшись рядом с тем незнакомцем, на глазах которого я окаменела. Еще меньше меня удивило то, что я наполовину вмерзла в какую-то льдину, а этот парень бегал вокруг меня, пытаясь то ли растопить лед, то ли отколупать от него кусочек.

— Тебя как зовут-то? — губы едва меня слушались, и я очень пожалела, что это не мой сон, а этого парня. Сейчас я была бы рада проснуться.

— Я-янд-д-ра, — простучал зубами этот тип. Похоже, тоже замерз. Интересно, а он после моей смерти просыпается или тоже умирает? Не очень умная мысль, но какая уж есть.

— А если по-русски? — я не могла вспомнить, знает ли мое имя этот несчастный, и на всякий случай представилась. — Я вот Ольга.

— Ольга, — почти успешно повторил парень и наморщил лоб. — Андрей.

— Андрей, — повторила я. — Я не буду спрашивать, как мы с тобой сюда попали, Андрей, но можно, ты не будешь пытаться бить по этому льду ледорубом? Ты откромсаешь лед вместе с моей ногой.

— Если лед поднимется выше, у тебя остановится сердце, — глядя на меня глазами побитого щенка, пояснил Андрей и ткнул пальцем в мою легкую рубашку чуть пониже груди.

Объяснять ему, что я уже не чувствую даже свободных ото льда рук, я не стала. Как и то, что сердце билось уже так медленно, что почти причиняло мне боль.

Может, мне всё-таки стоило серьезнее относиться к беспокойству кошмарных близнецов? Правда, это всё равно бы мне не помогло — ничему полезному научить они меня не успели. В этот момент позади меня раздался шепот:

— Просыпайся, Ольга. Сейчас же!

— Это он спит, а не я, — едва шевеля губами, произнесла я.

— Ты тоже, — нетерпеливо повторил шепот. — Пусти меня на свое место, ну же! Давай.

Словно снимая тесные перчатки и джинсы, я с трудом выскользнула из льда, продолжая оставаться там и в то же время словно витая в воздухе.

«Это как будто душа вылетела», — догадалась я, вглядываясь в свое белое лицо и синие губы и веки. Волосы побелели то ли от льда, то ли седея на глазах, коса до половины оказалась во льду. Только это внимание к своему телу и позволило мне заметить, как оно ненадолго изменилось — глаза и волосы потемнели, челюсть на какое-то время время

потяжелела, а брови чуть приподнялись. Ненадолго, да. И потом я снова смотрела на саму себя, через силу двигающую губами.

«Просыпайся», — безмолвно шептали губы, и я вспомнила комнату отдыха и подушку, на которой задремала прежде, чем попала сюда. Этого оказалась достаточно, чтобы я открыла глаза от того, что у меня на носу лопнул мыльный пузырь.

Но я всё еще чувствовала себя страшно замерзшей. Пока я подтягивала к себе подушку с чайником и чашками, на соседней подушке появился Вест.

— Чай — это самое то! — причмокнул он губами и весело подмигнул мне. И я бы поверила, он был очень убедительным. Только вот краешки губ у него были синие, а темные глаза словно застыли изнутри.

— Ты... ты умер там вместо меня! — я снова ткнула в него пальцем, но теперь это звучало иначе.

— Только не надо драмы, — скривился Вест, разливая чай. Пальцы его заметно дрожали. — Я это давно умею делать. А ты — нет. Считай, что дал списать. Простого «спасибо» будет достаточно.

Бравада давалась ему непросто, он едва не пролил чай, а в чашку и вовсе наполнил только до середины, чтобы суметь донести её до рта. Впрочем, в мою чашку он налил столько же, и я всё равно часть пролила на пальцы, но даже не почувствовала.

— Это сейчас пройдет, — поймал Вест мой взгляд, направленный на мокрые пальцы. — Ты в полном порядке, просто твой разум в это не верит.

— Я и сама не верю, — честно призналась я, отпивая чай и чувствуя, как тепло медленно струится по телу, иголками покалывая там, где я не чувствовала своего тела. — И я не поняла, как так получилось. Я уснула или что?

— Я сам не совсем понял, — нехотя произнес Вест и криво улыбнулся. Губы его были нормального цвета и глаза больше не казались мертвыми и заледеневшими. — Я ведь тоже всего лишь студент, ты же не забыла, нет? Так вот, когда ты засыпаешь во сне, ты попадаешь в более глубокий сон, но твое тело остается там, где ты спишь. Как матрешка, если тебе будет понятнее.

— Мне не понятнее, — честно призналась я. Чашка наконец стала ощущаться в руках как горячая.

— Смотри, — Вест закатил глаза, но всё-таки принялся объяснять. — Ты заснула дома в постели и тебе снится эта комната. Твое тело из дома не пропало, оно дрыхнет и может даже храпит.

— Эй, я не храплю! — я толкнула его ногой, и моя подушка по инерции закружилась.

— Это частности, — отмахнулся паршивец. — Потом ты уснула в этой комнате и, давай пойдём по оптимистичному сценарию, приснились тебе колодцы.

Я кивнула, догадываясь, что колодцы — довольно стандартное место отдыха для студентов.

— И твоя спящая тушка по-прежнему давит на подушку в этой комнате, — продолжил он. — Единственное исключение — если в сон ты перескочила, не засыпая, а просто как из аудитории в другую. Да что я тебе рассказываю, ты же работала волонтером!

Я снова закивала, потеряв запястье, на котором образовался старый и давно забытый мною браслет.

— А вот в этот раз было не так, — Вест почесал в затылке. — Ты не исчезла просто как уходят в сон и не осталась спать, ты стала исчезать постепенно. Мне показалось это

довольно подозрительным, поэтому я ухватил тебя за ногу и — вуаля! — врос вместе с тобой в глыбу льда. Так как меня там быть не должно было, я имел куда больше возможностей для маневра, которыми и воспользовался.

— И умер вместо меня, — снова вспомнила я и всхлипнула. Сама не знаю почему. Наверное, позже мне станет стыдно.

— Эй, вот только сырость не разводи, да? — забеспокоился Вест. — Я же сказал, это ерунда. Может, просто совпадение. Конечно, придется сказать Кошмару Кошмарычу... Да и занятия с Кощеем будут нелишними...

Кажется, он что-то говорил после этого, но я уже не слышала, потому как просто разревелась. Я ревела и когда он стащил меня с подушки, вытолкнув за дверь комнаты отдыха, и пока тащил за руку по коридору, и даже в уже знакомом кабинете Кошмарыча я упрямо продолжала рыдать.

Кошмарыч прикрыл лицо руками и, наверное, наблюдал за нами через щелочки между пальцами — с него бы стало. Точно я не была уверена, потому как слезы застилали глаза и вместо Веста и его учителя я видела не слишком вытнтые цветные пятна. Причем в случае Кошмарыча пятно еще было и не слишком цветным.

— Вестмунд, ты не мог её привести, когда она успокоится? — спросил Кошмарыч таким тоном, словно я душила котят и никак не меньше.

— Я думал, это вы сможете её успокоить, — огрызнулся Вест. Я достаточно проморгалась, чтобы увидеть на его лице страдание. Похоже, тот факт, что я теперь знала его полное имя, его заботил больше чем то, что он за меня умер вообще-то. Зареветь с новыми силами у меня не вышло, но вот икать сквозь жалобные всхлипывания — запросто.

— Она едва не умерла снова, — пояснил наконец Вест. — Больно короткий промежуток, не правда ли?

Кошмарыч поднялся из-за стола и обошел его, останавливаясь перед Вестом, который так и остался стоять чуть впереди меня.

— И что же ей помешало? — обманчиво спокойно спросил Кошмарыч, наклоняясь к Весту так, что едва не касался его носом.

— Кощей может не засчитывать мне эту смерть, у меня всё равно прекрасные оценки, — ответил Вест, ничуть не дрогнув. Я бы уже попыталась проснуться или провалиться сквозь пол, если бы мастер кошмаров так смотрел на меня, а ему хоть бы хны! Может, всё-таки пойти к Кошмарычу в ученицы?

— Твое дело, — Кошмарыч отступил, но теперь смотрел прямо на меня. — Ольга, вы должны приложить все усилия на уроках Кощея. А пока...

Он перегнулся через стол, насколько ему позволяла его броня, и вытащил из ящика черный значок. Его он и вручил мне. Еще один черный зонт.

Я уже настроилась на полную тягот и невзгод жизнь, если так можно назвать ожидающие меня приключения, но и тут меня подвели. Кошмарыч просто вызвал какого-то древнего профессора, из которого совершенно натурально сыпался песок! Я раньше думала, что это просто такое выражение, ну надо же. Зато я готова была руку дать на отсечение, что этого типа зовут Песочный человек или что-то в этом духе. Тоже, значит, не придуман он был, а существовал на самом деле — это всё порядком сбивало меня с толку. Так вот, этот профессор, которого мне даже не представили, довольно ловко для своего возраста скрутил что-то вроде ловца снов и повесил мне на шею. Вроде как это должно меня было защитить от насильственного выдергивания из снов в сны. Вот при засыпании дома этот несуществующий в реальности ловец мне помочь не мог, но там я сама должна была держать ухо востро.

Вестмунд — я не лишала себя удовольствия наедине с собой звать его полным именем, после того разговора в кабинете Кошмарыча даже не показывался, со всеми преподавателями первого курса мы уже познакомились, и никаких сюрпризов ждать не приходилось, так что я просто продолжала учить уроки в реальности и во сне.

— Ты уверена, что хочешь снять эту штуку? — разумеется, своими мыслями я делилась с Жюлем. В группе у меня сложились ровные отношения со всеми, которые не годились даже называться приятельскими. Подружиться с девочками не выходило. Может, потому что одна была старушкой, вторая же, хоть младше всего на пару-тройку лет, но ощущалась куда дальше. А Джейн, казалось, вообще не нуждалась в друзьях, всерьез восприняв свое положение в группе как баланс в противовес нам всем.

Ника же, будучи выпускницей, появлялась совсем редко. Вот и выходило так, что всеми своими печальями и радостями я привыкла делиться с Жюлем. Он оказался совсем не таким, как я вообразила в самом начале. Добрый и тактичный, он находил нужные слова там, где я ждала их, и умел молчать, когда мне просто хотелось выговориться. Как же иногда хотелось, чтобы такой друг был у меня в реальности! Но между нами там, за пределами снов, были тысячи километров и языковой барьер. В тайне от всех я начала учить французский, но пока не ушла слишком далеко в этом занятии.

Вот и сейчас я задумчиво погладила ловец снов, висящий на шее. Не ждут ведь от меня, что я буду ходить так до выпускного? И потом... я не знала, как об этом сказать Жюлю...

— Просто... — я начала, продолжая машинально теревить ловец.

— Ты думаешь о том сновидце, — догадался Жюль. Он чертил очередную колоду карт, но я совершенно не понимала, как он это делает, и вникать не собиралась. Впрочем, говорить с его затылком было проще.

— Не то, чтобы вот прямо думаю, — врать затылку тоже было проще. Ну, а что я должна была сказать? Что этот Андрей дважды пытался героически спасти меня от смерти? Да, безрезультатно, но пытался.

Конечно, рациональная часть меня ехидно напоминала о Вестмунде, который не только пытался, но и спас, но тот сам относился к этому как-то наплевательски, и мне начало казаться, что это и впрямь ничего особенного. Что до того, как он при этом выглядел — во снах мы все не те, кем кажемся.

Андрей же был просто сновидцем. Он понятия не имел, что мне ничего не грозит, он просто пытался меня спасти и всё.

Лишенная возможности его видеть и просто поговорить, я всё больше времени думала о каждом его жесте и сказанном слове. Конечно, я предпочла бы увидеть его не при таких условиях, как прошлые два раза, но если подготовиться, то почему бы и нет.

— Симпатичный? — Жюль на мгновение поднял на меня взгляд и блеснул зубами в улыбке. И снова вернулся к своей работе.

— Ну... — я достала свою последнюю работу по бестиалогии и запустила светящуюся моль летать по комнате. Она была достаточно крупной, чтобы её можно было заметить издали, но крылья её еще держали. Непростая штучка, между прочим. — Не такой, как ты, конечно.

— Конечно, я же красавчик, — отозвался Жюль, не отвлекаясь от работы.

Смешно сейчас вспоминать мою глупую реакцию на его комплимент. Теперь, когда мы подружились, я то и дело в шутку звала его «Красавчиком», да и он не оставался в долгу. Даже если бы я могла рассказывать о своих приключениях в мире сновидений подругам в реальности, я бы умолчала про Жюля. Потому как девчонки наверняка поверили бы и в прыжки между снами, и превращающегося в медведя парня, и в лекции по созданию кошмаров, да вот только вряд ли они смогли также легко согласиться с тем, что можно просто дружить с мальчишкой примерно наших лет, поверять ему свои тайны, и чувствовать себя легко и свободно.

Жюль знал очень многое о моей учебе и сопутствующих этому вещах, как и я о его обучении теории снов. Хотя я и слушала вполуха — всё это выглядело довольно скучным, но слушала ведь! Однако мы так и не знали ничего о реальности друг друга. Словно еще один какой-то контракт запрещал нам говорить об этом. Я лишь знала, что Жюль живет далеко от Парижа — странно было бы, если бы я даже об этом не спросила, а вот название города не запомнила. Ну и ему я тоже сказала, что не из Москвы. Мы оказались так похожи в своей реакции на местожительство друг друга и при этом оставались такими разными.

— Жюль, напомни, откуда ты, — кажется, я произнесла это вслух, потому что он снова оторвался от карт и с удивлением уставился на меня. Впрочем, спрашивать ничего не стал — не последнее из его прекрасных качеств.

— Флери-Лез-Обре, — произнес он, но снова не склонился над работой, с веселым изумлением оглядывая меня. Я поморщилась. Ну да, он говорил, а я не запомнила. И сейчас мне это сочетание слов ничего не дало. Опять. Но тут Жюль сжалился надо мной. — Недалеко от Орлеана.

О, а вот это уже совсем другое дело! Я по-прежнему должна была бы долго бороздить носом карту, чтобы найти это место, но вот название мне было знакомо. Моя радость не осталась незамеченной Жюлем, и он негромко засмеялся.

— Орлеанская дева — весь мир её знает, — доверительно сообщил он мне. — Но если ты живешь в нескольких милях от города, то уже всё, можешь не надеяться, что кто-то запомнит название твоего города.

Я пообещала себе, что удержу в памяти название, чего бы мне это не стоило. Как минимум до тех пор, пока Жюль не отвлечется, а там я просто запишу.

— А что ты сейчас делаешь, кстати? — предприняла я первую попытку по отвлечению. — Неужели вам столько задают?

— Интересно, что ты это спросила сразу после предыдущего вопроса, — заметил

излишне наблюдательный Жюль.

— Я... я просто не могу перестать думать о том, что у сновидца был акцент, а мы все друг друга прекрасно понимаем, — пояснила я как могла. Связать это со своим вопросом я и сама бы толком не сумела, но Жюлю хватило.

— Мы друг друга понимаем, потому что мы все морфы и находимся в Университете, — пояснил он. — А вот сновидцы понимают или не понимают свои сны, это уже от сценария зависит. Иногда требуется именно чужак. С другим типом лица, другим языком...

Я кивнула, вспомнив свой первый опыт кошмара, когда я еще была волонтером.

— А что касается того, что я сейчас делаю... — стыдно признаться, но я отвлеклась и успела забыть, что спрашивала об этом. Как оказалось, совершенно напрасно. — Тебе стоит самой на это взглянуть.

Я с деланным интересом заглянула в карты, планируя вежливо похвалить и вернуться к обсуждению ловца снов и Андрея, но слова застыли у меня на губах. На картах были тщательно проработанные оружие и доспехи. И не как у Кошмара Кошмаровича из значков, а самое настоящее.

— Поэтому я и сказал, что интересно услышать вопрос сразу после упоминания девы из Орлеана, — усмехнулся Жюль, довольный моей реакцией. — Я просто подумал, что ты всё равно снимешь ловца рано или поздно. И неплохо бы тебе при этом вооружиться чем-то посерьезнее учебника по бестиалогии.

До меня наконец дошло.

— Так ты это для меня сделал? — неуверенно произнесла я.

Жюль кивнул.

— Проверь, — небрежно предложил он, но я-то прекрасно видела, что он волнуется.

Еще месяц назад я бы не меньше четверти часа таращилась бы на карту, прежде чем получила бы результат. Но, стоит признать, учиться я всё-таки люблю, и преподаватели знают свое дело. Может, и в настоящем Университете мне тоже будет не слишком сложно? Чем ближе новый год, тем больше я думала об этом. Ведь там начнется не просто новый год и вторая половина учебного года, нет. Это будет тот самый год, в котором я закончу школу и поступлю в ВУЗ. Есть о чем подумать!

Передо мной возник зазубренный и выглядевший чрезвычайно опасным меч, затем латы, шлем и небольшой круглый щит. Всё это не только выглядело, но и было довольно тяжелым.

— Давай прямо сейчас померяешь, а то выгащишь карты во сне, и тебя под всем этим погребет, — произнес Жюль неуверенно. Как оказалось, латы мне самой было не натянуть — пришлось воспользоваться помощью Жюля. А шлем едва-едва наделся на свернутую вокруг головы косу. Сразу стало жарко, и обзор заметно уменьшился.

— Наверное, поэтому Жанна коротко остригла волосы, — задумчиво проронил Жюль, подавая мне меч и щит.

— Я не Жанна, — пропыхтела я, пытаюсь поднять забрало. — Интересно, а учиться владеть мечом мне надо, или оно само придет? И что делать с смертносными льдинами и прочими природными явлениями?

Ответить Жюль мне не успел. Надо понимать, что для надевания лат нам пришлось избавиться от ловца снов — он путался на шее и отчаянно мешался. И если мы до сих пор еще сомневались, что именно он так эффективно защищает меня от насильственного вытягивания в другой сон, теперь это было известно точно. На этом хорошие новости

заканчивались.

Неугомонный сновидец Андрей в этот раз встретил меня в пещере. Точнее, мне оставалось надеяться, что это пещера, потому как её свод едва угадывался, а сталактиты и сталагмиты напоминали готовые сомкнуться зубы.

— Ольга! — обрадовался мне парень и полез обниматься, невзирая на мою броню и меч. Даже обидно немного, я думала, в этом-то меня никак нельзя узнать!

Впрочем, я тоже была рада. Хоть стоять было немного тяжело, а латы натирали плечи — Жюль не продумал матерчатую или кожаную поддеву. Но поговорить или хотя бы пообниматься мы толком не успели. Звук, словно кто-то отдирает скотч от кожи, мне сразу не понравился. Я задвинула за спину Андрея, полагая, что лучше готова к встрече с любым чудовищем. В конце-концов, у меня меч, латы и лучшие в группе оценки по бестиалогии!

Впрочем, когда мне навстречу выползло переливающееся всеми оттенками бурого и сизого нечто, оставляющее за собой отчетливый след слизи, я решила, что мне куда полезнее вспомнить, что Кощей меня тоже хвалил и утверждал, что я невероятно быстро схватываю. Похоже, самое время это узнать.

Я на всякий случай махнула мечом, который с восхитительным сочным хлопаньем всеми своими зазубринами застрял в непонятной твари, не причинив ей никакого вреда.

Позади что-то кричал Андрей. Похоже, он пытался броситься за мной и спасти. Даже грустно, что столько стараний насмарку. Он кинул в чудище какой-то камень и тот так и застрял в слизистой поверхности шкуры.

А потом, немыслимое количество томительных мгновений спустя я лежала на нашем с Жюлем диванчике и под его взволнованную трескотню задумчиво разглядывала выпуклый потолок. Из его болтовни я поняла, что исчезла всего минут на пять, но он уже успел порядком изволноваться, и едва я появилась, накинул на шею ловца снов.

— А ты знаешь животное, у которого зубы в желудке? — прервала я его.

Жюль наконец остановил поток слов и на секунду задумался.

— Я недавно читал, — сообщил он через мгновение. — У панголина.

— Запиши еще, что и у гигантских плотоядных слизней тоже, — пробормотала я, с тоской понимая, что помятые латы надо снимать, а вставать с дивана совсем не хочется.

— Нет, у брюхоногих просто язык как терка, все зубы на нем, тебе только показалось, что это уже желудок... — бодрый голос Жюля к концу фразы совсем стих, кажется, он сообразил, о чем мы говорим. — Ты всё-таки умерла?

— Несколько сотен зубов и отсутствие воздуха сыграли в этом свою роль, — кивнула я. На этом силы окончательно меня покинули, и я отрубилась. И мне не снилось ровным счетом ничего. Наверное, так ловец снов отработывал свой простой, я не знаю.

Когда я проснулась, Жюль сидел рядом.

— А если бы вместо меча у тебя был топор? — спросил он, едва заметил, что я открыла глаза. — Или бензопила? Хотя... на чем она будет работать, если сон окажется средневековым.

Лично я была уверена в двух вещах. Первое — сны эти даже не средневековые, а какие-то междувековые, потому как я представить себе не могу, чтобы где-то водилась вся эта пакость, которая с такой легкостью находит Андрея, ну и меня вместе с ним. Кстати, интересно, а когда меня нет, эти чудища также охотятся за бедным сновидцем или нет? Вот это стоило обмозговать. Второе было несколько связано с этой мыслью — почему-то мне казалось, что чем бы меня не одарил мой друг, сны Андрея найдут, что этому

противопоставить.

— Я узнал, что мы тоже на третьем курсе будет проходить смерть во снах, — не дождавшись ответа на свой предыдущий вопрос, снова заговорил Жюль. — У нас, правда, совсем другие вопросы — в учебнике подглядел. Вроде сложности создания живых мертвецов. Как назло, сейчас все ими повально увлечены. И если зомби еще худо-бедно сделать можно, то вот отличить лича от живого бледного человека непросто. Или вампир — в том случае, когда он мертворожденный, как его отличить от живого вампира?

Всё-таки Жюль немного нудный. Хотя... что-то в его словах мне показалось здоровым.

— Слушай, — я раскинула мозгами — кажется, мне ничего не должно было помешать. — А если я возьму и не умру?

— Как это? — Жюль побелел, похоже, соотнеся мою идею с тем, о чем мы говорили.

— Ну смотри, — заторопилась я, пока мой друг не удрал от меня с дикими воплями. — Живые мертвецы не обязательно зомби и хотят сожрать мозги. Есть и нормальные. Меня убьют, а я не умру. Какая-то должна быть логика сна при этом... Может, я посерею вся или чешуей покроюсь... Это уже детали.

— Ничего себе детали, — сглотнул Жюль. — А Андрея ты до истерики довести не боишься?

— С учетом его милых снов, ему одной истерикой больше, одной меньше, — отмахнулась я, хотя под ложечкой неприятно заныло.

— В любом случае мы не знаем, как это сделать, — рассудительно произнес Жюль. — Если нет для такого специального преподавателя, то этому должен учить Кощей.

— А еще можно как гидрой стать, вроде меня убили, а вместо этого меня две штуки! — размечталась я, не слушая друга. Идти со своими идеями к Кощей мне совсем не хотелось. Хотя на последующих после первого урока он ни разу не смотрел на меня как на бабочку на булавке, мне вполне хватило и одного-единственного раза. Вот такая я впечатлительная.

— Не завидую я Андрею, — вздохнул Жюль и снова вернулся к учебникам. Я сначала хотела обидеться, но потом передумала. Вряд ли Жюль имел ввиду что-то обидное для меня.

— Наверное, я должна рассказать, что снова попала в этот сон, — неуверенно предположила я и замолчала. Жюль тоже молчал, и молчали мы собственно об одном и том же — это будет значит еще один черный зонт. И так я против своей воли всё дальше зайду на пути мастера Кошмаров. В последнее время я всё чаще думала о том, что это не самый худший вариант, но мне не нравилось, что мне не остается выбора!

Вот так и вышло, что я ничего не сказала ни в этот день, ни на следующий. И даже когда через неделю у меня изъяли ловца снов, я промолчала. Мы провели не самый веселый и чертовски смущающий час пока я стояла посреди кабинета Кошмарыча, а он сам, Кощей и Картина Георгиевна пялились на меня, ожидая, когда я наконец пропаду и окажусь во сне Андрея. Ничего так и не произошло.

То ли парню хватило моего последнего появления вооруженной до зубов, то ли его нервы не выдержали вида плотоядного слизня — я не знаю. Может, он просто перестал спать по ночам. Я бы на его месте так и сделала. Но хорошо ли плохо ли, а в кошмар меня снова не притянуло.

— Ну и ладно, — наконец первый отмер Кощей, устав буравить меня взглядом. — Это даже хорошо. Верните барышню в её группу.

Последняя фраза означала лишь то, что все трое тотчас потеряли ко мне интерес, а мне пришлось топтать в аудитории, где я попала в самую настоящую засаду.

— А мы тебя ждали, Олечка, — улыбнулась мне Анна Васильевна, когда я обнаружила, что в ловушке, и мои милые одноклассники окружили меня со всех сторон. — Ты всё время так быстро после уроков исчезаешь, мы даже поговорить не успеваем.

— Сейчас я тут, — надеюсь, моя улыбка выглядела не такой затравленной, какой я себя чувствовала. — А что случилось?

— Нам до Нового года надо выбрать старосту, — пояснил Дмитрий, а Аня выдула пузырь из жвачки и оглушительно его лопнула. Нет, ну в самом деле — эти пузыри же прошлый век! — И мы подумали, что ты хорошо подходишь.

На короткое ужасное мгновение я представила себя на месте Рыбы и ужаснулась мне бы со своими проблемами справиться, куда мне целую группу!

— Почему я? — жалобно проблеяла я, тщетно ища пути отступления.

— Ты бойкая, — пояснил Мортимер, загибая пальцы. — Занимаешься еще и со старшей группой, на «ты» со многими преподавателями, и студентов знаешь с разных курсов.

Я уставилась в его невинные глаза. Этот мелкий за мной следил что ли? Или просто такой умный?

— Вот именно поэтому я и не могу, — заявила я, стараясь сделать голос как можно более убедительным. — Меня учат ведь дополнительно не потому что я какая-то умная. А от безнадёги. Меня в кошмар засасывает. И я там умираю.

— То есть, тот раз был не единичный? — уточнил Вячеслав, нервно поправляя очки.

— Если бы! — мною овладело вдохновение, иначе как можно было объяснить то, что последующие полчаса я в лицах показывала своим одноклассникам какие сны снились Андрею. И ужас Андрея, и змею, и льдину, и слизня. И как я клацала всем железом и как мой меч застрял в железном туловище монстра. Я бросала стулья в стену и била импровизированным ледорубом-ручкой по кафедре, словно откалывая куски льда. И только про Веста я не сказали ни слова.

Все только успевали следить за моими беспорядочными скачками по комнате. Аня перестала жевать, а Анна Васильевна только всплескивала руками. Остальные же сидели открыв рты, даже маленький скептик Мортимер.

— И после этого ты говоришь, что не подходишь на роль старосты? — возмущенно спросил Сергей, когда я остановилась и устало привалилась к кафедре.

— Вообще-то она права, — неожиданно помощь пришла от Мортимера. — Если эти сны продолжаться, то сновидец может всерьез поверить в её смерть, и тогда она умрет во сне. И мы её больше не увидим.

— Я... я перестану быть морфом? — уточнила я. Голос мой дрогнул, и я ни на мгновение не сомневалась в том, что Морт откуда-то знает это, а не придумал, чтобы меня поугаать.

— Нет, — Мортимер скривился. — Ты перестанешь быть. Просто навсегда потеряешь мир снов.

Я не помнила, как добралась до кабинета Кошмарыча. Наверное, просто выскочила в коридор и дернула первую попавшуюся дверь. Иногда это срабатывало, сработало и сейчас. Черный рыцарь не выглядел удивленным, увидев меня. Скорее как человек, который бы утомленно закатил глаза, если бы позволял себе такие эмоции.

— Это правда? — спросила я, не удосуживаясь проявить вежливость и поздороваться. Впрочем, мастер кошмаров всегда прекрасно обходился без этих реверансов. Вот и сейчас он не стал даже лицемерно делать вид, что не понимает, о чем речь.

— Такая вероятность существует, — медленно произнес он, после того, как уточнил, что речь не идет о смерти там, в реальности. Неплохо, но недостаточно. Хотя Мортимер меня и впрямь напугал. — Если морф начинает слишком часто сниться одному человеку, то их сны становятся тесно связаны. Но могу тебя успокоить, Ольга, такое случается редко. Куда скорее вероятность, что у тебя не будет другого пути кроме как в мои ученицы. Насколько я помню, тебя это тоже расстраивало.

— Но не так, как шанс вообще не видеть снов! — отрезала я. Наверное, это было грубо, потому как бровь Кошмарыча чуть дернулась — признак нескрываемого изумления.

— Не думаю, что это серьезная угроза, — тем не менее продолжил объяснять мастер. — Во-первых, два сна — это еще не часто это могло быть простым совпадением.

Я прикусила язык, не желая обзавестись еще одним черным значком и головомойкой по поводу моего выступления в виде недоделанной Жанны Д'Арк.

— Во-вторых, мой брат высказал свои сомнения по поводу того, что ты сумеешь умереть настолько естественно, что этот сновидец поверит в реальность твоей смерти. Если честно, актерская игра — это не для тебя.

— Вы так не говорили, когда я была лицом в вашем кошмаре, — уязвлено заметила я. Прозвучало довольно двусмысленно, но Кошмарыч, разумеется, прекрасно понял, о чем я. Вот такую память себе хочу! Я уверена, что за эти несколько месяцев у него сотни кошмаров были поставлены, а он помнит, о чем я говорю! А то сейчас вот я трясусь от ужаса от мысли, что не буду видеть сны... И долго я буду помнить это, интересно? Увлечет чем-то другим — и прости-прощай, буду пугаться снова. Хорошая болезнь склероз, каждый день новости.

— Не будем делать вид, что твой поступок был продиктован желанием напугать того сновидца, — сухо заметил мастер. — Просто для него сработал внутренний триггер, а тебе всего лишь повезло. И, разумеется, если ты совершенно случайно умрешь так же уверенно, что у сновидца не будет никаких других вариантов, ты можешь умереть для сновидений. Но для этого надо бы еще и куда лучше знать сновидца, и для него ты должна стать не просто навязчивым сном.

Кажется, я снова немного покраснела. Андрей пытался меня спасти и кричал, что любит — это подходит или нет? А я? Я куда чаще, чем мне хочется, думаю о нем, и чудо еще, что мне не пришло до сих пор в голову присниться ему самостоятельно, не дожидаясь, когда меня выдернет в кошмар.

— Ты должна сообщать о каждом кошмаре с твоим участием, — Кошмарыч чуть наклонился вперед, его серые глаза сузились, словно он пытался прочитать что-то на внутренней стороне моего черепа. Не самое приятное чувство, к слову. — Особенно со смертельным исходом. Хотя зачет Кощей тебе поставил и пообещал, что умереть от факта смерти во сне тебе больше не грозит. Он на это поставил собственную жизнь, поэтому я на твоём месте бы не обольщался — Кощей ежедневно умирает по дюжине раз.

— Вы ему завидуете? — неожиданно для себя предположила я, и тут же прикусила язык. Потому что нельзя спрашивать такое у своих учителей. А еще потому что это правда.

На крошечное мгновение глаза мастера Кошмаров расширились, и его лицо вновь приобрело отстраненное выражение.

— Иди и постарайся не умереть хотя бы сегодня, — произнес он спокойно. Дверь за моей спиной открылась, так что вариантов у меня не было. И я побрела по коридору, искусственно вызывая в голове видения аппетитных булочек и пирожных — мне очень нужно было попасть в библиотеку.

С этим я справилась, как и с напутствием Кошмарыча. Так что взяла учебники по природе запахов и вкусов во сне, и позволила себе проснуться. Я некоторое время просто лежала без сна, а потом встала и побрела на кухню. За окном медленно кружил снег, и я некстати вспомнила, что всего через несколько дней начнутся новогодние праздники. Первая наша сессия должна была начаться сразу после праздников, а вот на них всех свободных морфов занимали в удивительных снах о всевозможных волшебных дедах, трудолюбивых эльфах или снеговиках, оленях и прочей праздничной атрибутике. И ладно бы это всё снилось только детям! В коридоре весили объявления по тому, в какие сны требовались эти герои, и я довольно сильно удивилась тому, как много таких снов готовится для взрослых. Странно, но только подарки тем от Санты или Перр Ноэля требовались другие, в остальном вера в чудо во снах трансформировалась в нечто невероятное.

Я еще немного посмотрела на снег, после чего вернулась в кровать и заснула, чтобы оказаться рядом со списком вакансий и записаться на все праздники вперед. Конечно, у меня еще не было опыта в работе со своей внешностью, так что рождественский эльф из меня вышел бы с натяжкой, а вот Снегурка получилась бы легко. К тому же это давало мне возможность поработать в снах совсем другой направленности, светлых и веселых. И самых вкусных и радостных — детских. После таких снов и сам остаешься в приподнятом настроении — я это помнила, и впервые за долгое время пожалела Жюля, который, будучи теоретиком, по снам обычных людей не ходил.

Если бы мне удалось избежать попадания в историю ближайšie пару дней, то потом стало бы проще, ведь во время новогодней суматохи меня не выдернуть в другую реальность, об этом нам рассказывала Картина Георгиевна — все преподаватели Университета были задействованы в этой толкотне и легко контролировали пространство и время пластичной реальности сна.

Но вот что странно, всё это мне напомнило о совсем другом, никак не связанном со снами и праздниками. И об этом мне нужно было поговорить с кем-то реальным, из того, другого мира.

— Я подумала, что больше не уверена в выбранной профессии, — надо же, сказать это оказалось не так уж трудно. По крайней мере, подругам. Дома я так и не смогла выдать из себя ни слова. А с подругами после школы мы пошли посмотреть на наряженную на площади ёлку и ледяные скульптуры, ну и оно само вырвалось.

Василиса уставилась на меня как на невиданное животное или как на скаутов из нашей школы. Кажется, так не оригинально назвали эту туристическую организацию, которая время от времени пыталась заманить в свои члены Ваську. А вот Света просто тарашиться не стала, у неё нашлось что сказать.

— «Больше не уверена»? — повторила она за мной высоким резким голосом. — Ты заболела? Вась, она заболела?

— Почему сразу заболела, — я обиделась. — Как будто нельзя взять и передумать!

— Это другие могут «взять и передумать», — передразнила меня Света. — Но ты! Ты ведь выбрала даже ВУЗ, знаешь поименно преподавателей в приемной комиссии, все темы для эссе, и черт знает что еще!

— Она права, — прищурилась Васька. — Ты все эти эссе уже писала не по разу, и придумала план действий после окончания ВУЗа. Поэтому странно слышать о том, что ты не уверена, да еще и за несколько месяцев до конца учебного года.

Я потрясла головой, признавая их правоту. Похоже, Университет повлиял на меня

больше, чем я рассчитывала. А ведь сначала возомнила, что сумею сама использовать его тайны для собственной карьеры. Сейчас же и вся моя блестящая карьера оказалась под большим вопросом.

— Просто... я не знаю как объяснить, — я и впрямь не знала, как это сказать. Как, не рассказывая о том, что мне пришлось пережить в эти месяцы, объяснить, что выбранная стезя больше не казалась мне важной и особенной? Я обнаружила, что куда интереснее что-то создавать самой не только на бумаге, заставляя испытывать живые эмоции — всё это вряд ли дал бы мне факультет журналистики. Может, я и не права, и, что еще хуже, так и не сумею найти себе за оставшееся время что-то по вкусу, но и прятаться за однажды принятое решение мне совсем не хотелось. — Вот вы куда собираетесь поступать и почему?

Я не сразу поняла, с чего подруги так вытаращились на меня, словно у меня отросла вторая голова, а когда до меня всё-таки дошло... Ох, лучше бы не доходило. Только сейчас я сообразила, что трещала о своем будущем ВУЗе последние несколько лет, но никогда до сих пор даже случайно не спрашивала у подруг, какие у них планы на жизнь. Просто приняла для себя аксиому, что мы разъедемся после одиннадцатого класса, и не пыталась возвращаться к этой мысли. Интересно, а спросить у них сейчас, почему они до сих пор со мной дружат — это будет слишком или нет? Так паршиво я себя давно не чувствовала.

Из глубин самокопания меня вырвало осторожное покашливание Светы.

— Если тебе и правда это интересно... — начала она, теребя в руках снятые варежки. Похоже, она нервничала. Хотя это мне стоило понервничать. Вместо этого я энергично закивала, боясь, что подруга передумает. Света же переглянулась с Васькой, словно ища у неё поддержки, и наконец тихо сказала:

— Я хотела поступать в тот же ВУЗ, в который собираешься... собиралась ты, но в прошлом году я выбрала направление и готовлюсь к поступлению на аэрокосмический, — сначала Света говорила еле слышно, но последнее слово прозвучало твердо и громко. И хорошо, иначе я решила бы, что мне послышалось. Потому как если есть человек, который совершенно не ассоциировался у меня с понятием «аэрокосмический», то это, без всякого сомнения, была Света. И ведь как-то она до этого додумалась!

Я собралась спросить, чем, по её мнению, там занимаются, но передумала. Мелькнула подлая мыслишка, что на таком факультете Светку скорее заметят, но и эту мысль я прогнала с негодованием. Пожалуй, мне стоило просто обдумать новость наедине с собой. Поэтому я с усилием воли отвернулась от Светы и задала тот же вопрос о поступлении Василисе. Лицо той в ответ искривилось в неприятной ухмылке.

— Как и мечтают мои родители, я поеду поступать в Университет нефти и газа, — заявила она, и глаза её странно блеснули. — Но только не на факультет геологии и геофизики, а на управление и бизнес. И готова поклясться, что сделаю всё, чтобы моя работа никогда не была связана с землей и чем-то, хоть немного похожим на походы!

Наверное, я сделала крупную ошибку, когда не удержалась от вопроса.

— Неужели тебе совсем не нравятся походы? — недоверчиво спросила я. Серьезно, ну как могут не нравиться походы?

— Я пойду посмотрю, как залили горку! — нарочито громко заявила Света и исчезла в толпе. А вот мне пришлось подробно узнать, чем именно походы могут не нравиться. Интересно, я сумею запомнить, что не всё, что кажется отличным выбором мне, таковым же покажется моим будущим детям, или лучше это записать?

... - Так что, если тебе кажется это веселым, то вперед — рюкзак на плечи и можешь в

зимние каникулы вместе с моими предками тащиться в горы, — воинственно закончила Васька и сложила руки на груди, давая понять, что разговор закончен.

Интересно, и что я еще не знаю о своих подругах? А главное, как так вышло?

— Горка отличная, — нарочито радостным голосом заявила вернувшаяся Света. — Ну что, старушки, вспомним молодость?

Конечно, «вспоминать молодость» потребовалось, катаясь стоя, и, конечно, я не смогла устоять и больно проехала колени по льду. Ну обычное дело. Хитрая Васька же уцепилась за поехавшую сразу за мной и быстро присевшую на корточки Светку, и потому они обе спустились без потерь. А вот паровозиком мы упали все трое. Накатавшись, мы забрели в ближайшее кафе за горячим чаем и плюшками. Надо было идти учить уроки, но кто их в самом деле учит незадолго до Нового года? Я таких не встречала нет, допускаю, что они где-то водятся, но не в классе, где лучшие ученицы — вот мы втроем.

— Оль, а что случилось-то? — Васька заметно подобрела от горячего чая, и взяла допрос в свои руки. — Я к тому, что коней на переправе не меняют, и потом, ты так и не сказала, куда решила поступать вместо журналистики.

— А вот это я пока не придумала, — честно призналась я размышляя, выйдет ли у меня узнать, где преподает Дмитрий, и поступить туда же. Конечно, он мог работать в каком-то ужасно скучном месте, и оно к тому же запросто могло находиться где-то у черта на куличках. А мне не улыбалось переезжать в другой город. Мне нравилось здесь, да и оставлять родителей не хотелось.

— Кто ты, и где наша подруга Ольга? — суровым голосом произнесла Васька с совершенно серьезным лицом — ни тени улыбки.

— Ты так говоришь, словно я не могу передумать, — я принялась выковыривать изюм из булочки. Изюм в булочка не люблю, но тесто от его присутствия становится вкуснее. А выковырянный изюм можно съесть отдельно — это я могла. Вот такая я сложная личность.

— Не можешь, — категорически не согласилась Васька. — Ты всё всегда анализируешь и по полочкам раскладываешь. И поступление для тебя сейчас очень важная полочка. И все плюсы и минусы ты будущей профессии уже давно изучила. Не могла за такой короткий промежуток журналистика так кардинально измениться!

— А это не она! Это я изменилась! — выпалила, и поняла, что сказала правду. Я изменилась и уже не знала толком, кто я и чего хочу. Одно знала точно — всё как прежде уже не получится. И стало страшно. На самом деле страшно, куда хуже, чем когда я была заморожена в льдине. Ведь там был чужой, но сон, а это жизнь. Моя собственная.

Пару минут мы жевали молча.

— Вот оно что, — наконец проронила Васька. — Ну, могло быть и хуже. Эта напасть могла с тобой случиться позже, курсе на третьем. Вот это было бы печально.

— Но подобрать другой вариант всё равно надо, — добавила Света глубокомысленно. — А то осталось всего полгода, трудно всё менять в последний момент. Чем ты хочешь заниматься?

Этого вопроса я так боялась, что даже сама его себе не задавала. Ведь до сих пор я не рассматривала других вариантов и свысока смотрела на тех, кто не мог выбрать и метался между несколькими ВУЗами или хотя бы факультетами. В детстве мне нравилось конструировать роботов и собирать электронные цепи, и с физикой проблем не было. Но взять и за компанию отправиться со Светкой на аэрокосмический — это, наверное, будет перебор.

Я вспомнила про Жюля и про свой секрет с уроками французского. Может, многовато у меня скопилось секретов, и пора хотя бы частью поступиться?

— Хочу языки изучать, — пробормотала я и спряталась за пустой чашкой. — Вроде переводчика.

— «Вроде переводчика», — потрясенно повторила Васька. — Оль, а родители в курсе твоих планов? Они ведь тебя даже в волонтеры не пускали, представь, что случится, если ты не поступишь и пойдешь в старбакс работать?

— Ну спасибо, — буркнула я в ответ, тотчас обижаясь. Хоть и зря. Васька могла сильно обидеть, но она почти никогда не лицемерила — не в её характере это было. А правду никто не любит. Правда же была в том, что школьный английский у меня был... школьным английским. Не хуже большинства, но на очень среднем уровне. В отличие от той же Васьки, которая знала его блестяще. По крайней мере, для школы точно.

— Спасибо скажешь, когда мы тебя натаскаем, — вот и сейчас она с легкостью отмахнулась от моего сарказма. — Там придется второй язык еще учить, насколько я знаю. Ты знаешь, какой?

— Французский, — даже не думая, ответила я, чем заслужила заинтересованный взгляд. Но вслух Васька ничего не сказала.

— Поищи подходящий ВУЗ и что там нужно сдавать, — практически приказала Васька. — Свет, а ты посмотри по-моему списку, что я тебе давала, какую-нибудь литературу для подготовки иностранного языка к сдаче ЕГЭ. Будем вместе сдавать, раз уж так всё повернулось.

Я выдохнула, почувствовав, что мне становится легче дышать. А ведь я уже буквально паниковала, пытаюсь понять, что мне теперь делать. Оказалось, всё тоже самое, что до этого — учиться и учиться. Ничего нового и никто представить не сможет, до чего это меня радует!

Я так намерзлась на улице, что даже отогревшись, засыпала с трудом. Давно такого со мной не случалось, я даже начала беспокоиться и пытаться припомнить, не снилась ли я в последнее время Андрею с плачевным результатом? По всему выходило, что нет, да и спать я в таком случае всё равно бы спала. Просто без снов.

Неожиданно на память пришел список с волонтерами на зимние праздники, и я развеселилась, представляя, что всё дело в большой текучке засыпающих. Нет, ну правда — толпа у входа в метро или на автобусной остановке быть может, а засыпающих морфов — нет? В таком настроении я и провалилась наконец в сон.

Очутилась я не в привычной аудитории с диффенбахией, а в огромном зале, где толпились Деда Морозы, Санта клаусы и прочие вариации сказочных стариков, а также их волшебные помощники всех мастей и размеров. Мне показалось или я видела Рыбу в коротенькой серебристой шубке — я тотчас сама захотела такую же.

Но все мои надежды на что-то подобное рухнули едва я увидела «своего» деда Мороза. Я как-то сразу догадалась, что это именно мой напарник. Во-первых, он один из немногих был всё еще без костюма, во-вторых, мне просто должно было сказочно не повезти и, наконец, в-третьих, на него мне указывала неоновая плоская реклама в виде руки. Чтобы уж никаких сомнений не осталось.

— Что вы тут делаете, — прошипела я, подойдя достаточно близко, чтобы всем остальным слоняющимся по залу досталась разве что не самая искренняя улыбка, а не мое шипение. — Это же праздник, и я не подписывалась участвовать в кошмарах!

— Вот именно, — ничуть не обиделся Кошмар Кошмарович. — Поэтому-то меня и попросили взять тебя на себя. Чтобы ты на пустом месте кошмар не создала. Я, в отличие от тебя мастер, и умею не только создавать, но и контролировать сны.

Я могла съязвить, что попросить его мог в основном он сам, но предпочла прикусить язык. Всё-таки он преподаватель и мой Дед Мороз на ближайшую неделю.

Конечно же, было уже понятно, что все мои надежды на веселые праздничные сны и симпатичную шубку можно было благополучно похоронить, но я еще хотела попытаться.

— Вы даже не в костюме, Константин Константинович, — заметила я, кося глазом в сторону — мало ли, попадетса под руку бесхозный Дед Мороз, почему бы и нет?

— Это не проблема, — отмахнулся Кошмарыч и пригладил волосы, которые под его руками начали расти и виться. Нет, я знала, что это иллюзия, но выглядело очень натурально. Я даже рот открыла, а потом он также провел по подбородку и щекам, обзаводясь такой же выющейся густой бородой. Я снова собралась высказаться, но уже на счет того, что светло-русый цвет его бороды и волос не очень подходит для Деда Мороза, когда они побелели прямо на глазах. Броня из черных значков, без которой я просто-напросто не представляла мастера Кошмаров, пока я глазела на его бороду, сама сменилась темно-синей расшитой серебряными узорами шубой.

— А еще вы не толстый, и шуба мрачная, красная лучше, — не удержалась я.

Мороз Кошмарыч посмотрел на меня так, как посмотрел бы, наверное, на посмевающийся вылезти в канун праздника подснежник. С жалостью и презрением.

— Ты меня не путай с Санта Клаусом, — буркнул он. — А что до цвета шубы, она может еще и белой быть. Но на ней бороду не видно.

И он достал из кармана шубы карты, примеряясь с ними ко мне. Сначала я обрадовалась, что он не сам станет создавать мой наряд, но потом приуныла — вряд ли он позволит мне слишком отличаться от него.

Так, в общем-то и вышло. Моя шуба была лишь на пару тонов светлее его, и тоже почти упиралась в пол. И на голове — кокошник. Тяжелый, не иначе как все эти сияющие камни настоящие. Наверное, выглядела я хорошо, но настроения мне это не прибавило.

— А без всего этого нельзя? — проняла я, но безрезультатно. Кошмарыч лишь хмыкнул, что, без сомнения, обозначало что-то вроде «не зря я взялся, с ней нормальный и не справится». И я пообещала самой себе, что не дам ни одного повода усомниться в том, что я бы нормально поработала и без надсмотрщика.

Вот так, дав себе слово и заранее приготовившись к самому худшему, я и приступила к работе. Уцепившись за руку обзаведшегося мешком и ледяным посохом Кошмарыча, я прыгнула с ним в первый сон.

Пожалуй, никогда в жизни мне не хотелось расплакаться так сильно, как в эту ночь. Не знаю, то ли у нас был такой маршрут выбран не случайно, то ли просто совпало, но в основном мы попадали к больным и осиротевшим детям или старикам. Они не просили машин или очень красивых кукол — мешок, в котором лежала колода с картами самых обычных подарков, оставался закрытым. Не просили они и крутых мобильных телефонов или плееров. Кто-то хотел просто согреться, кто-то снова увидеть маму или научиться петь.

Я не сразу поняла, в чем дело последнего желания — я никогда раньше не видела живую эти пластиковых трубочек, что крепились на шее этой бледной словно куколка девочки. И только когда Кошмарыч осторожно снял это устройство и взмахом руки заделал темную дырочек в шее, я всё поняла. И льдинки украшений тревожно звякнули, когда я резко отвернулась, чтобы не разреветься. Мне хватило минуты, и потом я не шадя ладоней

рукоплескала девочке, которая пела песню про трех белых коней.

Мое лицо болело уже к пятому сну от того, что Кошмарыч его менял под то, что видел в воспоминаний брошенных детей. Я теперь больше не возражала против дорогой длинной шубы и кокошника — красивая и счастливая мама или дочка Снегурочка, вот кем я была раз за разом.

Мельком лишь успела подумать о той женщине, которой помогала летом пересесть в её инвалидное кресло. Приснимся ли мы и ей тоже, или её сын сейчас с ней и сможет поздравить в реальности?

Кошмарыч был необычно ласков для себя и выбранного образа Мороза, он утирал носы и помогал подняться с постели неходячим или слепым и забывшим даже во сне, каково это — видеть или ходить, и он дарил по-настоящему волшебные подарки, не используя заготовки, которые нам выдавались в Университете.

Я держалась что есть было силы, и на самом деле гордилась своим умением скрывать эмоции, и потому всерьез удивилась, когда очередной прыжок привел нас не в чей-то сон, а в кабинет Кошмарыча. Тот, не выходя из образа Мороза, вытащил из кармана огромный белоснежный платок и протянул мне.

— Реви, — коротко приказал он. — Только как следует.

— Не надо мне этого, — голос мой дрогнул, но я оттолкнула платок, чувствуя, как слезы всё-таки выступают на глазах, словно я и впрямь плакса какая-то.

— Надо, — возразил Кошмарыч. — И серьезнее отнесись к делу. Реветь придется за двоих. Я не могу. Мне борода мешает.

Это прозвучало так печально и в то же время так забавно, что я фыркнула от смеха и... разревелась. Я присела на краешек огромного идеально чистого стола и редела со всей самоотдачей. Украшения на кокошнике жалобно позвякивали в такт моим всхлипам.

— Вот и молодец, — заявил Кошмарыч, когда мои рыдания перешли в икоту. — Еще парочку снов выдержишь? Одна девочка очень хочет волосы как у златовласки из сказки.

— Я еще и косичку заплету, — буркнула я, внутренне вздрагивая от нехорошего предчувствия. Похоже, Кошмарыч собирался завести меня в онкологическое отделение.

— Ты сильная, — помолчав немного, произнес Кошмарыч своим особенно равнодушным голосом. — Поэтому я выбрал тебя в Снегурочки. Ты сильнее, чем о себе думаешь.

Слезы мгновенно высохли.

— То есть, это не за мной нужно следить, чтобы я не создала на пустом месте кошмар? — уточнила я.

— А одно другому не мешает, — веско заметил мастер Кошмаров, поднимаясь со места, и взваливая ненужный мешок на плечо. — Улыбнись, Снегурочка. Они все хотят, чтобы мы им улыбались.

И здесь Кошмарыч ошибался, хотя об этом я узнала лишь несколько дней спустя. А пока я улыбалась, читала сказки, танцевала с детьми и одинокими стариками и старушками, кричала «Ёлочка, гори!» и уставала так, как никогда в жизни. И редела, редела в кабинете Кошмарыча, уже не возражая ему и его невероятному платку.

Пожалуй, родители не зря запрещали мне работать в больницах и хосписах. Может, они просто не верили, что я справлюсь, а может, не хотели проверять, справлюсь или нет. Обижаться на них за это я больше не могла.

— Раньше я думала, что в Новый год всем весело, — пожаловалась я несколько дней

спустя подругам. К этому моменту они уже выяснили, что отличие в экзаменах для меня только в иностранном языке, и теперь собирали для меня всяческие тесты и учебники. Честно говоря, их энтузиазм меня пугал, и я всеми силами пыталась их отвлечь.

— А то, — согласилась Васька. — Особенно всем этим Дедам Морозам и прочим замаскированным личностям. По несколько утренников в день — и к вечеру от стишков морду сводит и гирлянда в глазах рябит.

Она так точно описала мое состояние, не считая того, что мои подопечные были еще и бесконечным источником моих слез, что я даже не рискнула спрашивать, откуда она знает.

— Бабу Ягу играла в доме творчества в прошлом году, — не дожидаясь вопроса, пояснила Васька. — Может, и в этом пойду, чтобы меня родители в поход не тащили. Зимой я эти горы вообще видеть не хочу.

Васька вообще из нас была самая активная, и в доме творчества ходила в какие-то кружки, пару раз даже приглашала нас на выставки, где были и её работы. Кажется, мозаика из соломки.

— А еще полиция и скорая помощь все праздники работает куда больше, чем обычно, — задумчиво добавила Света. — Столько всего случается.

Мы все втроем замолчали, представляя, что может случиться в праздники. Фейерверки, ледяные горки, горячительные напитки, много еды...

...- Я думаю, вы в реальной жизни врач, — заявила я в следующем сне, самостоятельно проецируя с карты свой кокошник. Такая же реальная тяжесть у меня никак не выходила, но время еще было. И я подумывала изменить свои волосы. Из русых сделать золотистые — заодно бы зачет у мистера Совершенство получила бы. Правда, для этого пришлось бы еще и нос с подбородком изменить — мистер Совершенство ставил зачет лишь в том случае, если после изменений мы себе полностью нравились. На мой взгляд, не очень честно. Наши парни и Анна Васильевна себе и без всех этих иллюзий нравились. — Может, даже в реанимации. Или детской больнице. И в жизни вы очень добрый.

— Продолжай так думать, если тебе так проще, — отозвался Кошмарыч. И вот поди, пойми его. И не согласился и не возразил!

С другой стороны, он прав. Мне, в общем-то и не очень важно, я сама всё придумаю и представлю.

— Сегодня никаких тяжело больных детей, — предупредил он меня, отвлекая от мыслей. — Но зато парочка сложных случаев. Скажем так, если бы Дед Мороз приходил только к хорошим детям, к этим он бы не пришел.

От предупреждения я легкомысленно отмахнулась. Взрослые часто недооценивали влияние волшебства на детей. Настоящие Снегурочка и Дед Мороз — какие могут оставаться гадости на уме? И первые три сна вполне соответствовали моим представлениям. Непростая жизнь делала наши сновидцев недоверчивыми и озлобленными, но хотелось им всем того же. Простого настоящего маленького чуда.

Я сама, без карты, одними руками и усилием воли вырастила в одном сне махонькую ёлочку, чем заслужила кивок от преподавателя. Еще бы вспомнить, по какому предмету это станет моим зачетом..

А вот в другом сне я схитрила и угловатой девочке-подростку, лицо которой уродовала недоверчивая ухмылка, подарила свой кокошник. Она хотела стать красивой, и я просто сняла с головы сияющий всеми оттенками убор, и надела на её жиденькие волосы. Густая седая бровь Мороза дрогнула, выдавая его недоумение, но я угадала. От неожиданности

такого подарка тонкие губы девчонки дрогнули в самой настоящей искренней улыбке, и её лицо словно по волшебству расцвело. Я тоже не осталась в накладе — до сих пор я лишь слышала о таком, и сейчас могла наблюдать простое и обыденное чудо своими глазами.

И вот, когда я была на коне и в необычно приподнятом настроении, случился этот сон.

Мальчик совсем не выглядел обделенным вниманием, но наш совсем не кукольно-театральный вид и его заставил поступиться с долей скепсиса. По крайней мере, рассматривал он нас с жадным любопытством.

— Я не верю в Деда Мороза, — заявил он, сунув руки в карманы.

— Мне это не мешает, — спокойно ответил Кошмарыч, пригладив свою бороду. — Можешь не верить, я позволяю.

Пацан весь покраснел от обиды и надулся. Я прикинула по виду сновидца — он был постарше Мортимера, но младше Ани. Хотя... девочки взрослеют рано. Может, ему и было около тринадцати. Вряд ли больше. Но если он хотел нас поразить тем, что не верит в сказку, то он опоздал. Лет на пять, я так думаю.

— И чуда настоящего вы сделать не можете, — продолжил мальчишка с упорством. — Подарки в мешок сложить любой может и бороду нацепить. А я хочу как в сказке. Хочу, чтобы она прыгнула через огонь и растаяла!

Мальчишка ткнул пальцем в меня. Затурканная разнообразием чудес, которые у нас просили дети, я всерьез задумалась, как осуществить требуемое. Технически я не была слепленной из снега даже иллюзорно. Но практически это вполне можно было осуществить. Кошмой бы локти сгрыз от зависти — такой вид смерти ему точно в голову не приходил.

Но прежде, чем я успела что-то произнести, Кошмарыч задвинул меня за спину и снял теплые краги. Из-за спины мне было почти ничего не видно, но то, как голые кисти рук мастера обрастают шерстью, а его ногти отрастают крючковатыми прозрачными как слюда когтями, я не могла пропустить. А потом он сам заметно увеличился в росте, пожалуй, я теперь едва дотягивалась до его подмышки, его шуба трещала по швам, наливаясь как синяк багровой кровью. Со скрежетом полезли рога, сбрасывая с головы Кошмарыча шапку. Я ущипнула себя за руку, но проснуться в чужом сне я не могла. И отвлекать мастера вопросами вроде «В кого это вы превратились» почему-то не хотелось. Впрочем, тут мне помог сновидец.

— К-к-крапус, — пропищал мальчишка, мигом растеряв весь свой наглый вид.

— Ты был плохим мальчиком? — проскрежетал Кошмарыч. Не знаю как пацан, а я немедленно пообещала себе быть хорошей девочкой. По крайней мере, на лекциях мастера точно.

— Но — дед Мороз не может быть Крапусом, — дрожащим голосом пробормотал мальчишка. И чего он до сих пор не просыпается? Разве что Кошмарыч его удерживает во сне... Интересно, а он так может? — Это же не наша сказка...

Острые когти того чудовища, в которое превратился мой преподаватель, вспороли мешок с подарками, только вместо карт или подарков оттуда в облаке черной пыли высыпались угли.

— Хорошая вещь — глобализация, — прохрипел Кошмарыч с глухим смешком. Для мальчишки это оказалось слишком. Сон вспыхнул и свернулся, выкидывая нас за свои пределы.

Я наконец смогла разглядеть преподавателя. Что ж, теперь было видно, что это мастер Кошмаров, а не просто так, теоретик какой.

— Это было обязательно? — спросила я. Страх почему-то не было. Наверное, потому что я уже выросла и ко мне такое чудо прийти не могло. Ну или потому что глаза у Крампуса были прежние. Серые и равнодушные.

— Не люблю таких вот, — пояснил Кошмарыч, с каждым словом всё больше становясь собой. — В самом лучшем случае такие мальчишки вырастают в нудных скептиков, в худшем они отравляют жизнь окружающих до тех пор, пока кто-то не ломает свою жизнь о неожиданно хрупкие конечности и черепашки этих мальчиков. И потом, он ведь не чуда хотел. Он хотел показательной смерти. А мы тут не фокусы показываем.

Я могла бы сказать, что как раз в основном фокусы. Эти дети проснутся, и всё останется по-прежнему. Больные будут больными, сироты — сиротами, а этот пацан найдет под ёлкой подарки, а не кучку угля. Но я промолчала. Для Кошмарыча в этом было что-то личное, и в этот раз я не собиралась влезать со своими догадками.

— Некоторые вещи просто происходят, — наконец произнес Кошмарыч. — Вне зависимости от того, хороший человек перед нами или нет. И вот некоторые люди просто озлоблены. Сами по себе. Не от того, что в их жизни случились плохие вещи. А от того, что они сами — та плохая вещь, что случилась с кем-то.

— Я с этими новогодними праздниками поседею скоро, — только и сказала я, выражая этим всё свое мнение не только о последнем происшествии, но и работе с Кошмарычем, постоянной тоской, которая оставалась со мной под блеском всей этой сновидческой мишуры.

— Не стоит, — как обычно равнодушно ответил мастер. — Тебе не пойдет.

— А, ну если только из-за этого, — буркнула я себе под нос, чтобы оставить последнее слово за собой.

— В Новый год отдыхаем, почти никто не спит, а кто спит — в особых снах не нуждается, — тем временем продолжал Кошмарыч, не обращая никакого внимания на мое недовольное лицо. — Я смотрел твой рейтинг, и вот что удивительно — хотя среди первокурсников ни у кого нет таких высоких показателей по кошмарам, я не могу поставить тебе зачет. Ты понимаешь, почему?

Я заинтересованно попыталась пальцем проковырять дырку в шубке.

— Понимаешь, — кивнул Кошмарыч. — Нет ни одного кошмара, который ты создала бы сама, а не попала в него как кур в ошип. За невезучесть у нас зачеты пока еще не ставят.

— А зря, — снова буркнула я. — Вот кому я в новогодние праздники могу с кошмаром присниться?

— Список висит там же, где запись в Снегурки, странно, что ты не заметила, — отозвался Кошмарыч. — Не такой уж маленький список, между прочим. На фоне обжорства многим будут кошмары сниться. Но договоримся на берегу — я не приму от тебя очередной героической смерти. Ты должна пугать, а не пугаться.

— Хорошо, — кисло ответила я, и с облегчением шагнула прямо в коридор Университета. Лишь теперь я поняла, как помог мне мастер, ненавязчиво отправив подальше — я поняла, что только сейчас начала дышать полной грудью. Крампус или что это там было — напугал меня куда сильнее, чем я представляла.

Я долго копалась в списке, выбирая что-то по вкусу, и наконец остановилась на каком-то типе с фобией змей. С бестиологией у меня было не очень, а вот Жюль уже дошел до химерологии, и я собиралась немного сжульничать. Самую капельку.

... - Чудесно, — спустя пару часов Кошмарыч с недоумением оглядывал меня и

смущенного Жюля. — Юноша, вы-то зачем связались с этой девицей?

Не думаю, что он хотел меня обидеть, но прозвучало это не очень. Впрочем, я готова была это пропустить мимо ушей, если он сумеет нам помочь.

— Мы друзья, — отозвался Жюль, стараясь не встречаться со мной взглядом. Я виновато шевельнула хвостом и едва не сбила стоящую в углу кабинета старинную вазу.

— То есть, вы со всеми друзьями такое проделываете? — уточнил Кошмарыч скептически. Жюль шмыгнул носом. У теоретиков черный рыцарь появлялся редко, и поэтому те к нему не привыкли как мы.

— Ольгу спасает только то, что её сновидец проснулся от ужаса, — продолжил Кошмарыч. — А пути получения этого результата нами не прописаны. Но что с вами делать, юноша, я пока не знаю. С одной стороны, вы определенно обогнали свой курс — делать химер из студентов вы начинаете курсе на четвертом, не раньше. С другой стороны, вернуть ей нормальный облик вы не смогли, так?

— Так, — прошептал Жюль, отчаянно краснея. — Я даже пробовал поцелуем...

Настала моя очередь краснеть. Глупо получилось.

Жюль сумел сконструировать для меня иллюзию, которая почти не отличалась от реальной материи снов, он нарисовал отличный хвост и волосы как у Медузы Горгоны, и вышло просто отлично. Мой сновидец не проснулся в то же мгновение, как меня увидел, лишь потому, что от страха примерз к месту.

А потом я вернулась в нашу комнату, и мой облик остался со мной.

Даже попытка нарисовать поверх этой иллюзии иллюзии нормального моего облика и то не сработала. Тогда мы и подумали о поцелуе. Лягушки же превращаются в принцев от этого, чем горгона хуже?

«По-дружески», — предупредила я Жюля строго, а сама замирала от волнения.

Он совсем перепугался моих наставлений, а потому сначала чмокнул в нос — с закрытыми глазами немудрено промахнуться! Потом в щеку — но и это не помогло. И даже последний неловкий чмок в губы ничего не изменил. Только мои волосы-змеи сильнее шипели, словно смеялись над нами.

На лице Кошмарыча не дрогнул ни один мускул. Может, ему и не было смешно. Мало ли сколько он таких балбесов видит.

— Двоечники, — заявил он. — Это срабатывает только между морфом и сновидцем. Неужели мистер Совершенство это не упоминал?

Мы с Жюлем неуверенно переглянулись.

— Ясно, — Кошмарыч хмыкнул. — Так что, или Ольга ищет своего сновидца и пытается убедить его расколдовать поцелуем...

Я помотала головой. Ну уж нет, этот парень чуть в обморок не рухнул, я не готова повысить свой рейтинг по кошмарам до заоблачных высот.

— ... Значит, ждем, когда иллюзия сама развеется, — развел руками Кошмарыч. — Не дольше недели продержится.

— Ты самая красивая, — попытался утешить меня Жюль.

— Нет, это ты красавчик, — привычно отозвалась я.

— Детский сад, — буркнул Кошмарыч. — Оба красавчики, глаз не оторвать.

Он достал какую-то папку и с преувеличенным интересом уставился в неё, всем своим видом показывая, что разговор окончен. Сказать, что я была разочарована, значит, ничего не сказать. Но делать было нечего, надо было ползти обратно, а это само по себе требовало

немалых усилий. Судя по всему, для работы хвоста задействовались не самые привычные мышцы моего тела, и сейчас они нещадно болели. Да и волосы. Кто думает, что змеи такие все эффектно шипящие во все стороны, тот ничего не знает об этом. Эти твари постоянно перепутывались, скандалили, оглушая своим шипением и норовили покусать товарок. Меня, к слову сказать, не трогали. И то хорошо, а то ходила бы я вся искусанная.

К середине коридора я не выдержала и завязала высокий хвост из змей. Теперь они шипели хотя бы не под ухом и не могли запутаться в клубок. И вот стоило мне на это отвлечься, как нас догнали чьи-то шаги.

— Обалдеть! — голос этот я не могла не узнать. — А окаменять взглядом ты тоже можешь?

— К сожалению, нет, — буркнула я. Чтобы повернуться, мне нужно было растопырить руки, иначе я запросто могла упасть. Так что я осталась стоять так, словно мне было совсем не интересно, зачем Вест остановил нас в коридоре. Уж точно не из-за хвоста — он наверняка еще и не такое видел.

— Кошмарыч попросил меня курировать ваш случай, пока иллюзия не спадет, — пояснил Вест сам, обходя нас так, чтобы я могла его видеть, не поворачиваясь. — А тебе он советует вести дневник наблюдений за химерой в изменчивой реальности сна.

Это он уже Жюлю, понятно.

— В смысле? — тот чуть попятился. Ага, не только на меня Вест с первого взгляда произвел не самое приятное впечатление!

— В смысле! — передразнил его Вест. — Мы будем отправлять Ольгу в разные сны, не обязательно кошмары, кстати, а ты записывать будешь, как она себя ощущает в пустыне, например, или в Арктике. И после пробуждения и нового возвращения в сон, что со змеями будет происходить. Потому что хоть мастер и сказал, что это на неделю примерно, но он не химеролог, мог и ошибиться.

— А меня спросить не нужно? — возмутилась я.

— Не нужно, — ответил Вест. — Ты сейчас наполовину состоишь из проекта первокурсника-теоретика, и всё что мы можем — это сделать его проект легальным. Но посмотри на это с другой стороны, у тебя будет самая сногсшибательная практика — фантастические сны не для слабаков! И напарник твой по снам попрыгает, теоретики ведь этого вовсе не видят, так?

Жюль неуверенно кивнул. Нет, не понимаю, как можно выбрать этот факультет, когда можно проживать тысячи жизни в чужих снах! Хотя, с другой стороны... я пошевелила хвостом. И в такие ситуации теоретики тоже не попадут.

— Твоими устами да мед бы пить, — буркнула я себе под нос.

— Моими устами что? — заинтересовался Вест, но я замотала головой, некстати вспоминая про поцелуй с Жюлем. Впрочем, Вест тем и отличался, что быстро менял тему разговора. — Если ты о том, чего хорошего мне с этого, так я объясню. Мне тоже не очень просто попасть в фантастический сон, а тут я буду сопровождать двух первокурсников. У меня, между прочим, тоже есть непростые зачеты.

Да, это всё объясняло, и по всему выходило, что это и впрямь хороший вариант для нас всех. И потом, может, от этих сновидений иллюзия скорее слетит? Надеяться мне точно никто не запрещал. О том, что через несколько дней снова начнется учеба, не хотелось. Группа и без того относилась ко мне неоднозначно, с хвостом они меня точно не поймут.

Кстати о хвосте. Кончик нестерпимо чесался, и я с трудом подтянула его к себе,

опершись одной рукой о стену, а ногтями второй принимаясь скрести чешуйки.

— Чего стоишь. Записывай! — ткнул Вест Жюля. — Может, она еще и линять будет!

И тогда я окончательно поняла, что это будет очень долгая неделя.

Впрочем, как оказалось, нет ничего, к чему человек не может привыкнуть. Уже к концу этого сна я сносно передвигалась в пространстве и даже могла взобраться по не слишком крутой лестнице. Хотя для этого мне нужны были перила и помощь рук.

Пожалуй, не будь рядом Веста, я бы считала случившееся небольшой неприятностью. Но Вест, конечно, не мог позволить мне это.

— Интересный узор у тебя, напоминает питона, — неожиданно произнес он, когда я отдыхала от ползания с препятствиями. — Ты случайно не в штанах с таким узором была?

— Я была в джинсах, — попала я в ловушку.

— Интересно, куда они делись, и останутся ли они после того, как иллюзия развеется? — с серьезным видом спросил он и спрятался за диван. Злясь, я начинала бить хвостом, и пусть использовалась для этого только его самая подвижная часть, этого хватало, чтобы больно ударить по ногам.

— Кстати, а почему ты в свитере? — из-за дивана продолжал неугомонный вредина. — Горгона в свитере с оленем Рудольфом и снеговиком — это странно.

— Я замерзла в том, в чем ходила в кошмар, — ответила я, и завернулась в кольца хвоста, чтобы как следует пообижаться.

Через несколько минут мои волосы завертелись и зашипели, что значило только то, что ко мне кто-то подошел слишком близко.

— Ну не дуйся, — голос Веста можно было бы считать виноватым, не знай я его чуть лучше. — Хочешь чаю с пирожными?

Я высунула голову из-за толстого кольца хвоста и снова за это поплатилась. Вероломный Вест и впрямь держал тарелку с эклерами и чай, но он не преминул добавить:

— Или лучше молоко? Кстати, как насчет живой пищи вроде тушканчиков? Не хочется?

— Ты же не станешь предлагать кентаврам сено, что над ней издеваешься? — за меня возмутился Жюль, который пытался писать какую-то работу, но с нами ему это давалось с большим трудом.

— А вот это, кстати, хороший вопрос, — Вест оглянулся и, не найдя другого сидячего места кроме нашего с Жюлем дивана, присел на краешек стола. — Как-то в прошлом году мы работали над химерой и взяли как раз кентавра...

Я неловко сползла с дивана и отправилась искать энциклопедию самых запоминающихся снов — я видела её мельком у Жюля. Слушать про кентавров мне совершенно не хотелось.

За чтением этой книги я и проснулась в своей постели. Наверное, если бы мама с папой заглянули в этот момент в мою спальню, они были бы порядком озадачены тем, что я сижу и щупаю свои ноги, словно вижу их впервые. К счастью, они были на кухне и оказались лишены такого смущающего умы зрелища.

Ноги были на месте и волосы тоже. Не то, чтобы я сомневалась, но за довольно длинный сон успела отвыкнуть от нормального ощущения ног.

Пожалуй, не припомню другого случая, когда я была настолько готова бодрствовать всю ночь. Теперь я могла понять скверный характер сестер Горгон — такие волосы кого угодно сведут с ума своей болтовней! И, разумеется, Кошмарыч именно в этот момент оказался прав — и мой хвост с волосами-змеями никуда не делись.

В результате я весь сон пряталась от своих добровольных надсмотрщиков в коллекции Гиены Огненной — главное, было вовремя замирать, когда кто-то любопытный проходил по галерее, полной самых разных чудовищ и химер.

Правда, оказалось, что я недооценивала собственно преподавателя, да что уж говорить, её я просто не принимала в расчет, и обнаружила свою ошибку только, когда она подошла ко мне со стаканом сока и бутербродами.

— Поешь давай, Ольга Горгоновна, — усмехнулась она, глядя на меня, замершую в неудобной позе. — Я мальчишек отправила тебя в библиотеку искать. А там и без поисков заблудиться можно на пару часов.

Только после её слов я поняла, как невероятно устала, так что от бутербродов не отказалась.

Гиена бесцеремонно пощупала мой хвост и прицокнула языком.

— А силен первокурсничек, надо будет приглядеться к нему, — заметила она, тоже цапнув бутерброд с блюда и вонзая в него острые зубы. А потом она подтвердила то, что я уже подозревала. — Тебе надо почаще выбираться в разные сны, тогда иллюзия скорее истончится. Не думаю, что тебе удобно будет в таком виде в группе заниматься, да и змеи, я полагаю, своим шипением отвлекают.

— Это точно, — вздохнула я. — Думаете, придется моим надсмотрщикам сдаваться?

— Придется, — согласилась Гиена и снова пощупала хвост. — Какой талант пропадает, а!

Я хотела было сказать, что вовсе не пропадает, он еще только на первом курсе, но прикусила язык. С преподавателями нужно было держать ухо востро, Жюля и так после этой авантюры заметило немало преподавателей, не стоит, чтобы они догадались друг о друге, а то в порыве соревнования растащат моего друга на кусочки, и не с кем мне будет заниматься и болтать.

Так что я поблагодарила за бутерброды и быстро, насколько позволял хвост, поползла искать Жюля и Веста. Как оказалось, я зря боялась тех снов, в которые меня предполагали совать в таком виде. Никаких пустынь — песчаных или ледяных, никаких острых скал. Похоже, Вест просто пошутил. Практически все сны проходили в антураже древней Греции, и я с удовольствием ползала по гладким каменным полам там, где мне указывали, наслаждаясь теплым солнышком, к которому мое обновленное тело оказалось очень чувствительным.

Также прошел и мой второй день, за исключением того, что в паре снов мы оказывались в Индии, и там Вест к моему и без того устрашающему облику добавлял две пары рук и черную кожу. Я безумно боялась, что он что-то сделает не так, и останусь еще и с этими добавлениями, поэтому страшно злилась и готова была ползать за ним по джунглям с кривыми ножами, которыми были заняты как минимум четыре из шести моих рук. Как утверждал потом Вест, давясь от хохота, роль кровожадной индийской богини мне в результате давалась особенно хорошо.

Наверное, расслабилась. Привыкла к хвосту и шипящим волосам, привыкла, что рядом со мной если не Кошмарыч, то Вест и Жюль, и окончательно потеряла бдительность. После того, как Вест избавил меня от лишних рук и вернул цвет кожи, к которому я привыкла, я удобно свернулась на своей половине дивана — большая часть хвоста свисала на пол, но это мне не мешало, и задремала. Некоторое время я еще слышала приглушенный спор Веста и Жюля — они снова обсуждали возможность создания какой-то невероятной химеры, а

потом не заметила, как уснула.

Если и было в моем состоянии место хуже, чем то, в котором я приснилась Андрею, то я не могла его придумать. Да и не хотела, если честно. Немного не до этого мне было, когда я зависла на хлипком веревочном мосту, пытаюсь с помощью рук удержать свое тело на нем. Выходило не очень, хвост мотало из стороны в сторону вместе с мостом. Я даже не сразу сообразила, что это очередной сон Андрея — походило на небольшой камерный кошмар лично для меня. Я не слишком боялась высоты и сны с падениями мне давно не снились, но вот сейчас мне было жутковато. Даже змеи почувствовали мою панику и шипели теперь как нанятые, извиваясь и мешая мне сосредоточиться.

Их шипение, правда, помогло мне обнаружить Андрея. Точнее сказать, это он меня обнаружил. Он только-только перешел этот мост и не чувствовал поэтому как мотает эти канаты, но вот шипение моих змей услышал.

— Чудовище! — заорал он и шлепнулся на землю, спиной отползая от мостика. Я даже на минуточку забыла, что влюблена в него. Ой. Ну то есть... Нет, не влюблена, просто он казался мне таким отважным и так старался меня спасти... А вот сейчас он вел себя как последний идиот, и я всерьез разозлилась. Это всё змеи — с ними на голове просто невозможно остаться доброжелательной и милой.

— Это я, Ольга! — рявкнула я на него, едва не слетев с мостика. — Ты не видишь что ли?!

— Неправда! — проорал в ответ Андрей, но отползать прекратил и наоборот, придвинулся к пропасти. Видимо, чтобы разглядеть, что я — это я. — Ольга красивая, а ты чудовище! Змея!

Я сама удивилась, насколько сильно меня это задело. Нет, я прекрасно понимала, что змеиный хвост вместо нижней части туловища и волосы в виде постоянно ругающихся между собой змей меня, вероятно, не красят. Но до сих пор никто не смотрел на меня как на уродливое чудовище. Даже Вест со всеми его смешками и попытками подсунуть молоко или мышку, относился ко мне точно также, как и всегда. Словно я вырядилась в не очень удачный костюм или меня измазали пастой. Забавно, но не более того. Ну, а Жюль... Мы с ним негласно договорились больше никогда не вспоминать тот поцелуй, но тот факт, что он решился на него, разве не указывает на то, что он не считает меня уродливой змеей?

Наверное, всё дело было в том, что Андрей мне казался совсем другим. Довольно глупо, если учесть, как мало мы были знакомы. Впрочем, это знакомство могло стать еще короче — Андрей не просто так подобрался ближе к мосту, и он определенно не собирался помогать мне перебраться через пропасть. А я ведь только успела подумать, что порядком устала висеть вот так, уцепившись хвостом и обеими руками и не имея возможности сдвинуться ни на шаг. Если можно назвать шагами мой способ передвижения.

Андрей же, бросая на меня опасливые взгляды, достал из-за пояса нож и принялся пилить веревки, удерживающие шаткую конструкцию и меня, между прочим, тоже, над мостом.

— Ты что творишь! — возмутилась я, с тоской поглядывая на острые камни внизу — этот способ смерти мне совершенно не нравился.

— Замолчи, тварь! — выкрикнул Андрей, даже не глядя на меня и продолжая пилить. Это стало последней каплей, и я разревелась. Сквозь слезы я видела, как скала за спиной Андрея оживает, ворочается и — я не успела его предупредить даже об опасности, как скала снова замерла, лишь пара камешков скатилось к подножью, ничуть не задев

сновидца. Почему-то меня не покидало ощущение, что, выберись я с моста, эта скала снова ожила бы. Глупость, конечно — я даже не знакома с этим Андреем на самом деле, с чего его снам целенаправленно меня убивать? Вот до чего доводит обида!

Так, продолжая всхлипывать, я и полетела вниз. Мне повезло там, где уже не ждала ничего хорошего. Как оказалось, не только я плохо видела дно этой расщелины, Андрей, похоже довольствовался самим фактом моего падения, потому как до дна я долететь не успела — сон свернулся раньше. И я очнулась на том же диване, где заснула, только с нормальными, чуть растрепанными волосами и своими собственными ногами — прошу заметить, всё в тех же джинсах! Ну и зареванная как не знаю кто.

— Ну и где ты хвост потеряла? — недовольным голосом спросил Вест, хотя было видно, что мое очередное исчезновение не прошло для него спокойно. Жюль тоже выглядел взволнованным, но молчал. — С ним тебе было куда лучше!

И я снова разревелась, но уже от облегчения.

— Просто представьте, что вы попали в фильм ужасов, — я была рада на каникулах увидеться с подругами, но просто обсуждать проведение праздника не могла. С того памятного сна я просто боялась спать и видеть собственные сны, стараясь не засыпать в снах и как можно больше работать и учиться, не позволяя себе скользнуть даже к колодцам. Мало ли где меня могла ждать новая встреча с Андреем! А мне не очень-то хотелось его видеть после прошлой встречи. Света взглянула сначала на Ваську, а потом уже на меня. Это и понятно. Если Васька скривится, мол, что за глупости приходят в голову, то и Света даже думать об этом не будет. Выбросит из головы быстрее, чем я моргнуть успею.

Но Василиса задумчиво уставилась в потолок, и я уверенно продолжила свое «если бы».

— В этом фильме есть главный герой и вы...ну как получше объяснить... его подруга, — кажется, я немного покраснела. Хотя я заметно охладела к Андрею, но не настолько, чтобы не алеть щеками от одной только мысли о том, что я могла быть для него подругой. С другой стороны, он же вроде бы говорил о любви, когда пытался спасти меня. Раз за разом неудачно, конечно, а в последний раз вовсе не узнал и обругал, но у каждого свои недостатки. Мы с ним не так хорошо знакомы.

— Обычное дело, — кивнула Василиса. — У главного героя или подруга или лучший друг постоянно умирают первым. Я угадала?

Повезло мне с подругой. Сразу с порога разложила все по полочкам, и объяснения уже особо никакого не надо. А ведь это она мне всегда в укор ставит, что я всё сортирую и анализирую. Сама-то недалеко ушла! А главное, как вовремя. Как раз, когда моя голова совершенно отказывается соображать!

— Совершенно верно, — со слишком явным облегчением воскликнула я, но подруги вроде бы ничего не заметили. — И вот как сделать, чтобы не умереть?

— Можно попробовать стать главным героем и выжить, — предположила Васька задумчиво. — Хотя это довольно сложно.

Мысленно я с ней согласилась. По существу, не просто сложно, если говорить о моей реальности, а невозможно. Сон снится Андрею, а не мне. Я, конечно, могу ему отомстить и попытаться увидеть сон с ним. Но мне это мало чем поможет.

— Куда лучше убить главного героя. И съесть, чтобы уже наверняка, — с совершенно серьезным лицом закончила Васька. — Это разом весь фильм сведет на нет.

И непонятно даже, шутит она или и впрямь так думает!

И вот тут Света сказала неожиданно гениальную вещь. С ней иногда такое случается, но всё равно никто никогда не ждет гениальное — и от неё. Она вроде как приложение к нам с Васькой, и только я одна знаю, что не к нам, а к одной Ваське. И вот очередное её откровение.

— На самом деле, ничего не поможет, если сценарист или режиссер фильма решил, что ты должна умереть.

Вот так просто, да. Осталось понять, кто режиссер снов Андрея. Потому как поверить в то, что он сам их такими себе снит — это значило для меня разочароваться слишком во многом.

И вот разбираться почему-то не хотелось. Я окончательно поняла, что интриги и

расследования — это не для меня. Хотелось понятного. Хотя на факультет теоретиков переходи! И как назло, с новым полугодием всё становилось еще более далеким от понятного.

Например, вместо занятий по звукам у нас проводили факультатив по снам-минуткам. Отвечать за их логичность, живучесть и прочие качества было не нужно. Критерием оценки результата становилось от противного — полная абсурдность этого сна. Варить горы в огромной кастрюле, водить хоровод вокруг лося-пельменя, наматывать на шею радугу — в этих снах было возможно всё. Минусы были тоже — эти минутки хоть и были хрупкие как снежинки, невероятно стремились закрепиться в реальности снов, отчего иногда слипались в ком, перемешивались, и если за ними не уследить, то лось-пельмень мог варить горы в десятках снов, что было совершенно недопустимо.

Так что нас учили распознавать такие слипающиеся сны и разбирать их на составляющие. И пусть это было почти также весело как Золушке отделять пшено от проса, но куда лучше, чем попадать в кошмары и умирать оригинальными и совсем нескучными способами.

Я теперь держалась подальше от библиотеки и комнаты отдыха, подсознательно не желая услышать от Ники или Веста, что ничего сделать с моим случаем нельзя. Одно, когда тебе это говорит взрослый, и совсем другое — услышать это от кого-то близкого по возрасту. Так что я неожиданно стало много времени проводить со своей группой, чем несказанно их удивила.

Вообще-то сначала мне казалось, что обходиться без собственных снов непросто, но вот ночь сменилась ночью, а я даже не пыталась просто спать и видеть сны. И ничего похожего на то, что мне от этого как-то не так. Всё-таки взрослые часто преувеличивают — это факт.

И стоило мне окончательно в этом увериться, как всё пошло прахом. Прямо на уроке я на одну минуточку закрыла глаза, просто медленно моргнула, честное слово! — и вот. Очутилась рядом с Андреем посреди леса.

Андрей радостно замахал мне топором, словно и не было нашей предыдущей встречи в ущелье. Увы, но дуться и заставлять его признать свои ошибки, было некогда — судя по всему, мы снова от кого-то убегали.

Я обернулась и обнаружила целую свору злющих черных псов. Лохматые и грязные, они сверкали багровыми глазами и свирепо лаяли, размахивая голыми хвостами. Это позже, отмахиваясь от них корягой и отступая всё глубже в лес, я поняла, что хвосты у псов змеиные.

Мои неглубокие познания в действиях вот таких свор сводились к тому, что, раз нападают они на открытой местности, то в буреломе должны отстать или хотя бы поумерить пыл. Наверное, нужно было внимательнее записывать на лекция Кошмарыча или Гиены Огненной — эти твари не отставали до тех пор, пока не выгнали нас снова на открытую местность, которая по совместительству оказалась болотом.

Как назло, именно перед этим Андрей наконец решил показать себя отважным воином и защитником слабых, и один выступил со своим топором против стаи, давая возможность мне отступать дальше, пока я и не попала в зыбучую трясиину.

Проклятые собаки словно ждали этого, и с злорадным лаем — я не вру! — отступили от взмыленного и трясущегося от собственной безрассудности Андрея. Я попыталась выдернуть хотя бы одну ногу из этой хлюпающей грязи, но без особой надежды. И, конечно, совсем не удивилась, когда вместо этого завязла еще сильнее.

Тут и Андрей подоспел, ладно хоть не полез в тряси́ну! Тонуть в ней в компании — это было для меня слишком даже после курса Кошечя. И потом, суе́тящийся на сухом безопасном месте сновидец вносил хоть какое-то оживление в неприятной ситуации.

Я попыталась проснуться. Ведь весь фокус был в том, что пусть сон был не мой, но и в нем тоже спала, разве нет? Я сейчас была согласна даже на то, чтобы проснуться не в нашей аудитории в Университете, а в своей постели дома. И даже на физике в моей обычной школе я вполне была согласна сейчас очнуться от сна. Вот вроде бы и не так уж страшно и больно всё это во сне, но проснуться хотелось всё равно. Похоже, зря Кошечей на меня смотрел с такой надеждой — не быть мне его ученицей, и научиться получать удовольствие от постоянного умирания во снах я не сумею.

А потом случилась эта огромная чудовищная жаба, и я всё-таки умерла. Умерла, чтобы снова оказаться рядом со своей группой и мистером Совершенство. Тот может и рад бы ограничиться выдачей мне значка с черным зонтом, хотя для него это настоящая мука — он сам избегал таких снов как мог, но меня уже вызвал Черный рыцарь, Кошмар Кошмарыч. Интересно, он в какой-то момент прикрепил маячок ко мне или к снам Андрея? Зная его, можно было предполагать и то, и другое.

После слов Кошмарыча я долго пыталась прийти в себя. Нет, я слышала это от него же раньше, но сейчас было очевидно не только то, что он совершенно точно не шутил, но и то, что он определенно переживает за меня. Конечно, скорее не за меня как человека, а за единицу морфов, за потенциально перспективную его будущую ученицу.

Я остановилась как вкопанная, не заметив, что излишне громко хлопнула дверь в кабинет Черного рыцаря. Позвольте, а кто мне сказал, что цель — именно я? Как тогда говорила Рыба, кажется, что иногда ты можешь быть не целью, а орудием и пострадать только за то, что кому-то так удобнее добраться до своей цели? Или это говорила не Рыба и не такими словами... Не суть. Саму мысль я запомнила именно так. Может, кто-то хочет уберечь морфов от полного хаоса и не подпускает Кошмарыча к той силе менять память сновидцев? Но он же вроде бы и так может это делать, разве нет? Хотя... если это не знает Вест, может, и кто-то другой не знает тоже. Или Вест мне врал? Голова у меня разболелась и так некстати передо мной появился только что упомянутый Вест — сил никаких не было. Я даже разозлиться на него не могла, а ведь очень хотелось. Потому как этот тип сразу же без «здрасте» или «как дела» и «неплохо выглядишь для утонувшей в болоте» начал на меня орать. Вот просто стоял посреди коридора, нависая надо мной, и орал.

— Идиотка! Как тебе в голову пришло избегать собственных снов! Ты свихнуться хочешь?! — я больше слушала звуки, чем реальные слова, пока он не схватил меня за плечи и не принялся трясти словно грушу в надежде на яблоко. Или как там правильно? Голова болела всё сильнее.

— Не ори на меня, не видишь, я плохо себя чувствую после того, как умерла, — наконец нашла я в себе силы, пытаюсь отцепить его руки. Но он только взвыл от злости и затряс меня сильнее — отвратительный тип.

— Ты должна прекратить убивать в себе сноходца! — наконец заявил он. — И раз ты такая упрямая, я на ближайшие пару месяцев возьму над тобой шефство и лично проконтролирую твои сны.

Вот тут-то я очнулась и даже запоздало испугалась.

— Эй, ты же кошмареныш, это что, мне сплошь кошмары видеть два месяца? — возмутилась я.

Вест криво усмехнулся.

— Сама виновата, — заявил он. — «Кошмарёныш». Скажешь тоже. И потом, не все кошмары вот такие, как ты со своим Андреем проживаешь. Как насчет вызова к доске, когда ты не готова?

Я вздрогнула.

— Не, это даже хуже! Может, уплыть от акул в теплом-теплом море? — взмолилась я. Кажется, зря я его обозвала кошмарёнышем, он и впрямь может устроить мне веселенькую жизнь.

— Я подумаю, — важно ответил Вест.

И что-то словно дернуло меня за язык.

— Думаешь, Кошмарыч хочет, чтобы я была его ученицей, потому что ему не хватает учеников для создания всеобщего хаоса?

Вест глянул на меня с жалостью.

— Если он и хочет взять тебя в ученицы, так это чтоб ты не убилась, или хотя бы сделала это правильно, — ответил он. — В глубине души Константин Константинович добряк каких мало. Но ты и так должна была это понять. По-настоящему хорошие кошмары у злодеев не выходят. Они много времени уделяют своей роли в них.

— Думаешь, эти сны Андрея — это его собственное детище? — вот я и задала давно мучивший меня вопрос.

— Он не выглядит злодеем, — нехотя ответил Вест, — И сны у него очень яркие и разнообразные. Вот если бы он был морфом, можно было бы понять. А так — они явно кем-то насланы, но у нас в Университете ежегодно довольно много выпускников, может быть любой. И не обязательно мастер кошмаров.

Да уж, это не слишком вдохновляло...

— Да ты не куксись раньше времени, разберемся мы с твоим сном, — не очень уверенно попытался утешить меня Вестмунд. — Лишь бы этот сновидец не успел привязаться к тебе настолько, чтобы вытягивать даже без привязки к кошмарам. Тогда ты запросто погибнешь в его сне по-настоящему для снов.

Звучало это безумно, но я знала, что это правда. А еще я знала, что его предупреждение сильно запоздало. И не только для Андрея. Я и сама порядком привыкла к этому сновидцу и его кошмарам. Да, звучит еще глупее, но такое иногда случается, вот и со мной случилось. И оставалось только молчать об этом и прятаться за спиной Веста или мастера и надеяться то ли никогда больше не увидеть этого Андрея и всю ту гадость, что ему снится, то ли напротив, чтобы поскорее снова попасть туда.

— Жюль прав, — неожиданно прервал мои размышления Вест. — Ты становишься прозрачной. Слишком часто умираешь в одних и тех же снах. Ты еще не специалист уровня Кощея, чтобы позволить себе такое.

Я немедленно посмотрела на руки. То ли Вест был прав, то ли дело в мнительности, но выглядели они и впрямь словно более блеклыми. Нужно было что-то делать со всей этой историей, и мне совсем не помогало упоминание Веста о том, что Андрей мог бы стать морфом, судя по виду и яркости его снов. Ведь что может быть проще того, чтобы вытащить его в Университет и помочь поступить. Можно даже остаться на второй год, и учиться вместе с ним...

— Не знаю, о каких глупостях ты думаешь, но немедленно прекрати, — прервал мои мечты гадкий Вест, так некстати внимательный к моей скорбной физиономии.

— Чего сразу глупости, — буркнула я, отчаянно краснея. — Я умные вещи думаю.

— Да ладно, — фыркнул Вест. — Поделишься?

— Легко, — мною овладело неожиданное вдохновение. — Раз Андрей как-то вытаскивает меня в свои сны, и я из-за его уверенности в мою смерть могу умереть для снов, то это может сыграть и в мою пользу. Если он будет уверен, что попрощался со мной, то он больше не увидит снов со мной, так?

Вест вытаращился так, что мне стало неудобно. Я вдруг вспомнила, что мы стоим в коридоре и тут иногда ходят люди. Опять же, кабинет черного рыцаря в нескольких шагах.

— Что?! — не выдержала я этого пристального разглядывания.

— Да пытаюсь понять, как устроена твоя голова, что совершенная глупость так гармонично уживается с практически гениальностью, — ответил наконец Вест.

Вот в этом весь Вест. Не может не оскорбить за здорово живешь.

— Сейчас-то что — глупость или наоборот? — осторожно уточнила я. А то мало ли, обрадуюсь и опять огорчусь. Уж лучше уточнить.

— Это гениально, Оль, — ласково ответил Вест. — Только просто так я тебя туда всё равно не отпущу, тебе надо снова стать как можно материальнее тут, во снах. Хоть это и довольно странно звучит.

Я села на пол и вытянула ноги. Вест, ничего не спрашивая и не возмущаясь, уселся рядом.

— А если всё-таки не сработает, и я исчезну из мира снов и перестану их видеть? — я не хотела говорить это вслух. Вроде как пока молчишь, оно и точно не сбудется. Но не удержалась.

Вест некоторое время молчал. Только губами шевелил, словно катал во рту леденец. Я искоса смотрела на него и видела это. Может, и у него были для меня не те слова, что хотелось произносить вслух. Я уже даже собиралась крикнуть, чтобы он молчал, что так будет лучше, но в этот момент он заговорил.

— Я буду смотреть сны про тебя, — совершенно спокойно произнес он. — Столько, сколько понадобится для того, чтобы и ты увидела сон про то, как я вижу сон про тебя.

Пожалуй, это было совсем не то, что я готова была услышать. И при этом он выглядел спокойным, словно в этом ничего такого не было.

Я хотела спросить, зачем, хотела напомнить ему, что терпеть его не могу и его мастера тоже, но, видимо, кто-то сжалился надо мной и над ним. Я просто проснулась.

Я лежала не шевелясь так долго, что собирающийся на работу отец заглянул в комнату.

— Хандрить? — деловито спросил он, ловко затягивая галстук.

— Ага, — я снова уставилась в потолок. Взрослым такие вещи не понять. Если ты не болен или не голоден, то с тобой толком и говорить не о чем. А грусть и вовсе кажется им глупостью. Они тут же начинают рассказывать, как сами грустили из-за чего-то такого же давным-давно и совсем напрасно. Другое дело их проблемы сейчас!

И можно сколько угодно объяснять, что у тебя тоже на данный момент самое правдивое «сейчас» и других пока не предвидится!

Отец замер в проеме двери, словно что-то раздумывая. Потом посмотрел на часы и снова на меня. И вдруг прошел в комнату и распахнул шторы. Я поскорее зажмурилась, но так рано утром за окном еще стояли серые сумерки.

— Знаешь, что хорошо? — не обращая внимания на мое недовольное хныканье, спросил он. — На улице серо и слякотно. И лужи. Просто лужицы. А знаешь, почему? Потому что

уже весна. Мы её не ждали, а она взяла и явилась, красавица. Скоро станет тепло, мы поедем за подснежниками...

Я его уже не слушала, рывком садясь на постели. «За подснежниками» ездить я любила. Мы выбирались в самую глушь, набирали полные сапоги снега и воды, но добирались до сухих пригорков с цветами, которые фотографировали, упираясь коленями и ладонями в грязную землю. Домой приезжали мокрые и уставшие, но счастливые. Мама тут же наливала горячий чай и пичкала остатками меда, ругаясь на нас с отцом, словно не была там вместе с нами. Но дело было не в этом. Совсем недавно же был Новый год, и я была снегурочкой, когда успел пролететь февраль?!

Видимо, об этом и говорил мне Вест, когда орал из-за пропущенных снов. Сны были необходимы для того, чтобы заново уложить по полочкам прожитое за день, чтобы организм подготовился к новому скачку в следующий день. Я же прыгала без остановки, лишь меняя миры, но не давая себе отдыха, и потому попросту потеряла эти месяцы в реальном мире. Нет, я что-то делала, ходила на уроки, в кино с подружками, учила английский и совсем немного — французский, но всё это было словно очень давно, все скрывалось за зыбким туманом и растворялось в нем, стоило лишь попытаться приблизить и уточнить.

Сказать что это меня расстроило — это сильно преуменьшить. Я просто пришла в ужас и весь день не могла больше ни о чем думать. Даже то, что папа вечером принес свежие пирожные — маме за прекрасную улыбку, а мне — чтобы не хандрить, я и то восприняла как досадное вмешательство в мои мысли. Право слово, они же не юные влюбленные, чтобы устраивать тут такую романтику! Но пирожное съела, и то, что оно было вкусным, расстроило меня еще больше.

Едва я оказалась в постели и смежила веки, как оказалась в каком-то странном сне про кулинарное шоу. Последнее, что мне могло присниться, честное слово! И когда бисквит у меня не поднялся, я лишь пожалала плечами. Seriously? Это кошмар? То ли Вест ничего не понимал в кошмарах, то ли он таким странным способом рассчитывал поднять мне настроение. Я же всё еще не могла перестать думать о его словах. Они звучали так обыденно, когда и говорил он, и совсем иначе я слышала и в своей голове.

Я неожиданно поняла, что делаю, когда мой сон уже закончился, и я оказалась в нашем классе с фикусом. Да я же снова придумываю себе предмет для того, чтобы влюбиться в него! Ну уж нет, дудки! Хватит мне этого. Раз за разом обжигалась я на этом — стоит лишь решить, что мне оказывает знаки внимания симпатичный мальчик и начать в него влюбляться, как этот предмет словно подменяют. И остается одно расстройство. Вот и Андрей такой же.

Нет уж, лучше влюбляться на расстоянии, это совсем не больно и не требует времени и сил. Да и Вест вовсе не симпатичный, если уж на то пошло.

Так я себе строго внушила и вернулась к урокам. Теперь я окончательно поняла, что наступила весна — уроки не только в реальности, но и тут во снах, стали куда серьезнее, и задания требовали всё больше часов в библиотеке.

Кир Анемподистович, видимо, совсем замучил сноток, потому как свеженькие, еще ни разу не овеществленные карты таскал нам целыми кипами. И мы трудились над ними даже на переменках, выклянчивая самые понравившиеся. Так мы вскоре обзавелись каждый удобным именно для него стулом или креслом, а Анна Васильевна даже экстравагантным лохматым торшером и корзиной для вязания. О да, она уумудрялась иногда вязать во время лекций, но смотрели на это преподаватели сквозь пальцы, потому как память у неё была

феноменальная и практически все предметы давались ей лучше, чем другим. Разве что с кошмарами у неё не ладилось, но из-за меня все давно махнули рукой на этот предмет, решив, что в нашей группе за них буду отвечать я.

Пока я пребывала в своей задумчивости, граничащей с высшей степенью рассеянности, группа уже наконец-то выбрали старосту, ею стала Джейн. И вот эта деятельная девушка и начала распределять нас по нашим сильным сторонам, создавая из группы вполне боеспособную морф-единицу. Я и тут выбивалась своим не слишком активным присутствием, но даже это предпочти отнести в плюс — чем меньше кошмаров они видели, тем больше рисовало их воображение.

Я наконец-то сумела сосредоточиться на деятельности группы, и с удивлением узнала, что с текучестью, так характеризовал свой предмет Тритон, лучше всех справлялись Дмитрий и Мортимер. И Тритон также прогнозировал, что, неплохо владея текучестью воды как частным, они оба станут хорошими временщиками и смогут создавать те самые тягучие сны, в которых время течет не так, как в реальности. Не говоря уж о прыжка в сны другого времени. Всё это было пока только в теории — нам следовало доучиться до третьего курса и уже там размышлять, получится хоть из кого-то из нас временщик или нет.

Мортимер также отлично умел создавать иллюзии химер или демонов, а призраки у него получались почти эталонной плотности — лучше выходило только у Ани, которая наконец-то нашла к чему приложить свое подростковое бунтарство, и на радость Гиене штамповала привидений, которых не так уж просто было уничтожить. Но на этом сходство двух младших в нашей группе заканчивалось — Мортимеру удавалось практически всё, исключением было разве что овеществление карт, что отчаянно расстраивало добрейшего Кира Анемподистовича, да еще на урока мистера Совершенства мальчик тоже не блистал — он терпеть не мог и не желал учиться нравиться людям.

Аня же ходила в любимчиках у Гиены Огненной, но вот все остальные за голову хватались. И не то, чтобы Аня была неспособной к наукам, вовсе нет. Ей просто слишком быстро становилось скучно, и она половину пропускала, а на услышанном пыталась получить результат. Когда у неё нечаянно загорелся пруд, Тритон задумчиво изрек: «Если пруд загорелся, значит, кому-то такое может присниться» и на этом они и остановились. Полагаю, большинство преподавателей считало также. Я понятия не имела, как Аня собирается сдавать сессию, но прекрасно было видно, что Гиена свою любимицу не выдаст, а значит, отчисление ей не грозит.

Я не слишком понимала, в чем блистает Вячеслав, а вот Виктор вплотную занялся звуками. Самое интересное, что при этом сам он стал куда тише, чем раньше. Бесшумно ступал, отмалчивался на лекциях и только тонко улыбался во время нашей болтовни в библиотеке или столовой.

Сама Джейн была хороша во всем одинаково, но «без огонька» или «без души», и только работа по скреплению нас в единый организм зажигала внутренним светом её красивые глаза. Ну да каждому свое.

Кошмары от Веста порядком затянулись. Он вроде бы обещал пару месяцев, но каждую ночь, закрывая глаза и засыпая, я попадала в новый. Иногда они были кошмарами, но не для меня. Вроде того первого кулинарного. Кстати, во снах я стала так часто готовить, что уже всерьез подумывала о том, чтобы попробовать какой-то из эти рецептов реальности. А почему бы нет? Всё, что может при этом случиться плохого, я уже и из снов знаю!

Иногда это и вовсе сложно было назвать кошмаром. Например, я плыла посреди

бескрайнего моря. Краев не видно, вода теплая, ноги покусывают мелкие рыбешки. Ни акул, ни кракенов, ни какого-нибудь корабля пиратского. Я настолько удивилась этому сну — отдохнула я в нем замечательно, легла на спину и едва заметно двигала ногами, пялясь в синее-синее небо, что уже в университете разыскала Веста, чтобы уточнить, что он мне такое подсунул.

Он посмотрел на меня с тем выражением лица, которое я характеризовала как скорбь по несбывшемуся. В этот раз несбывшийся предстояло быть моему воображению.

— У тебя совсем нет воображения, и это чрезвычайно печальная новость, — заявил этот противный тип. — Сновидцы обычно впадают в истерику при одной мысли, что они посреди океана и ближайшая земля в паре километров минимум, да и то та, что на дне. Ну и, как водится, от паники начинают немедленно тонуть. Очень страшный сон, между прочим.

С таким видом это заявил, словно я его лично оскорбила тем, что не утонула. И я тут же вспомнила, как Васька рассказывала точно о таком сне как примере кошмара. Вот они бы с Вестом друг друга поняли!

— Надо было хоть в одежде тяжелой меня туда закинуть или в кандалах, — не растерялась я. — Чтобы наверняка утонула!

— Отличная идея, — согласился этот невозможный человек. — Именно так в следующий раз и сделаю!

Но следующий сон был про мышь на кухне. Серьезно? Не полчища крыс или еще какой пакости, а одна мышка, бегающая по столу. Весь сон я потратила на то, чтобы поймать мышонка в чашку или банку. Было довольно весело.

Но не все сны были такими милыми. Иногда Вест попадал прямо в точку. Хоть мне и приятнее было думать, что именно в эти сны он ошибался.

Однажды мне приснилась больница. Вроде той, в которой мы были с Кошмарычем. Непривычно серьезные худые дети без капризов и слез сидели в очереди на уколы и капельницы. Кажется, кошмар заключался в том, что я тоже была в очереди, но до этого я додумалась лишь позже, уже проснувшись дома в слезах. Снова заставить себя лечь в постель и закрыть глаза оказалось непросто. Мне не приснился тот же сон, как не приснилась и наша аудитория и первый урок, я оказалась в нашей с Жюлем комнате. Самого Жюля не было, что и понятно — шли занятия. Похоже, мне предстояло прогулять лекцию впервые во сне.

Вместо Жюля в комнате через мгновение материализовался Вест, который тут же с тревогой заглянул мне в глаза, как бы я не пыталась отвернуться.

— Ты чего? — он и впрямь не понимал, в чем дело. — Это же обычный сон. Ты так боишься уколов?

— Ужасно боюсь, — мрачно ответила я, пряча покрасневшие глаза за первой попавшей книгой. Ну как я могу ему объяснить, что я слишком близко к сердцу принимаю беды этих детей? Наверное, я зря злилась на родителей, которые не отпускали меня волонтерить. Они по-своему пытались защитить меня от этих вот слез. Мы с ними всегда быстро проходили мимо попрошайек или детского приюта, я привыкла уступать место старикам и инвалидам, тотчас отворачиваясь от них и не позволяя себе ни мгновения дольше смотреть на старость или чужую боль. Поэтому мне так страшно и тяжело было на месте Анны Васильевны. И вот сейчас Вест снова ткнул в это мое больное место. Но объяснять это ему я не собиралась.

— А, ну ладно, постараюсь запомнить, — расслабился Вест, приняв мои слова за чистую монету. — Настоящим мастером кошмара сложно стать именно из-за того, что все боятся разного. В последнее время куча народа повально клоунов боится, представляешь?

Я его возмущения не разделяла — клоунов я не боялась, но и не любила. Без каких-то причин. Просто не нравились и всё тут. А потом еще Кинга прочитала, ну и понятно всё.

— Ну мы с тобой еще разные кошмары посмотрим, ты не бойся, — странным образом успокоил меня этот паршивец. — Ты просто знай что ли какой подавай, если тебе реально страшно, чтобы зря не тратить на тебя сон.

Такой милый и заботливый, с ума сойти! Я даже не стала напоминать, что в своих снах мы не так уж сильно отличаемся от обычных сновидцев. По крайней мере, вспомнить, что это всего лишь сон, удается с трудом.

Интересно, а какой в своем личном сне тот же Вест? Или Кошмарыч... Хотя нет, о Кошмарыче я этого знать не желала. Такие вещи лучше оставить там, где они прячутся. Но вот мысли о том, чтобы попасть в сон Веста, меня не покидали. Я продолжала ходить на занятия в реальности и во сне и просматривать один за другим кошмары, но эта мысль по-прежнему назойливо крутилась в голове.

Наконец, не выдержав, я подошла к мистеру Совершенству. Самое интересное, что он всё также вызывал у меня неоднозначные чувства, в основном не самые хорошие — его слишком мутная внешность, меняющаяся в зависимости от того, с кем он разговаривает, довольно раздражала. Мы это узнали не на первом занятии, конечно. Там он показал нам осмысленное изменение — оно, впрочем, тоже самостоятельно никому толком не давалось. Но вот стоило остаться с ним с глазу на глаз, а не группой, как его лицо начинало неуловимо плыть, подбирались черты, наиболее приятные собеседнику. Так что по одному к нему старались не ходить.

Мой вопрос же был довольно деликатен и требовал определенного уровня секретности. И в то же самое время я куда больше боялась увидеть не какое-то усредненное милое лицо, а какое-то конкретно. Свои чувства я предпочитала разбирать сама. И если я до сих пор не слишком задумывалась об этом, то лишь потому, что не хотела, вот!

Так что, выбирая из двух зол меньшее, я решила взять с собой поддержку в виде Мортимера. Молчаливый мальчишка так и не стал особо близок с кем-то из группы, конечно, еще препятствием был его возраст, но и не только. Он был слишком скрытным даже для вундеркинда, и взрослые от него отступались, не дождавшись реакции на вопросы и попытки заговорить.

И в то же время он лучше всего годился в наперсники — вряд ли он расскажет кому-то, зачем я его пригласила. Настолько уверена я была только в Анне Васильевне, но я слишком хорошо знала, чье лицо возникнет перед ней, и не уверена, что хочу снова столкнуться с ним.

К слову сказать, Мортимер не выказал и тени изумления. Может, не я одна такая умная? Интересно, а его зовут только ходить секретничать к мистеру Совершенству, или и просто так поверяют свои тайны? Я бы не удивилась.

— Только ты имей ввиду, что он сможет тебе объяснить, как попасть в сон человека, если ты вызываешь у него сильные эмоции, — только и заметил он, потом окинул меня задумчивым взглядом и добавил. — Впрочем, это, наверное, почти любой.

Как же я покраснела, кто бы видел! Кроме самого Мортимера, конечно. То странное чувство, когда ты получаешь комплимент, от кого меньше всего ожидаешь и в самый неподходящий момент. Да и вообще, вроде это и есть признание, когда оценка исходит от мальчика, которому еще по возрасту не полагается хитрить и лицемерить, и вроде бы это и смущает. В общем, я совсем запуталась, и всё это время, пока я краснела и пыталась что-то прояснить в ответ, Мортимер терпеливо ждал.

Наконец, я вспомнила отцовский удачный совет по этому поводу и проблеяла:

— Спасибо.

Он кивнул с самым серьезным лицом, и на этом мы эту смущающую меня историю забыли, отправляясь на поиски мистера Совершенство. Я только тут поняла, что понятия не имею, где обитает наш красавчик, довольствуясь тем, что была в кабинете Кошмарыча, Кощея, да еще Гиены Огненной, причем в виде экспоната. Хоть и недолго.

Мортимер же уверенно петлял коридорами, я едва успевала за ним. А потом были лестницы. Много лестниц. Обычно мне хватало одной, чтобы подняться к мастеру кошмаров, все остальные двери сами бросались под руки в том самом центральном коридоре Университета. Похоже, за почти целый учебный год я не увидела даже малой толики места, где учусь! Топталась в предбаннике и считала, что знаю всё на свете. Даже десятилетний мальчик знает больше, чем я. И даже думать неприятно о том, сколько знают остальные мои одноклассники — мне же их в жизни не догнать!

За этими упадническими мыслями я не заметила, как мы наконец добрались до кабинета мистера Совершенства, и очнулась от раздумий лишь когда мы ворвались внутрь. Без стука, но я тотчас забыла об этом, когда обнаружила, что нахожусь внутри зеркального лабиринта. Мгновение — и во всех зеркалах вместо меня и Морта отражался наш преподаватель.

— Избито и предсказуемо, — заявила я не подумав. Нет, ну что делать — рот руками закрывать или язык откусить?!

Впрочем, мистер Совершенство не обиделся. Тоже довольно предсказуемо. Что у него не отнять, так это совершенно незлобивого и мягкого характера.

— Шоколад любить тоже довольно предсказуемо и избито, — заявил он. — Только вы его всё равно килограммами трескаете. А мне кабинет функциональный нужен, оригинальный пусть у кого другого будет.

Вот так слово за слово мы на удивление быстро добрались до цели моего визита. Даже странно, я думала, будет куда сложнее. Мистер Совершенство, кстати, к нам так и не вышел — просто смотрел из всех зеркал разом — не самое приятное зрелище, так скажем. Зато это заставило меня печалиться о том, что я могла и не тащить с собой Морта. Правда, я немедленно вспоминала, что без него могла и не добраться до этого кабинета, и немедленно успокаивалась.

— В сон конкретного человека отправиться легко, если вы достаточно знакомы, — задумчиво произнес мистер Совершенство, когда я разъяснила мою причину появления. — Правда, во сны других морфов ходить не принято без приглашения.

— Не получится? — немедленно скулсила я. Все мои планы рушились у меня на глазах!

— Не принято, — терпеливо повторил мистер Совершенство. — Ольга, мы часто делаем то, что не принято или даже запрещено. Мы же морфы. Я навяжу тебе мостик на одну ночь. Когда уснешь, приснится не срочный сон, а этот мостик. Главное, идти по нему не оглядываясь и думать, в чей сон хочешь попасть. Начнешь сомневаться или менять выбор — сама виновата.

Он ничего не стал пояснять, но я и без того обладала неплохим воображением — всё Вест врал или просто дразнился — отличное у меня воображение, даже слишком!

Но отказываться было уже немного стыдно. Так что я согласилась, запоздало сообразив, что Вест может заподозрить неладное, если я не появлюсь в подобранном мне кошмаре.

Хотя — если вспомнить о парадоксе времени во снах, я запросто могу оказаться в другой ночи или что похлеще. Предательская мысль, что меня может занести к Андрею, была с негодованием отвергнута и выставлена из головы.

Так я оказалась на этом хлипком мостике, который был перекинут через ничего — мистер Совершенство не стал напрягаться и придумывать какую-никакую пропасть у меня под ногами. Зато думать про Веста было куда проще — я уже злилась за свою дурацкую идею, на себя злиться было грустно, и я со всей самоотдачей злилась на него.

Я даже не перестала злиться, когда уже оказалась во сне Веста. Точнее, я не сразу это поняла, просто мостик вдруг закончился, и я очутилась в крошечной темноте. Даже испугалась поначалу, а потом сообразила, что Вест тоже мог видеть кошмары. Почему бы нет? И вот в такой кошмар я и попала.

И я, конечно, немедленно успокоилась. Потому что чужие кошмары — это пустяки, если только ты не в роли главного чудовища, конечно. Я снова было забеспокоилась, когда меня неожиданно залил свет. Я зажмурилась, запоздало сообразив, что кто-то открыл дверь в мое временное пристанище.

— Чудесно. Я подозревал, что ты однажды свалишься мне на голову, но обнаружить себя в собственном сне, да еще и в собственном шкафу — это пять! — заявил Вест весело, пока я пыталась открыть глаза и увидеть что-то большее, чем цветные пятна.

— Дорогой, кто там? — издали раздался приятный женский голос.

— Никто, мама, — откликнулся Вест. Я даже не обиделась. Увидь я во сне или наяву в шкафу даже лучшую подружку, я бы предпочла ответить также.

Вместо того, чтобы выпустить меня из шкафа, Вест сам забрался внутрь и захлопнул дверцу. Я почти успела испугаться — я не боюсь шкафов или замкнутого пространства, но только когда оно всё замкнуто со мной одной, а не с кем-то еще, как он дернул за невидимую мне веревочку и зажглась лампочка.

Когда-нибудь я обязательно спрошу Веста, почему ему снятся такие забавные шкафы. Но не сейчас.

— Ну, раз ты не испугалась возможности снова серьезно влипнуть и забралась в мой шкаф одной забавы ради, а не для какого-то дела, я думаю, это значит, ты готова, — с самым серьезным лицом произнес Вест. А я уже знала, что такое лицо у него, когда внутри он просто погибает от смеха. Вот теперь и правда страшно стало.

— Я готова? — повторила я за ним, чтобы потянуть время.

— Я готова? — вот так и спросила я, нервно кусая губы. У меня уже вся тонкая кожица с них была объедена, но я не могла остановиться. И потом, ногти-то я уже все сгрызла!

Вест закатил глаза и прищелкнул пальцами.

— Ты спрашиваешь уже шестой раз, но я буду душкой и снова отвечу. Да, ты готова, — ответил он. — Хватит трястись, я тебя подстрахую. В крайнем случае выдерну тебя на крючке как рыбу.

Хотя нет, он сказал «как Рыбу». Это была интересная история. Сначала я думала, что прозвище «Рыба» закрепилось за старостой группы Веста за холодные руки, потом — что за её безжалостное спокойствие по отношению к чужим. Но на деле всё выходило куда интереснее.

Когда-то на далеком для них втором курсе Рыба залипла в индивидуальный сон, как сейчас я. Это был не кошмар и смерть ей не грозила, но это розовое липкое нечто, что сновидцем определялось как романтический сон, её порядком сводило с ума. Нет, сначала она даже гордилась тем, что какой-то сновидец так влюбился в неё, что снит почти ежедневно, водит кормить единорогов сладкой ватой и посыпает лепестками роз, но потом ей стало не до смеха. Это никак не заканчивалось, и сама она выбраться оттуда не могла.

И вот тогда было придумано специальное средство, которое выдергивало несчастную пленницу из сна, позволяя тому сохраниться и не завершиться при исчезновении главной героини. Дыра во сне медленно, но затягивалась, заменяя облик сноходца чем-то другим, и всё это время Рыба оставалась на крючке, зависнув в шаге от требовательного жадного сна.

Эксперимент прошел на ура, его с тех пор проводили еще пару раз, в самых запущенных случаях, но прозвище «Рыба» закрепилось за первопроходцем. Разумеется, это был тот вариант, которого я всеми силами жаждала избежать. Так что предстояло приложить все усилия и всё мое умение убеждать.

— Ты готова, — без напоминания повторил Вест. — Давай!

«Наверное, так инструктора скидывают начинающих парашютистов», — успела подумать я, но в этот момент тянущее неудобство, которое преследовало меня все последние недели превратилось в силу, способную перетянуть слона, а я им не являлась, и потому с головой ухнула в сон.

И едва удержала равновесие, оказавшись в крошечной хлипкой лодке. В ней едва-едва хватало места нам с Андреем, а уж из чего она была сделана, я и думать не хотела. Просмоленная парусина или что-то в этом духе.

Зеленая почти до черноты вода медленно двигала нашу лодку, но мне было некогда размышлять, что нас ждет сегодня — пороги или огромная рыба, питающаяся исключительно вот такими лодками.

— Яндра, — я решила сразу брать быка за рога, не желая болтаться потом на крючке как какая-нибудь приманка. — Сегодня я пришла в последний раз. Попрощаться.

Лицо сновидца вытянулось, и он даже, кажется, стал меньше светиться. В который раз я с досадой подумала, что из него мог выйти отличный морф. Он чувствовал свои сны как никто другой!

— Ты так долго не появлялась, а теперь меня бросаешь, — заявил он обиженным

тоном. — Она говорила правду. Все вы одинаковые!

Я на всякий случай ухватилась за бортики начавшей раскачиваться лодчонки и уточнила:

— Кто говорил?

На самом деле в глубине души я догадывалась, что услышу, но правда оказалась совсем печальной. Лучше бы я его не расспрашивала.

Как оказалось, реальная жизнь Яндры не слишком значительно отличалась от его снов. Разве что чудовищ и разнообразия было поменьше. Судьба наградила его тонкой и влюбчивой натурой, но с девушками ему никогда не везло. Во снах он выглядел несколько моложе, чем в жизни, поэтому я и ошибалась, полагая его ненамного старше себя. В жизни он разочаровывался куда дольше. Его постоянно бросали девушки, друзья не звали на вечеринки и в походы, и только мама неизменно оказывалась рядом с ним. Всегда поддерживая и утешая.

Она же и помогла ему понять, что так будет всегда — и никто кроме нее не останется с ним навсегда. А те, кто его бросил — лучше бы они умерли. И эта ранимая душа, нежный поэт совершенно естественно считал, что в этом мама права. Вот и мои «смерти» были лишь отражением реальных уходов.

— Вот и ты тоже уйдешь, — вяло закончил Андрей, и у меня по спине пробежал холодок. Похоже, сейчас я обеими ногами ступила в то, чего мы с Вестом так пытались избежать. Судя по всему, Андрей не делал разницы между теми, кто ушел от него и теми, кто умер. А выглядел таким милым юношей... Я отчаянно пыталась придумать, что сделать.

— То есть, ты хочешь, чтобы каждый, кто ушел от тебя, умер? — уточнила я, стараясь смотреть прямо в глаза Андрею, а никак не поверх его головы, где за его спиной вставала огромная волна.

Мне даже показалось, что в волне я вижу женское лицо со смутно знакомыми чертами. Впрочем, эти черты немедленно исказились, сменившись жабьей мордой, а потом собачьей. Волна пошла рябью, напоминая змеиное тело. Что-то такое я и подозревала — эта милая женщина, мать Андрея, всегда незримо присутствовала в его снах, избавляясь от любых конкуренток.

Как я и надеялась, Андрей смутился и попытался отвести глаза. Я попала в яблочко! Он относился к тем приятным и людям и тонким натурам, которые предпочитали, чтобы всё происходило без и участия. Мне теперь нужно было лишь сильнее надавить.

— Ну они бросили меня... — пробормотал он, не зная куда деть руки и склоняя голову. Я наклонилась еще ниже, почти к коленкам, чтобы поймать его взгляд.

— Бросили, ушли, — ласково произнесла я, сама поражаясь своему голосу. — Как им умереть за это? Хочешь, чтобы их сплющило от столкновение с грузовиком? Или их раздутые от воды трупы должно прибить к берегу? И чтобы рыбы объели их тела за их предательство? Ты этого хочешь?

Я знала, что рискую, но знала и другое — в глубине души Андрей не был злым. Слабым и запутавшимся — может быть, но не злым. Совсем другое дело его мать, но и она могла оказаться всего лишь матерью, защищающей своего ребенка. Мои мама с папой ради меня самой старались как могли избавить меня от необходимости думать, что происходит вокруг меня. И пусть я хотела быть журналистом, но в мечтах освещала я всякие невероятные вещи, а не что-то вроде того, что происходило в жизни каждого из нас. Что случалось у моих подруг, у одноклассников. Даже у самих родителей.

— Н-нет, — промямлил Андрей, сцепив руки. Похоже, я немного перестаралась. Мельком я глянула на бурлящую над нами воду — как утопят меня за то, что обидела ребенка!

— А что ты хочешь? — как можно ласковее спросила я.

— Чтобы они не уходили. И ты... — он снова сел прямо и уставился на меня щенячьим взглядом. И вот в него я влюбилась! Кошмар. Стыдно-то как!

— А ты просто представь, что они не ушли. Никто из них, — мною овладело вдохновение. — И все кучей торчат у тебя под окнами, лезут в двери, мешают ходить по улицам, знакомиться с новыми людьми...

Андрей вздрогнул. А я словно услышала, как где-то хохочет невидимый и неслышимый на самом деле Вест. Ну да, кошмар нарисовался отличный. И свеженький такой, главное.

— Нет, этого я не хочу, — пробормотал Андрей.

— Кто-то уходит не потому что тебя бросает, а потому что больше ничего не может дать тебе. А ты ему, — мне слегка сводило скулы от произносимого шаблонного пафоса, но Андрею оно ложилось прямо как откровение — глаза у него вытаращились, рот приоткрылся — прямо говори и говори! Я снова мельком глянула на волну, нависшую над нашей лодкой и продолжила: — А что до правоты мамы... Она тебе часто говорит, что она всегда будет рядом?

Андрей кивнул.

— А ты, — я знала ответ, но мне нужно было услышать от него. — Ты часто говоришь ей, что ты всегда будешь с ней, кто бы еще не появился в твоей жизни?

Как печально и как ожидаемо. Андрей помотал головой.

— Ну вот видишь, сколько у тебя дел, — всплеснула я руками, осторожно следя за волной. — Тебе пора просыпаться. Помаши мне рукой. Приятно же знать, что где-то есть такая как я?

Андрей снова кивнул и неуверенно двинул ладонью из стороны в сторону. И начал становиться всё прозрачнее и прозрачнее — просыпаться. И лишь, когда он полностью исчез, сон свернулся, позволяя мне прыгнуть обратно.

— «Приятно же знать, что где-то есть такая как я?», — просипел сквозь душащий его смех Вест. — Ольга, ты невыносима!

— Ну как минимум один сновидец с тобой не согласится! — ткнула я в него пальцем и сурово сдвинула брови. Но облегчение затопило меня, и я тоже расхохоталась. Да и смех этого паршивца был просто заразительным.

— Очень рад, что вам весело, — сухо заметил Кошмар Кошмарыч, отделяясь от тени в углу. — Но смею заметить, мы так и не узнали, кто стоял за всем этим. А значит, это может повториться. А парень хорош. Из него мог бы выйти отличный морф, ты прав, Вестмунд.

Я перестала смеяться и возмущенно уставилась на Веста, всем своим видом вопрошая, что здесь делает мастер кошмаров. Хотя и так было понятно что. Он побоялся один страховать меня и позвал своего учителя. Предатель.

Самое обидное, что на его лице не было ни капли сожаления. Словно это было совершенно в порядке вещей!

— Кто-то искусственно связал тебя с этим сновидцем, — не обращая никакого внимания на мои гримасы, произнес Кошмарыч. — Не очень понятно, каких целей этот кто-то хотел добиться. Этот сновидец никогда не видел тебя, Ольга, и у вас нет ничего общего.

— Мне как-то рассказали, что иногда ты не цель, а просто средство для достижения

чьей-то цели, — пробормотала я еле слышно и добавила уже громче, обнаружив, что и мастер Кошмаров и Вест с интересом на меня смотрят. — Возможно целью было кто-то другой. Например, вы, Константин Константинович.

Кажется, мне удалось его удивить. Каждый раз, когда мне кажется, что нет никаких шансов добиться от него эмоций, я снова поражаю сама себя своими возможностями. Вот и сейчас он моргнул и на короткое мгновение его лицо стало совсем юным. Но лишь на мгновение.

— Вряд ли, — с некоторым сожалением и значительной примесью превосходства в голосе ответил он. — Ты даже не моя ученица, и твое пребывание в кошмарах может разве что быть мне на руку, но никак не наоборот.

Я быстро глянула на него, но тут же отвела глаза. Просто было бы снова поверить в то, что это козни черного рыцаря, но я точно знала, что за всем этим стояла женщина. Мать этого Андрея. Спрашивать, нельзя ли её найти, было бесполезно. Мы уже прошли курс, в котором узнали, что искать людей и узнавать их реальные данные не то, чтобы нельзя — просто не приветствуется. К тому же эти знания заметно искажаются на пластичной материи сна. В общем, если я не хотела вместо матери Андрея найти прототип той самой жабы или змеи, которыми она была во снах, мне стоит поискать другой вариант.

— По крайней мере, эта неизвестная не стала вмешиваться в мой разговор с Андреем и позволила уйти, — заявила я, но замолчала, услышав сдавленное хмыканье Веста. Он ничего не сказал, но я и сама поняла теперь всё. И почему он позвал Кошмарыча, и почему неизвестная не утопила меня в этой темной зеленой воде. Похоже, Черный рыцарь сторожил её как кошка мышь, и она попросту не рискнула. Мне снова стало ужасно стыдно, но извиняться я не собиралась. Впрочем, этого от меня никто и не ждал. Кошмарыч предсказуемо дернул краешком рта, всем своим видом давая понять, как ему нет никакого дела до меня и моих мелких переживаний, и ушел. Только значки как чешуйки терлись друг о друга, но вскоре и они стихли.

Мы с Вестом синхронно выдохнули, когда Кошмарыч исчез из комнаты, и переглянулись.

— Не злишься? — коротко уточнил он. Я помотала головой. — Это хорошо. Мне немного лень сидеть и объяснять тебе, почему я не мог один за тобой следить. Если бы что-то случилось...

И он довольно красноречивым жестом потер шею.

— Я могу теперь видеть обычные сны, а не твои кошмары? — я с досадой прищелкнула языком, понимая, как это звучит. Не хотелось выглядеть неблагодарной. Вест нянчился со мной несколько месяцев, и совсем не заслужил пренебрежения. Впрочем, кажется, он совсем не обиделся.

— Любые сны, — он взмахнул рукой, шутовски предлагая выбирать хоть прямо сейчас. — Мне для моего проекта всё равно хватит, спасибо, что спросила.

— До чего же ты противный! — само вырвалось.

Вест ухмыльнулся.

— Есть немного, да, — согласился он. — Ты, главное, больше не влипни ни во что такое. А то у нас, противных, еще и свои дела имеются.

И шагнул ко мне.

То есть, это я сначала решила, что он ко мне шагнул, а на самом деле он просто прыгнул в другой сон прямо из комнаты, не утруждая себя выходом через дверь. Может, обиделся? В

этом я не была уверена, но и разбираться мне было некогда.

Теперь, когда ниточка между мною и Андреем исчезла, я очень хорошо почувствовала, что она была. Мне стало легче дышать и двигаться, словно я выздоровела после вяло текущей болезни. Не слишком серьезной, но утомляющей. И в то же самое время мне стало гораздо тяжелее, потому как я наконец окончательно огляделась и обнаружила, что просто погрязла в не сделанных работах и домашних заданиях как для школы, так и для Университета.

Пришлось мне нелегко — когда всю ночь пытаешься слепить для курса Гиены Огненной единорога, а потом весь день учишь времена английских глаголов, это накладывает свой отпечаток.

С единорогом, кстати, оказалось сложнее. Вот дернуло меня взять именно его! Уж лучше бы я дракона какого взяла. Но нет, ведь Жюль на единорогах собаку съел, он мне поможет! Никогда, никогда еще я так сильно не ошибалась! Нет, с тем, что Жюль с этими единорогами стал уже на «ты» я была права. Но это и было полным провалом. Количество видов единорогов просто зашкаливало. И мой напарник был уверен, что только он знает, какой из этих вариантов самый «аутентичный». Мои жалобные вопли, что я просто хочу зачет, его не волновали. Обычно мягкий и уступчивый, в случае с единорогом Жюль готов был стоять насмерть.

В результате когда я притащила своего единорога в класс, все с интересом наблюдали за гарцующим существом чуть повыше собаки с козлиной бородкой, лохматым и вертким, и лишь единственным рогом напоминая прекрасное гордое животное.

— Вот отличный пример сложностей в совместной работе практика и теоретика, — первой отмерла преподавательница. — Химера получается при этом живучая, качественная, но совершенно бесполезная.

Но зачет поставила — и на том спасибо.

Просыпаясь, я готовилась к экзаменам. ЕГЭ — это вам не шутки. Многие перенервничали и ушли к репетиторам, но мы со Светой поступили умнее и проще — мы учили вместе с Васькой. Василиса нуждалась в весьма высоких баллах для того ВУЗа, в который она собиралась поступать, поэтому зубрила как проклятая. Ну, а нам просто становилось совестно сидеть и не учить рядом с ней.

Васька иногда снисходила до менее усидчивых нас и неожиданно могла спросить у меня что-то по-английски или бросить в Светку яблоком и потребовать назвать все законы физики, что были применены при этом действии. Мы же отчаянно завидовали её спокойствию и учили еще больше и больше. Французский я временно забросила, когда поняла, что начинаю путать некоторые слова и произношение.

Снились мне всё чаще колодцы — только там я могла отдохнуть. Я давным-давно не видела Нику, с того последнего разговора не пересекалась с Вестом, и даже с Жюлем мы в комнате всё чаще оказывались в разное время. Надо ли говорить, что экзамены в школе для меня прошли как во сне. И не в том смысле, что я ничего не могла вспомнить, а совсем наоборот.

Я так спешила их сдать, что когда они закончились, по инерции еще что-то учила, словно надеясь успеть что-то еще. Английский со мной сдавало всего несколько человек со всей параллели, совсем другое дело — литература. Удивительно, как многие посчитали её хорошим выбором для экзамена! С другой стороны, вот со Светкой сдавали физику еще три парня, двое из которых отличались «врожденной сутулостью» и очками с кошмарными диоптриями. А среди девочек физику больше и вовсе никто не сдавал.

Кажется, у нас была подготовка к выпускному. Я не была в этом так уверена — я замоталась с экзаменами, и несколько ночей даже спала без снов. Сначала испугалась даже, а потом сообразила, что у меня нет сил на это.

Хотя выпускной точно должен был пройти хорошо — его очень ждали родители. Вот уж кто был рад моему окончанию школы, так это они. И ведь я не уезжала учиться в другой город — так я могла хотя бы обидеться!

Папа раз пять уточнил, иду ли я встречать рассвет с одноклассниками, а мама пыталась помочь выбрать платье. Как будто сейчас ходят встречать рассвет! Нет, в каких-то классах может и ходят, но наши собирались уехать на природу на чью-то дачу сразу после выпускного, и тут у меня не было никаких шансов. При упоминании «природы» и «костра» у Васьки начинался нервный тик, а при словах «на всю ночь» и «алкоголь» уже у Светки случался ступор. Так что я с ними за компанию прогуливала все внеклассные встречи, и не собиралась делать исключения для выпускного. Родители качали головами, уверенные, что со временем я обязательно пожалею, что не отнеслась к выпускному серьезно, но мысленно я была со своими друзьями-морфами или с пока еще незнакомыми однокурсниками в ВУЗе. Баллы должны были мне позволить поступить.

И пусть я пока не была знакома с морфами в реальности, в сновидениях ничего не бывает невозможного. И значит, встреча с тем же Жюлем — лишь вопрос времени. И от этого даже расставание с подругами казалось не таким уж пугающим. Точнее, Света как и я оставалась в городе, но мы обе знали, что без Василисы вряд ли будем видеться. А Васька наша уезжала в столицу. И, к слову, прием документов у неё начинался на следующий день после выпускного, и уезжала она рано утром. Еще один повод не задерживаться на последнем школьном празднике.

В том ВУЗе, куда собиралась я, прием документов начинался двадцатого июня, и у меня было еще три дня до выпускного. Но всё пошло немного не так, и этот день уж я точно запомнила надолго. Всё было прекрасно — теплая погода, настроение, новые босоножки для разнообразия не натирали ноги. Я собрала все необходимые документы и не забыла ни одной справки. Собственно говоря, уже на этом этапе было кристально ясно, что долго так чудесно продолжаться не может. Я была во всеоружии — у меня были даже запасные капроновые колготки в сумочке на случай, если зацеплюсь за стул или дверь, и складной зонтик. Одним словом, я никак не ожидала, что подлость меня ждет именно с той стороны, в которой я была полностью уверена. От меня самой.

Меня ненадолго оглушил суматохой и пестротой зал, в котором принимали документы. Хотя, может, это просто большая аудитория. «Потоковая» — мысленно произнесла я, едва не попискивая от восторга. Совсем скоро все эти слова станут моими. «Пара», «поток», «сессия»...

Глаза и уши наконец привыкли к творящемуся вокруг безумию — по крайней мере, по сравнению с холодными и тихими гулками коридорами тут была настоящая вакханалия, и я смогла оглядеться.

Вокруг толпились абитуриенты и те, кто еще собирался ими стать — этих можно было отличить по панике на лице и судорожно сжимаемым в руках пакетам с документами. Часть уже не таращилась по сторонам в таком ужасе — это были те, кто стоял в очередях к одному из столиков. Остальные же бестолково метались по залу, расталкивая змеящиеся очереди и заглядывая в таблички на столах. Сидящие за столами юноши и девушки с высокомерно-утомленными лицами довольно споро раскладывали отданные им драгоценные бумажки так,

словно занимались этим всю жизнь. Я вздохнула — от Вячеслава я знала, что это старшекурсники, он и сам сейчас должен был где-то сидеть вот так же в приемной комиссии. И эта мысль совершенно по непонятной причине прибавляла мне смелости, хоть глаза у меня и разбежались — некоторые таблички я совсем не ожидала увидеть в этом университете!

Я цапнула проспект о своем будущем факультете с центрального стола и встала в нужную очередь. Я и не догадывалась посмотреть такие подробности до этого — оказывается, я могла в дальнейшем выбрать один из десятка языков, а не из двух-трех. Это вдохновляло и пугало одновременно. Я постаралась медленно вдохнуть и выдохнуть, но стало только хуже. Немедленно хотелось выйти на улицу и постоять там.

— Тут душно, — понимающе улыбнулась мне девушка из соседней очереди. — Ты взяла с собой попить?

Я помотала головой. Словно её слова облекли мое состояние в доступные моему мозгу понятия — я тотчас почувствовала, что мне и впрямь нечем дышать.

— Могу дать, — предложила незнакомка. — Но вообще я видела у входа кулер.

Очередь двигалась медленно, а день еще только начинался, так что я решила не мучиться, а последовать совету. Вода из кулера показалось мне вкуснее, чем когда-либо, паника и дурнота отступили.

Возвращаясь на место, я краем глаза зацепилась за название факультета, в очередь к которому стояла незнакомка.

— Социология? — спросила я у неё, продолжая мелкими глоточками пить прохладную воду из пластикового стаканчика. Просто чтобы не стоять молча, словно мы не говорили только что.

— Нет, социальная работа, — улыбнулась девушка. — А ты на английский?

— Не уверена, — задумчиво ответила я, оглядывая, куда можно выбросить опустевший стаканчик. — Вообще-то хотела изучать французский, но тут такой выбор. Может, мне больше понравится нидерландский? Меня, кстати, Ольгой зовут.

— Ох, ничего себе, — девушка приоткрыла рот и тут же застенчиво улыбнулась. — Валентина. Я с языками не очень. Хорошо, что на социальную работу не нужно сдавать иностранный.

— А что надо? — нормальный вопрос, просто праздное любопытство в очереди.

И я никак не могла понять как вышло так, что университет я покинула с документом, ясно дающим понять, что я сдала свой единственный пакет документов — я не планировала поступать в несколько мест, самоуверенная идиотка, на факультет социологии, специальность «социальная работа».

Наверное, в этом был какой-то смысл, если не знать, что у меня среди сданных ЕГЭ нет ни обществоведения, ни истории. К счастью, я успевала записаться на резервную сдачу этих экзаменов. История была двадцать второго июня, а обществознание — двадцать первого. Как-то вот так.

И идти домой было очень страшно. Неожиданно я поняла, что сейчас я одна знаю об этом. Ну и Валя, конечно, с которой мы обменялись телефонами и пожеланиями удачи. Но она не в счет. Ни родители, ни Васька со Светой, ни учителя пока не знали о моем поступке ничегошеньки.

Я не знала, что скажу родителям. Конечно, они всегда повторяли, что я должна сама выбрать свою судьбу, но шла ли речь о том, чтобы круто изменить её ход в самый последний момент?

Мне ужасно не хватало подруг. Но Васька сейчас вся в подготовке к поездке, а Свете нужно было пройти медосмотр для справки — она всё оставила на последний день и теперь ужасно переживала. Да уж, еще вчера мне это казалось настоящим безумием — тянуть так долго, когда можно всё сделать заранее. Нет, я и хотела увидеть их и боялась. Боялась, что они не только скажут, что я совсем свихнулась — это я и сама готова была подтвердить, но и будут смотреть с жалостью. Или... Я не знала, что «или», но набрать номер той же Васьки прямо сейчас не решилась. Так и стояла с телефоном посреди улицы, просто таращилась на экран, но так и не позвонила.

С родителями тоже просто так не поговоришь. Точно не по телефону это не такой разговор. Кажется, я порядком себе накрутила, и у меня уже буквально сдавали нервы. Я просто чувствовала, как начинает дергаться веко! Обычно в таком состоянии я часами не могла уснуть в своей уютной постели, а тут села на скамейку, откинула голову на удобную покатую спинку, и уже через мгновение стояла в коридоре Университета. Единственного места, которое при всей своей изменчивости, остается постоянным весь этот непростой год.

Стоило мне поразиться пустым коридорам, а затем напомнить о том, что на дворе полдень, как навстречу мне из воздуха как из-за невидимого угла вынырнула Картина Георгиевна. И, конечно, ничуть не удивилась мне.

— Что ты тут делаешь, учебный год ведь уже закончился? — тем не менее спросила меня ректор. Тот же вопрос был и у меня к ней. Последние недели были суматошными, и я, каюсь, даже не заметила, как совсем перестала просыпаться тут. Сначала переживала, но потом легко объяснила это своим утомлением и успокоилась. Не до этого мне было. Но это я со своим поступлением, а вот Картина Георгиевна исчезла из университета, едва в реальном мире началась весна.

«Мартовские сны такие безумные, живые и необычные, — мечтательно промурлыкала на своей последней лекции ректор, шевеля ушками и жмурясь от удовольствия. — И всё потому, что наши студенты выпускаются на волю и начинают экспериментировать. Сами, без указаний и жестких рамок — это ли не чудо?»

Я тогда почувствовала острое желание ответить, полагаю, что не только я. Но нас всех останавливало понимание того, что полукошке наше мнение вовсе не нужно, вопрос-то риторический.

А сейчас помимо мои реальных переживаний, что-то еще билось в голове, требуя внимания. И я вспомнила! Первый год обучения и первый шанс оказаться отчисленным. Но для этого как минимум нужно попытаться сдать экзамены, разве нет?

— А наши экзамены? — неуверенно поинтересовалась я у Картины Георгиевны, которая, расположившись на возникшем прямо из воздуха столе, играла со своим хвостом. Да, теперь я знала, что хвост есть, но это меня уже не удивляло и не забавляло — привыкла.

— Тю, Ольга, — лицо у Картины вытянулось, словно я её в чем-то разочаровала. — Неужели ты думаешь, что экзамены для всех одинаковые и включают ответ на пару

глупеньких вопросов? В процессе учебы так или иначе вы сдавали свои экзамены, а те, что остались — их вы сдадите в каникулы. Ты же не думаешь, что всё закончилось до августа, ведь нет?

Признаться, именно так я и думала, но пояснять это не собиралась, разумеется. Вместо этого, я понимающе кивнула.

— Конечно, есть и исключения, — бодро продолжила ректор, вернувшись к хвосту. Её острые прозрачные ноготки ныряли сквозь пушистый мех и вновь появлялись на виду. — Вот Дмитрий и сам в институте работает, и точно знает, как должен проходить экзамен. Жаль было его разочаровывать, вот мы и придумали специально для него экзаменационную комиссию, билеты и даже зачетку. Нам ведь не жалко.

— И что, получается, все сдали и прошли на второй курс? — уточнила я, не произнося вслух то, что меня особенно беспокоило. Справились ли ребяташки или Анна Васильевна? За эти месяцы я ко всем ним очень привыкла. Даже странно немного.

— О нет, — Картина Георгиевна с заметной грустью покачала головой, только вот мне почему-то казалось, что её совсем не печалит. Я вообще плохо представляла что-то, способное вывести из себя нашего ректора. Наверное, такой человек и должен был руководить самым изменчивым институтом на свете. Что бы не случилось, она не теряла присутствия духа. — Сергей не справился. Он ушел перед Новым годом. Точнее...

Она пощелкала своими изящными пальцами, давая понять, что не справившиеся с учебой первокурсники не просто так покидают Университет.

— Как — ушел? — я порылась в памяти и убедилась, что она меня не обманывает — не далее, чем на прошлой неделе я видела Сергея на нашем мозговом штурме, и выглядел он совершенно обычно.

— Ольга, мы же не станем расстраивать наших студентов раньше времени, — хитро прищурилась Картина Георгиевна. — И потом, он еще может вернуться до августа. И хорошо бы ему было куда возвращаться. А самоуверенность студентов — это лучшее, что есть у них. Вы верите, что можете всё на свете — и так оно и есть.

— Не уверена, что понимаю, о чем вы, — проямлила я, окончательно запутавшись.

Картина Георгиевна сладко зевнула, обнажая по-кошачьи острые зубы.

— Это неважно, — отмахнулась она. — Главное, что ты осталась последней первокурсницей, с которой я все еще разговариваю, тогда как все прочие мои ипостаси уже отправились по своим невероятным делам. А если у тебя еще остались вопросы — ты всегда можешь присниться кому-то из преподавателей.

Я представила возмущенное лицо Кошмарыча и заранее скисла.

— Оставшиеся экзамены мы примем в процессе ваших каникул, — ректор словно не замечала моего упаднического настроения. — Не забывай сладко спать каждую ночь, Ольга. И твой пульт управления — возьми.

Я протянула руку за уже знакомым рулем и, лишь коснувшись его, поняла, что до сих пор понятия не имела о его возможностях. Несмотря на малое количество кнопок, они вели к тысячам тысяч вариантов, меняясь каждое мгновение и в то же время оставаясь на месте. И дело даже не в этом, нет. Я просто знала, что происходит там, за этими путями, что тянули меня в разные стороны. И я могла пойти куда угодно.

Первокурсникам-теоретикам снилось, что они замахнулись на огромный замок, и теперь они спешно рисовали карту за картой, путаясь в тайных ходах и этажах. Интересно, а они знают, что в подземелье получится лабиринт, выход из которого ведет в наполненный

водой ров?

Рядом мерцал сон практиков третьего курса — они создавали воду для этого рва — она была более плотной, напоминающей изумрудное желе, и отсюда я понятия не имела, сделали они это нарочно, или плохо слушали Тритона.

Будущие мастера кошмаров редко собирались вместе, но и на них подействовал первый день каникул — сейчас они все вместе — по крайней мере, большая их часть, снили огромного розового единорога.

Выпускники, среди них была и Ника, катались на гигантских серебристых и фиолетовых рыбах, балансируя на них как на серфах.

Какие-то незнакомые морфы строили висячий мост над пропастью, а целая группа из второкурсников и нескольких студентов с курса постарше пытались превратить Анну Васильевну в дракона. Если я правильно видела этот сон, дракон должен был выдыхать огонь и летать. Боюсь, что вместо этого она свяжет им пледик поистине драконьего размера и поджарит пирожков.

Я могла присоединиться к любому сну просто нажав кнопку, никто не стал бы возражать — теперь я это знала точно, и оставалось только удивляться, что раньше я переживала об этом. Конечно, я могла и не устоять на скользких спинах рыб, к тому же сомневаюсь, что выпускники приснили себе обычное море — вполне могло оказаться, что оно способно откусить ногу или руку.

Драконы мне тоже нравились, а из Анны Васильевны получался на диво грозный дракон. И я еще успевала прибыть к тому моменту, как обнаружится, что старушка боится высоты. Это определенно стоило того, чтобы увидеть.

С другой стороны... Я еще колебалась. С одной стороны, я всё ещё не решила. Вся эта на удивление запутанная история, что случилась со мной в этом учебном году, никак не способствовала изменению моего мнения о кошмарах. Я всё еще относилась к ним с опаской. Но с другой стороны, специализация специализацией, а розовый единорог — это и впрямь интересно. Я ведь и правда никогда раньше не думала, что кому-то и в самом деле снится подобное. В мультфильмах — возможно, но кому в здравом уме привидится такое? Да еще в кошмаре!

Так что ничего не случится, если я только одним глазком туда загляну. Одной ногой туда — и обратно!

— Ты вовремя! — вот уж кто всегда рад меня видеть, так это Вест. Приятно, черт возьми! — Мы как раз не можем решить, каким делать рог, золотым или серебряным.

— Золотой лучше подойдет к шерсти, — вставила Тина, высовываясь из-за передней ноги единорога. Если глаза меня не обманывают, она была едва выше копыта этой твари. Теперь-то я понимаю, что кошмаром можно сделать и избыток хорошего. Главное, чтобы этого хорошего было просто ну о-очень много!

— Тина, а ты разве... — я замялась, обнаружив, что на меня с любопытством уставились не меньше дюжины пар глаз.

— Нет, — легко засмеялась Тина. — Ох, я? Я не могу создать кошмар даже для проходного зачета — приходится плагиатить самые непопулярные фильмы ужасов. Но эти милые ребята считают, что их единорог должен вкусно пахнуть, а с запахом карамели и клубники лучше меня никто не справится.

— Понятно, — я слабо улыбнулась ей, представляя как огромный словно дом розовый единорог, за километр распространяющий аромат клубники и карамели, несется на город.

Наверное, это должно сработать.

— Так что там с рогом? — поторопил меня Вест.

— Хрустальный, — не терпящим возражения тоном заявила я. — И никакой другой. И он должен быть крученный как у нарвала. А что я тебе рассказываю, лучше я покажу!

И я принялась карабкаться на морду лежащего на боку единорога, применяя всю свою силу воли, чтобы не лизнуть такую аппетитную шерсть.

— Мы так не договаривались! — возмутился Вест, но полез следом, и некоторое время я слышала за собой только его тяжелое дыхание.

На мгновение острая боль кольнула в груди, и я сама не знаю зачем, остановилась и повернулась к Весту.

— Я сегодня подала документы на поступление, — выпалила я, боясь передумать. — Но не туда, куда готовилась и к чему сдавала ЕГЭ, а на социальную работу. Теперь мне придется сдавать историю и обществознание.

Вест присвистнул.

— Ты совершенно чокнутая, — уверенно произнес он. — Но теперь готовься — сегодня и завтра буду снится тебе всю ночь!

— И нудеть о том, что я свихнулась? — уточнила я.

— Помогать тебе с подготовкой к экзаменам, балда, — усмехнулся Вест, наконец догоняя меня и падая рядом на густую короткую розовую шерсть. — Я же учусь на юридическом, и мне те же экзамены нужно было сдавать. Кое-что я еще помню.

— Кое-что? — я не раз замечала, что когда волнуюсь, говорю глупости и бестактности. Вот и сейчас сказала и пожалела. Но Вест не обиделся. Он вообще редко обижался.

Он лишь покачал головой, мол, ну и дела — такие простые вещи не понимает!

— Кое-что определенно больше, чем совсем ничего.

Тут я не могла с ним не согласиться. Нет, я хорошо училась по этим предметам, но сдавать по ним экзамен — такого мне и в страшном сне не могло присниться. Ничего похоже Вест в страшных снах не понимает! А вот теперь пусть учит. Правда, знания из сна сложно применить в реальности, но у меня не было выбора кроме как попытаться. И забыть, что мы живем в разных странах, а история и обществознание — именно те предметы, что так отличаются с переходом границы.

— А теперь поднимайся, мы должны оживить этого единорога и успешно переслать в нужный нам сон. Целиком, а не по частям, — заявил Вест, заметив, что я снова впала в задумчивость.

— В чей сон? — я поспешила за ним, благодарная за то, что он не оставил меня надолго погибать от бесконечной нежности и счастья.

Вест оглянулся и подмигнул.

— Кошмара Кошмарыча, разумеется, — весело ответил он — Ну посуди, кому еще мы можем приснить розового единорога?!

И я не могла с ним не согласиться.

Так что когда я через мгновение проснулась на той же скамейке, где задремала, на губах моих играла улыбка.

— Сынок, я задремала на самом солнцепеке, давай переберемся поближе к воде, — раздался поблизости смутно знакомый голос. Я точно его слышала, но вот где? Со сна я не могла сообразить. Раздался характерный шорох колес по песку и голос, услышав который, я инстинктивно спрятала лицо в ладонях.

— Конечно, мама, как скажешь.

Сквозь щелочку между пальцами я наблюдала за тем, как высокий парень со светлыми волосами — модная прическа, а сзади волосы длиннее и кольцами спускаются на шею, катит инвалидную коляску по аллее прочь от моей скамейки. И хотя ко мне он был спиной, я готова была руку дать на отсечение, что это Андрей. Яндра. Его голос я не спутала бы ни с чьим.

Наверное, мне стоило утолить любопытство и посмотреть на него вблизи или на его маму, ту самую женщину, что так искусно играла его снами, но... Я была не во сне. А в реальной жизни я предпочитала быть в тысячу раз осторожнее. Она у меня одна, да и я у неё тоже.

Мне достаточно было знать и то, что мы с Андреем живем в одном городе, а значит, еще вполне можем встретиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net